НЕПРОЛЕТАРСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ

в трех РЕВОЛЮЦИЯХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет
«История Великой Октябрьской социалистической революции»

НЕПРОЛЕТАРСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ в трех РЕВОЛЮЦИЯХ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. В. ГУСЕВ

МОСКВА НАУКА
1989

ББК 63.3(2)52
Н53

Редакционная коллегия:
В. И. МИЛЛЕР, Е. И. ЧАПКЕВИЧ, В. В. ШЕЛОХАЕВ

Рецензенты:
академик И. И. МИНЦ,
доктор исторических наук С. В. КУЛЕШОВ

Н $\frac{0503020000-207}{042(02)-89}$ 135—89
ISBN 5—02—008457—3

© Издательство «Наука», 1989

Памяти
Константина Николаевича
Тарновского

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Последние 10—15 лет были временем интенсивного изучения истории непролетарских партий России; опубликованы десятки монографий и сотни статей, посвященных различным сторонам этой большой проблемы. Поэтому, когда сегодня мы пытаемся оценить пройденный путь, необходимо отметить заметное продвижение вперед в изучении основных общероссийских непролетарских партий (меньшевиков, эсеров, кадетов, октябристов), появление целой серии солидных работ, посвященных политическим партиям национальных районов (Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, Молдавии и т. д.), а также первые попытки осмысления исторических судеб непролетарских партий в их совокупности за весь период существования.

Первой работой, вобравшей в себя основные результаты исследований советских историков за последний период, была коллективная монография «Непролетарские партии России. Урок истории» (М., 1984). В ней сделана, на наш взгляд, удавшаяся попытка проанализировать весь путь, который был пройден с момента возникновения первых политических партий России в конце XIX в. и до их ухода с политической арены в 20-е годы. Однако после ее выхода в свет прошло уже пять лет. Все это время историки непролетарских партий продолжали работать: увидели свет новые монографии и статьи, прошли интересные конференции и симпозиумы (в Орле в 1985 г., в Калинине и в Риге в 1986 г., в Тамбове в 1987 г.). Все это сделало весьма желательным сведение воедино того нового, что появилось в историографии проблемы в самые последние годы.

Предлагаемый читателю сборник не может, естественно, решить эту задачу во всей полноте. Однако, как нам кажется, он дает представление о том, в каких направлениях работают исследователи, занимающиеся дооктябрьским периодом истории общероссийских политических партий. Что же касается того периода в истории непролетарских партий России, который начался после победы Октябрьской революции, и исторических судеб национальных политических партий, то эти сюжеты заслуживают, на наш взгляд, самостоятельных сборников статей.

Как нам представляется, не дело авторов предисловия рекомендовать включенные в сборник статьи. Читатель сам сумеет оценить то новое, что каждая из них содержит. Определенное исключение из этого правила нам хотелось бы сделать для статьи покойного К. Н. Тарновского, которая заставляет по-новому взглянуть на процесс возникновения и на начальный этап раз-

вития непролетарских партий России. Хотелось бы также обратить внимание читателей на публикуемую посмертно статью видного ленинградского историка Х. М. Астрахана о партийности населения России в 1917 г.

Со своей стороны мы полагаем, что в последующих трудах, посвященных непролетарским партиям России, должны получить более глубокое освещение такие сюжеты, как соотношение социального состава и социальной базы этих партий, их взаимоотношения между собой и с партией большевиков на различных этапах развития революции, а также те процессы в массовом сознании, которые обусловили взлеты и падения указанных партий.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НЕПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

О. В. ВОЛОБУЕВ, В. И. МИЛЛЕР, В. В. ШЕЛОХАЕВ

НЕПРОЛЕТАРСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

За последние несколько лет вышли в свет труды, авторы которых уже пытались проанализировать имеющуюся литературу по истории непролетарских партий [1]. В них содержатся интересные наблюдения, которые заслуживают пристального внимания со стороны исследователей. Накопились определенные наблюдения и у авторов этой статьи. Не имея целью всестороннее раскрытие темы, мы хотели бы остановиться на трех ее аспектах: хронологических рамках и краткой характеристике современного этапа ее изучения, а также на тех сторонах, исследование которых представляется особенно актуальным и объективно назревшим.

Начало изучению в послевоенные годы истории непролетарских партий положила книга К. В. Гусева, посвященная партии левых эсеров [2]. До этого, в 20-е и первой половине 30-х годов, были опубликованы труды по этим сюжетам, принадлежавшие перу В. Владимировой, И. И. Минца, О. Н. Чаадаевой, Р. П. Эйдемана и некоторых других авторов, а также довольно большое количество брошюр и статей пропагандистского характера. Однако значительную их часть, на наш взгляд, следует отнести не столько к историческим исследованиям, сколько к категории «современной событиям публицистики».

Прошло менее двух лет после появления книги К. В. Гусева, и в 1965 г. вышли из печати сразу четыре монографии — П. И. Соболевой, В. В. Комина, П. П. Никишова и М. В. Спиридонова [3]. Эти работы и сегодня, после издания многих трудов о политике непролетарских партий в 1917 г., сохранили свое значение. И это не удивительно. Хотя специальные исследования о непролетарских партиях до того времени не публиковались, но сыграли свою роль два обстоятельства. Во-первых, общий уровень советской исторической науки сказывался и при разработке сравнительно новой группы проблем. Во-вторых, не мог не оказывать влияния значительный опыт, накопленный советскими историками при исследовании борьбы партии большевиков против непролетарских партий,

теперь появился новый подход к изучению этих партий, но сами сюжеты не были новыми для ученых.

Качественный скачок в изучении проблемы обозначился в 1968 г., когда вышли в свет сразу 5 крупных монографий [4]. Одновременный выход этих трудов дает основание рассматривать конец 60-х годов как определенный рубеж, начиная с которого и до середины 70-х годов исследование истории непролетарских партий развертывалось довольно равномерно. В 1969 г. выходят две небольшие монографии — В. В. Комина и М. В. Церцвадзе,[5] и сборник статей «Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России» (М., 1969); в 1970 г. — коллективный труд «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» (М., 1970) и монография В. В. Гармизы «Крушение эсеровских правительств» (М., 1970); в 1972 г. — книга С. В. Тютюкина «Война, мир, революция: Идейная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг.» (М., 1972); в 1973 г. — монография Х. М. Астрахана «Большевики и их политические противники в 1917 г.» (Л., 1973) и книга Т. А. Сивохиной «Крах мелкобуржуазной оппозиции» (М., 1973); наконец, в 1974 г. появляются монография С. Н. Канева «Октябрьская революция и крах анархизма» (М., 1974) и брошюра Ю. И. Шестака «Большевики и левые течения мелкобуржуазной демократии» (М., 1974). Таким образом, за эти 12 лет (1963—1974 гг.) были опубликованы 16 коллективных и индивидуальных монографий и один сборник статей.

Особо необходимо остановиться на 1975 г., с которого, на наш взгляд, начинается следующий этап в изучении проблемы. В этом году вышли в свет четыре монографии [6]. Однако не появление этих работ определило переход к новому этапу. Качественно новым элементом в разработке проблемы явилось проведение в Калинине в декабре 1975 г. научного симпозиума на тему «Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917—1922 гг.». За ним последовали региональные симпозиумы «Распад местных организаций мелкобуржуазных партий в Поволжье»(Куйбышев, 1976) и «Борьба большевиков Закавказья против буржуазных и мелкобуржуазных партий в 1917—1921 гг.» (Цхалтубо, 1978). А в 1979 г. состоялся второй Калининский симпозиум, обсудивший более широкий круг проблем. Если на симпозиуме 1975 г. анализировались процессы, протекавшие лишь в мелкобуржуазных партиях, то теперь подвергся рассмотрению широкий круг проблем, связанных с историей и общероссийских буржуазных и мелкобуржуазных партий, и тех партий и организаций, которые действовали в национальных районах страны. Соответственно изменилось и название симпозиума, его темой стал «Крах непролетарских партий России».

Прошло еще два года, в 1981 г. Калинин стал местом проведения третьего симпозиума. К этому времени исследования по проблеме приобрели такой размах, что возникла острая необходимость обратить особое внимание на теоретические и методологические аспекты вопроса. В результате этот симпозиум был

посвящен теме «Крах непролетарских партий России: методология изучения, проблемы, историография».

О росте интереса ученых к рассматриваемой теме говорят и данные, которые можно получить при анализе программ калининских симпозиумов: в программе первого значились 35 докладов и сообщений, в программе второго — уже 76, а в программе третьего — 126. Вместе с тем третий Калининский симпозиум показал, что, чем больше число участников, тем труднее организовать плодотворную дискуссию по отдельным проблемам. Поэтому в его рекомендациях содержалось специальное указание, что впредь вряд ли стоит проводить столь массовые научные мероприятия. Выход виделся в переходе к более узким по проблематике конференциям и симпозиумам, которые при сравнительно ограниченном числе участников смогут глубже и всестороннее обсудить поставленные на рассмотрение темы.

В последующие годы выявилось стремление реализовать эти рекомендации. В 1983 г. в Тамбове была проведена научная конференция на тему «Городские средние слои России в Октябрьской революции и гражданской войне», где одним из основных был вопрос о политической ориентации этих слоев в различных регионах страны, их отношении к тем или иным политическим партиям. Весной 1985 г. в Орле прошла конференция «Непролетарские партии России в трех революциях». При подготовке ее программы основное внимание было привлечено к проблемам, связанным с судьбами политических партий в период буржуазно-демократических революций, а сюжеты, связанные с историей партий и организаций национальных районов или хронологически относящиеся к периоду гражданской войны, не рассматривались вовсе. Тем не менее и Орловская конференция отразила рост интереса исследователей к проблематике. Несмотря на сокращение круга вопросов, обсуждавшихся на ее заседаниях, в программу конференции было включено 88 докладов и сообщений.

Интенсивное изучение истории непролетарских партий продолжалось и в последующие годы. Осенью 1986 г. в Риге была проведена Всесоюзная научная конференция «Борьба партии большевиков против непролетарских партий, за массы трудящихся национальных районов России в буржуазно-демократических и социалистической революциях». В ее программу было включено 55 докладов и сообщений, хронологически охватывавших период с 1905 до 1920 г. Почти одновременно в Калинине, где проходила большая научная конференция «Великий Октябрь — торжество идей марксизма-ленинизма», работала секция «Великий Октябрь и крах непролетарских партий». Только в ее программу было включено 22 доклада и сообщения, а всего в ходе конференции проблемы, связанные с историей и политическими судьбами непролетарских партий, получили освещение в 33 докладах и сообщениях.

Приведенные факты, как нам представляется, дают основание для вывода, что одной из важнейших особенностей современ-

ного этапа изучения рассматриваемой проблемы является широкий фронт исследований, охвативший (правда, с разной степенью интенсивности) практически все ее основные аспекты.

Наши исторические журналы достаточно подробно освещали работу всех перечисленных выше конференций и симпозиумов, и все же, как нам представляется, один из результатов их работы не нашел еще должной оценки. Важнейшим итогом работы симпозиумов, проходивших в Калинине в 1975—1981 гг. и в Цхалтубо в 1978 г., явился выход в свет десяти сборников статей, с достаточной полнотой отразивших их проблематику [7]. На статьи, составляющие эти сборники, исследователи часто ссылаются, сами сборники уже давно стали библиографической редкостью, но их содержание до сих пор статистически не анализировалось. Между тем итоги такого анализа достаточно показательны.

Всего в десяти сборниках было помещено 211 статей, что, по нашим подсчетам, составляет свыше 70% всех публикаций по рассматриваемой проблематике, вышедших за последние 10 лет. В качестве авторов статей выступили 149 человек, причем 48 из них публиковали свои материалы два, три и более раз. Естественно, число историков, занимающихся проблемой непролетарских партий, больше 150, но даже приведенные цифры дают представление о том, какой размах приобрело изучение истории непролетарских партий. Заслуживает внимания и еще одно обстоятельство. Из 149 авторов указанных сборников 32 человека до или после участия в калининских симпозиумах опубликовали индивидуальные монографии, связанные с историей непролетарских партий, причем 14 из них принадлежат к названной выше группе из 48 авторов. Все это, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что калининские симпозиумы выявили, объединили и в определенной мере организовали исследователей, занимающихся изучением данной проблематики.

Вместе с тем мы полагаем, что период в изучении проблемы, начавшийся в 1975 г., близится к концу. В пользу такого вывода говорит ряд фактов. Прежде всего необходимо отметить появление обобщающего труда «Непролетарские партии России: Урок истории» (М., 1984). Стремление подвести итоги сделанному ярко выявилось на конференциях 1985—1986 гг., проходивших в Орле, Калинине и Риге. А такое стремление обычно возникает, когда у исследователей складывается впечатление о завершении определенного этапа в изучении темы. Однако новый период в развитии науки никогда не начинается одномоментно. Обычно приходится говорить о каком-то рубежном этапе, в течение которого некоторое время выходят труды, существенно различающиеся своими подходами к предмету изучения. Поэтому вернее было бы указать на переходный характер этапа, в который исследователи вступили в середине 80-х годов. Что же касается нового периода в изучении проблематики, то его наступление смогут доказательно определить лишь историографы последующих лет.

Тем не менее нам хотелось бы проанализировать, с какими

итогами подошли советские историки к сегодняшнему рубежу. За 13 лет (с 1963 по 1975 г.) были опубликованы 23 книги (22 индивидуальные или коллективные монографии и один сборник статей); за последующие 12 лет (с 1976 по 1987 г.) вышли в свет еще 36 индивидуальных и коллективных монографий. А если считать и 10 упомянутых выше сборников статей, то окажется, что за этот период увидели свет 46 книг по рассматриваемой нами проблематике, т. е. вдвое больше, чем за предшествующий период. Ниже мы постараемся показать, как они группируются по проблемам, но сначала посмотрим, как их выход распределялся по годам.

В 1976 г. была опубликована одна книга [8], в 1977 г. — 4[9], в 1978 г. — 4[10], в 1979 г. — 5[11], в 1980 г. — 1[12], в 1981 г. — 8[13], в 1982 г. — 4[14], в 1983 г. — 4[15], в 1984 г. — 2[16], в 1985 г. — 2[17], в 1986 г. — 1[18], в 1987 г. — 4[19]. Как видим, наибольшее число монографий было опубиковано в 1977—1983 гг., а с 1984 г. начинается известный спад. Это, на наш взгляд, также подтверждает тезис о завершении одного периода в разработке проблемы и постепенном переходе к следующему.

Попробуем теперь хотя бы бегло оценить литературу, вышедшую за весь 25-летний период с 1963 по 1987 г. с точки зрения ее проблематики. Теоретическим и методологическим проблемам истории непролетарских партий России посвящена одна коллективная монография — «В. И. Ленин и история классов и политических партий России» (М., 1970) и 16 статей, опубликованных в «калининских» сборниках; истории непролетарских партий России на протяжении всего периода их существования — также одна книга — «Непролетарские партии России: Урок истории», а более узкой проблеме — судьбам мелкобуржуазных партий в послеоктябрьский период — курс лекций М. И. Стишова. История буржуазно-помещичьих партий и организаций получила освещение в семи монографиях (Н. Г. Думовой, Г. З. Иоффе, В. А. Кувшинова, А. Г. Слонимского, Л. М. Спирина и В. В. Шелохаева) и в 21 статье. Неонародническим партиям (эсерам, максималистам, трудовикам и народным социалистам) посвящены восемь монографий (В. Н. Гинева, К. В. Гусева, Х. А. Ерицяна, А. Ф. Жукова, И. С. Капцуговича, Б. В. Леванова, М. В. Спириной, Р. И. Ветрова и А. М. Черненко) и 29 статей. Меньшевикам и близким к ним течениям посвящены пять монографий (Н. В. Рубана, Г. И. Ильящук, Т. А. Игнатенко, Р. И. Ветрова и М. В. Церцвадзе), сборник «Об историческом опыте борьбы КПСС против меньшевизма» и 25 статей. История политических партий, действовавших в национальных районах России (как националистических, так и национально-демократических), нашла отражение в девяти монографиях (А. Бакунца, Р. И. Ветрова, Г. А. Джангвеладзе, А. С. Есауленко, И. Ф. Кураса, Н. С. Сташкевича, Ю. И. Шестака и др.) и 33 статьях. Истории анархизма в России и борьбе с ним партии большевиков посвящены пять монографий (С. Н. Канева, В. В. Комина, Е. М. Корноухова и М. Худай-

кулова) и шесть статей. Об исторических судьбах непролетарских партий России в 1917 г. рассказывают три фундаментальные монографии (Х. М. Астрахана, В. В. Комина и Л. М. Спирина), об Учредительном собрании — две (О. Н. Знаменского и Е. А. Скрипилева), о роли непролетарских партий в годы гражданской войны — шесть (В. В. Гармизы, Т. А. Сивохиной, П. И. Соболевой, О. Ф. Соловьева и Л. М. Спирина).

Особо хотелось бы отметить выросший интерес советских историков к проблемам, связанным с заключительным этапом истории непролетарских партий, протекавшим в годы восстановительного периода (а для части их членов — в первые годы эмиграции). Этим вопросам посвящены шесть монографий, опубликованных в конце 70-х — в начале 80-х годов [20]. До сих пор мы не учитывали их в наших подсчетах, так как в начале 20-х годов на территории Советской России от буржуазных партий остались лишь незначительные группки, действовавшие в глубоком подполье, а остатки мелкобуржуазных партий влачили жалкое существование и лишь пытались изображать политическую активность. Тем не менее выход этой группы работ достаточно показателен.

Большое внимание в последнее десятилетие было уделено анализу ленинского наследия, появился ряд работ теоретико-методологического и историографического характера. Особое значение имеют те из них, в которых разрабатываются теоретико-методологические аспекты изучения истории непролетарских партий [21]. Эти работы оказали определенное влияние как на повышение общетеоретического уровня проводимых исследований, так и на совершенствование инструментария научного поиска, постановку наиболее актуальных проблем, да и сам подход к истории политических партий как комплексной теме.

Существенное значение для понимания истории политических партий в России имели статьи, в которых были обобщены ленинские оценки, характеристики и высказывания о тех или иных непролетарских партиях [22]. Стремление исследователей к более полному и глубокому изучению ленинского наследия, относящегося к истории политических партий, показало необходимость учета как объективных условий и результатов их деятельности, так и субъективных факторов, связанных с существованием тех или иных внутрипартийных группировок, разными позициями их лидеров и идеологов и другими обстоятельствами.

Приведенный перечень работ показывает, что все еще существуют значительные лакуны в изучении ленинских оценок и характеристик непролетарских партий. Так, до сих пор в достаточной мере не проанализированы ленинские оценки меньшевиков, прогрессистов, черносотенцев и некоторых других партий. Но и в том случае, когда исследователи обращаются к ленинскому наследию, они (оценки) берутся, как правило, в узких хронологических рамках истории отдельных партий (периоды революции 1905—1907 гг., реакции, нового революционного подъема

и др.). Таким образом, у нас пока отсутствует сколько-нибудь полная картина, отражающая всю совокупность ленинских взглядов в их становлении, развитии и обогащении конкретно-историческим материалом.

О необходимости изучения системы взглядов В. И. Ленина на эволюцию непролетарских партий свидетельствуют результаты тех исследований, в которых были учтены изменения, внесенные Лениным в характеристики отдельных политических партий на разных этапах их деятельности. Так, после роспуска I Государственной думы В. И. Ленин внес известные коррективы в более ранние характеристики позиции октябристов, отметив тенденцию к их сближению с партиями правительственного лагеря. Тщательный анализ ленинских произведений заставляет сделать вывод о том, что вождь большевистской партии считал деятельность эсеров в первой российской революции в целом способствующей развитию и углублению революционного процесса в стране.

Современный уровень развития историографии требует также дополнения ленинских характерстик и оценок фактическим материалом. Так, известное ленинское положение о том, что российская буржуазия в период первой мировой войны оказалась «почти совсем у власти», должно быть конкретизировано фактами «проникновения» ее представителей не только в местное самоуправление, но и на ключевые позиции в военно-промышленных комитетах, Земском и Городском союзах, а также показом роста влияния либеральной буржуазии на выработку решений разного рода особых совещаний, созываемых в это время царизмом.

Разработка вопросов, связанных с ленинской методологией и методикой анализа идеологии, программ, социального состава, тактики политических партий, имеет принципиальное значение для правильного понимания места и роли каждой из них в системе политических сил на всем протяжении периода империализма в России. Поэтому настоятельно выдвигается задача создания фундаментального обобщающего труда, посвященного комплексному анализу ленинского теоретического наследия по вопросам истории политических партий.

Литературу о непролетарских партиях можно условно разделить на две группы. К первой из них относятся преобладавшие до последнего времени традиционные исследования о борьбе большевиков с непролетарскими партиями. Характерной ее чертой являются «сквозные» в хронологическом отношении монографии и тематические сборники статей, в которых исследуемая тема разрабатывается в широких рамках всего дооктябрьского или послеоктябрьского периода. Такой подход к ее освещению представляется достаточно плодотворным, так как позволяет глубже понять историческую неизбежность банкротства и краха непролетарских партий не только в силу объективных условий российской действительности, сложившейся расстановки классовых и политических сил, но и в результате научно обоснованной ленинской

стратегии и тактики большевистской партии по отношению к ним.

Ко второй группе относятся те работы, в которых объектом исследования являются сами непролетарские партии. Их появление отнюдь не было случайным. Обращение к таким вопросам, как гегемония пролетариата в трех революциях, место и роль большевистской партии в создании и упрочении этой гегемонии, борьба большевиков против правого и «левого» оппортунизма в РСДРП и против непролетарских партий, деятельность большевиков в массах, их работа с различными социальными слоями и группами, проведение тактики «левого блока», потребовало более масштабного и глубокого подхода к освещению истории не только партии большевиков, но и их политических противников.

Вместе с тем сама логика изучения непролетарских партий привела к тому, что исследователи начали разрабатывать вопросы их социального состава и численности. Впервые существенные позитивные результаты были получены Л. М. Спириным, внесшим на основе обработки первичных материалов центральных архивов коррективы в определение численности и состава кадетов, октябристов и черносотенных партий. Следующий шаг в этом направлении был сделан В. В. Шелохаевым, который не только уточнил численность кадетской и октябристской партий, но и выяснил географию их местных партийных организаций. Аналогичная работа применительно к партии энесов была проведена в монографии Н. Д. Ерофеева. Сведения о численности партии кадетов и черносотенных партий в годы реакции и нового революционного подъема приведены в книгах В. С. Дякина и А. Я. Авреха [23].

К настоящему времени группой историков (Н. Г. Королевой, М. И. Леоновым, С. А. Степановым, А. И. Уткиным, В. В. Шелохаевым) на основе разработанной ими методики составлены сводные таблицы численности, социального состава и территориального размещения пяти основных типов общероссийских партий в период революции 1905—1907 гг. (РСДРП, эсеры, кадеты, октябристы, черносотенцы). Исследование этих вопросов дает возможность проследить связь между уровнем социально-экономического развития того или иного региона и расстановкой в нем партийных сил, установить соотношение между составом партий и порайонной структурой населения, выявить зависимость расстановки партийных сил от интенсивности классовой борьбы, между влиянием партий и результатами выборов в Государственные думы.

Разумеется, в изучении этих вопросов сделаны лишь первые шаги. Перед историками стоит задача активного изучения материалов местных архивов, местной печати, в которых содержатся сведения о численности и социальном составе провинциальных комитетов непролетарских партий. В настоящее время назрела задача специального изучения экономической основы и социальной опоры той или иной непролетарской партии. Отсутствие работ по этому вопросу начинает оказывать тормозящее влияние на дальнейшую плодотворную разработку темы в целом.

За последнее десятилетие по сравнению с предшествующим периодом немало сделано в изучении идеологии и программ непролетарских партий. Опубликованы статьи о борьбе В. И. Ленина, большевиков против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии [24]. Этим закладываются основы для обращения к идеологии непролетарских партий как самостоятельному предмету исследования. И хотя в настоящее время проблемы идейной борьбы, особенно в связи с аграрным вопросом и оценками революционного движения, разрабатываются весьма интенсивно [25], число исследований, посвященных формированию тех или иных партийно ориентированных направлений в буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, незначительно. Больше всего внимания в этом плане уделялось становлению неонародничества (В. Н. Гинев, Н. Д. Ерофеев), меньшевизма, октябризма и веховства [26]. Несомненно, что исследования в этом направлении будут продолжены. И здесь особенно важно, чтобы историки шире использовали труды философов, социологов, экономистов и юристов.

Недостаточно полно проанализированы программы непролетарских партий. Исследователи в первую очередь обращались к программам основных политических партий — эсеров (В. Н. Гинев, М. И. Леонов), энесов (Н. Д. Ерофеев), кадетов и октябристов (В. В. Шелохаев), мирнообновленцев (В. М. Шевырин), прогрессистов (А. Я. Аврех, В. Н. Селецкий, А. Г. Слонимский). Однако содержание даже тех программ, которые изучались, раскрыто далеко не равномерно. Отдельные их разделы (экономические и внешнеполитические) остались фактически вне поля зрения исследователей. Несмотря на то что в ряде работ рассматривается национальный вопрос в программах непролетарских партий [27], вряд ли можно сказать, что он освещен достаточно глубоко.

Определенные успехи достигнуты в разработке проблемы «партии, классы и массы». В новейшей литературе исследователи стали обращать внимание на изучение не только форм и методов, но и самих средств массового воздействия, имевшихся в распоряжении непролетарских партий, на выявление всего комплекса причин краха их попыток направить движение масс в реформистское русло, приемлемое для либеральной буржуазии. Лучше всего (что отнюдь не значит в достаточной степени) к настоящему времени освещена деятельность эсеров, энесов и кадетов в годы первой российской революции. Что же касается истории местных организаций и их деятельности, то в этом отношении больше всего сделано на Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджане, Латвии, на Урале и в Сибири.

Учитывая, что информация о деятельности «штабов», столичных и провинциальных организаций, содержащаяся в центральных архивах, в существенной своей части уже введена в научный оборот, исследователям необходимо более интенсивно привлекать материалы местных архивов и особенно местной печати, а также применять новые приемы источниковедческого анализа уже известного материала.

О том, что в резерве имеются большие и еще далеко не исчерпанные источниковые возможности, свидетельствуют исследования В. Т. Логинова и Н. А. Курашовой, И. С. Розенталя, О. И. Горелова. Так, собранные и проанализированные В. Т. Логиновым и Н. А. Курашовой данные по 75 губерниям и областям России в 1912—1914 гг. о групповых рабочих сборах на большевистскую «Правду» и меньшевистский «Луч» позволили уточнить географию и динамику партийно-политической ориентации российского пролетариата в годы нового революционного подъема[28]. Аналогичная работа применительно к профессиональным союзам России была проведена И. С. Розенталем[29]. Предложенная им методика составления карточек учета сведений о профсоюзах может быть использована и при систематизации данных о различных общественных организациях[30].

В настоящее время наряду с созданием обобщающих работ на материалах центральной печати и центральных архивов выдвигается задача проведения региональных исследований, посвященных борьбе политических партий за массы. В этой связи хотелось бы обратить внимание на содержательную статью О. И. Горелова, посвященную влиянию партий в профсоюзах Москвы в 1905—1910 гг., и статьи А. Л. Афанасьева, М. И. Казанцева и А. П. Толочко о деятельности эсеровских организаций в Сибири[31].

К сожалению, рост количества статей, в которых рассматривается проблема «партии, классы и массы», нечасто приводит к приращению новых знаний. Во многих работах борьба большевиков с другими партиями за массы продолжает освещаться на давно известной документальной основе, без поднятия новых источниковых пластов. Дальнейшее продвижение вперед в разработке этой проблемы предполагает расширение источниковой базы и применение новых источниковедческих приемов исследования.

Какие же проблемы изучения истории непролетарских партий России, с нашей точки зрения, заслуживают особенно пристального внимания?

Во-первых, обзор вышедших трудов позволяет сделать вывод, что внимание исследователей главным образом привлекают сюжеты, связанные с деятельностью непролетарских партий в 1917—1920 гг. Но пока очень мало работ, посвященных процессу возникновения непролетарских партий, их деятельности в годы первой российской революции, реакции, нового революционного подъема и первой мировой войны. В какой-то степени это положение объяснимо. В первую очередь разрабатывались вопросы, связанные с идейным банкротством и политическим крахом непролетарских партий. Теперь сама логика исследований подводит к необходимости изучения и начальных этапов истории этих партий. В этой связи хотелось бы сослаться на мысль академика И. И. Минца, который в письме к участникам Орловской конференции 1985 г. призвал исследовать «не только методы, с помощью которых коммунисты добились преодоления влияния непролетар-

ских партий на массы, но и факторы, которые первоначально обусловили это влияние».

Во-вторых, нами были приведены данные о количестве исследований, посвященных тем или иным политическим партиям или группам партий. Однако за этими общими цифрами подчас пропадает реальное содержание. Вот несколько примеров. Буржуазно-помещичьим партиям было посвящено шесть вышедших в последние годы монографий. Внешне это неплохой показатель. Однако три из них — о кадетах. В принципе это понятно: на известном этапе своего развития кадеты стали главной партией российской буржуазии. Но вот другая крупная буржуазная партия — октябристы — пока удостоилась лишь одного монографического исследования.

Слабее всего изучены черносотенные, правомонархические организации. А ведь было время, когда они являлись серьезной политической силой, важным орудием царизма в борьбе с революцией.

В углубленном изучении нуждается и история меньшевизма. И этого от нас требуют не только чисто научные интересы. Реформистские партии, объединенные Социалистическим интернационалом, составляют в настоящее время важную политическую силу, которая, сближаясь по отдельным вопросам с коммунистами, все же стремится выступать в глазах трудящихся как «демократическая альтернатива» «тоталитарной» (по их словам) диктатуре пролетариата. Поэтому так важно проследить историю меньшевизма, т. е. той партии, которая первой из реформистских партий потерпела поражение в открытой борьбе за массы и сошла в историческое небытие.

И изучать нужно всю историю меньшевизма, начиная с 1903 г., тем более, что уже накануне первой российской революции меньшевики, не объявляя себя самостоятельной политической партией, на деле превращались в таковую (со своими центрами, печатными органами, местными организациями и т. п.). Нельзя сказать, что меньшевиков не изучали, но последняя работа обобщающего характера (монография Н. В. Рубана) вышла 20 лет назад.

С тех пор было сделано немало: появились интересные книги С. В. Тютюкина, солидные исследовательские статьи, но по-прежнему в центре внимания ученых находятся взаимоотношения большевиков с меньшевиками, борьба В. И. Ленина, большевиков против тех или иных меньшевистских концепций, тех или иных действий меньшевистских центров и местных меньшевистских организаций. Между тем следует изучать и внутренние процессы, протекавшие в меньшевизме, отношения меньшевиков с массами, которые определялись не только критикой большевиков, но в первую очередь политическим развитием самих масс.

В-третьих, изучение вышедших работ заставляет нас сделать вывод, что, рассматривая идеологию непролетарских партий, их программы, заявления их лидеров, те или иные политические ак-

ции, авторы подчас забывают о таких реалиях, как численность и социальный состав и этих партий в целом, и их местных организаций, размещение этих организаций по стране (т. е. их политическая география), их влияние в массах, а подчас не очень точно формулируют свои взгляды даже по вопросу о классовой природе этих партий. Иногда ссылаются на отсутствие материалов по некоторым из названных выше проблем. Ответом на такую постановку вопроса являются исследования В. Т. Логинова, Н. А. Курашовой, И. С. Розенталя, О. Е. Горелова.

В-четвертых, возросший объем исследований, посвященных непролетарским партиям, делает вполне назревшим вопрос о подготовке специальных историографических трудов, критически оценивающих и советскую, и зарубежную литературу по нашей проблеме. Более того, мы считаем, что появление таких работ станет стимулом для дальнейшего углубленного изучения непролетарских партий.

В-пятых, по целому ряду вопросов у историков непролетарских партий нет единого мнения. Например, численность партии эсеров в 1917 г. одни авторы определяют в 400 тыс., другие в 500—700 тыс. и даже в 1 млн членов. Однако поспорить (и договориться) практически невозможно, так как авторы не раскрывают методику своих подсчетов. Поэтому мы полагаем, что на страницы трудов должен быть открыт доступ к источниковедческому анализу и рассказу о примененных методиках. И тогда мы будем оценивать уже не голые цифры, а пути, с помощью которых они были получены.

В-шестых, изучение непролетарских партий на данном этапе развития советской историографии требует комплексного подхода, который должен, на наш взгляд, включать следующую совокупность вопросов: классовая природа политических партий, их социальный состав, численность, территориальное размещение; формирование идеологии и теоретическое обоснование программы, стратегия и тактика; средства, формы и методы агитационно-пропагандистской деятельности партий в массах и среди различных социальных слоев и групп; выявление причин результативности (или нерезультативности) этой деятельности; отношения партий между собой, а также то, что определяло эти отношения: в ком партии видели союзников, а в ком — противников.

В-седьмых, до сих пор шла речь только о непролетарских партиях. Между тем лучшие наши работы — коллективный труд «Непролетарские партии России: Урок истории», монографии Х. М. Астрахана, Л. М. Спирина и некоторые другие — рассматривают все политические партии России (и большевиков, и их союзников и политических противников) в единой системе, в их реальном взаимодействии. И, как показывает опыт, такой подход оказывается наиболее продуктивным. Поэтому для решения тех задач, о которых говорилось выше, необходимо окончательно ликвидировать грань между подходами к проблематике у истори-

ков партии и у «гражданских» историков. Мы полагаем, что только на этих путях можно обеспечить существенное продвижение вперед.

[1] Борьба Коммунистической партии против непролетарских партий, групп и течений: Послеоктябрьский период: Историогр. очерки. Л., 1982; Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений: Дооктябрьский период. Л., 1987; и др.

[2] *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963.

[3] *Соболева П. И.* Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров, за ленинскую политику мира (ноябрь 1917—1918 гг.). М., 1965; *Комин В. В.* Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; *Никишов П. П.* Из истории краха левых эсеров в Туркестане. Фрунзе, 1965; *Спиридонов М. В.* Политический крах меньшевиков и эсеров в профсоюзном движении (1917—1920 гг.). Петрозаводск, 1965.

[4] *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; *Гусев К. В., Ерицян Х. А.* От соглашательства к контрреволюции: Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968; *Соболева П. И.* Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; *Рубан Н. В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; *Соловьев О. Ф.* Великий Октябрь и его противники: О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 — июнь 1918). М., 1968.

[5] *Комин В. В.* Анархизм в России. Калинин, 1969; *Церцвадзе М.* Логический конец идейных и организационных принципов грузинских меньшевиков. Тбилиси, 1969.

[6] *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Капцугович И. С.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; *Подболотов П. А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975; *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975.

[7] Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917—1922 гг. М., 1977. Ч. 1, 2; Непролетарские партии России в 1917 г. и в годы гражданской войны. М., 1980; Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981; Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982; Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны. М., 1982; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982; Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983.

[8] *Знаменский О. Н.* Всероссийское учредительное собрание. Л., 1976.

[9] *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. Начало XX в.— 1920 г. М., 1977; *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977; *Есауленко А. С.* Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма. Кишинев, 1977.

[10] *Курас И. Ф.* Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. Киев, 1978; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 1903—1917 гг. Л., 1978; *Пономарев И. В.* Критика эсеровской концепции власти и современность. Казань, 1978; *Сташкевич Н. С.* На защите идей Октября: Из истории идейно-политической борьбы в Белоруссии в годы гражданской войны (1919—1920 гг.). Минск, 1978.

[11] Большевизм и реформизм: Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979; *Бакунц А.* Идейно-политический крах партии Дашнакцутюн. Ереван, 1979; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции.

М., 1979; *Жуков А. Ф.* Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979; *Сергеев В. Н.* Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов н/Д, 1979.

[12] *Шестак Ю. И.* Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. М., 1980.

[13] Борьба ленинской партии против мелкобуржуазных групп и течений: Методическое пособие для преподавателей. М., 1981; *Иллерицкая Е. В.* Аграрный вопрос: Провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981; *Ильящук Г. И.* В. И. Ленин о политическом банкротстве меньшевизма. Минск, 1981; *Корноухов Е. М.* Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981; *Солошенко В. И.* Большевики в борьбе с мелкобуржуазными партиями в Белоруссии, 1903 — март 1917 г. Минск, 1981; *Стишов М. И.* История идейно-политического банкротства и организационного распада мелкобуржуазных партий в СССР (1917 г.— 1930-е гг.). М., В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов: Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг. М., 1981; *Джангвеладзе Г. А.* Банкротство антипролетарских партий в Грузии. Тбилиси, 1984.

[14] Борьба Коммунистической партии против непролетарских партий, групп и течений; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; *Кувшинов В. А.* Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов, февраль—октябрь 1917 г. М., 1982; *Скрипилев Е. А.* Всероссийское учредительное собрание: Историко-правовое исследование. М., 1982.

[15] *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. Л., 1983; *Ветров Р. И.* Победа Октябрьской революции и банкротство меньшевиков на Украине. Харьков, 1983; *Ветров Р. И., Черненко А. М.* Октябрьская революция и банкротство эсеров на Украине. Днепропетровск, 1983; *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983.

[16] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; *Худайкулов М.* Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом. Ташкент, 1984.

[17] *Колесниченко Д. А.* Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; *Сташкевич Н. С.* Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии, 1917—1925. Минск, 1985.

[18] *Игнатенко Т. А.* Критика меньшевистской концепции истории Октября в советской историографии (1917 г.— середина 30-х годов). М., 1986.

[19] Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений; *Спирин Л. М.* Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. Л., 1987; *Шелохаев В. В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; *Спирина М. В.* Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. Кроме того, заслуживает быть упомянутой книга С. Н. Канева «Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма, 1840—1917 гг.» (М., 1987), в которой около четырех печатных листов посвящено событиям 1900—1917 гг.

[20] *Подболотов А. А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975; *Комин В. В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Барихновский Г. Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л., 1978; *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. Л., 1981; *Мухачев Ю. В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; *Щетинов Ю. А.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920—1921 г.). М., 1984.

[21] *Спирин Л. М.* Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий в России, 1917—1922 гг. Ч. 1; *Он же.* Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения непролетарских партий России // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции; *Гусев К. В.* История непролетарских партий России и современная идеологическая борьба // Там же; *Алексеева Г. Д.* Некоторые вопросы методологии изучения идейной эволюции и краха мелкобуржуазных партий в России // Там же; *Канев С. Н.* Ленинская классификация политических партий как метод историко-партийного исследования // Некоторые вопросы ме-

тодологии историко-партийного исследования. Л., 1978; *Андреев О. В.* Ленинская методология историко-партийного исследования // Вопросы партийного и советского строительства. Л., 1980; *Леванов Б. В.* Марксистско-ленинские методологические принципы изучения истории партии//Марксистско-ленинская философия и мировоззренческая направленность частных наук. М., 1983.

22 *Афанасьев А. Л.* В. И. Ленин об эволюции и деятельности партии социалистов - революционеров // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской революции. Томск, 1976; *Канев С. Н.* Критика В. И. Лениным теоретических основ анархизма в годы первой русской революции // Борьба ленинской партии против оппортунизма. Л., 1980; *Жуков А. Ф.* Критика В. И. Лениным авантюризма эсеров-максималистов // Там же; *Смирнов В. Г.* Критика программы партии народных социалистов в трудах В. И. Ленина // Там же; *Червякова М. М.* В. И. Ленин о Бунде // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне; *Шелохаев В. В.* Ленинские оценки партии октябристов (1905—1917 гг.) // Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX в. М., 1982; и др.

23 *Дякин В. С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978; *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума, 1912—1914 гг. М., 1981.

24 *Кожурякин А. Д.* Разоблачение В. И. Лениным, большевистской партией империалистической идеологии кадетов в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.) // Науч. тр. Курского пед. ин-та. 1976. Т. 61; *Кувшинов В. А.* Разоблачение В. И. Лениным контрреволюционного характера идеологии кадетского либерализма // Вопр. истории КПСС. 1979. № 4; *Журавлева Л. А.* Борьба В. И. Ленина, большевиков против мелкобуржуазной идеологии эсеров в период революции 1905—1907 гг. // Деятельность В. И. Ленина и большевистских организаций в годы первой революции в России. Пермь, 1980; *Гринько В. А.* Разоблачение В. И Лениным, большевиками троцкистской теории «перманентной» революции (1904—1907 гг.) // Борьба КПСС за единство своих рядов. Саратов, 1983; и др.

25 *Петров А. П.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос...; *Волобуев О. В.* Идейно-теоретическая борьба в России по вопросам истории революции 1905—1907 гг. М., 1984; *Он же.* Либеральные и народнические партии в их самооценке и взаимных оценках (1905—1909 гг.) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции.

26 *Тютюкин С. В.* Указ. соч.; *Волобуев О. В.* К вопросу о формировании буржуазной идеологии в России: (Публицистика октябристов в революции 1905—1907 гг.)//Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX в.; *Карпов В. Д.* 1905 год и формирование «веховской» контрреволюционной идеологии // Там же; *Волобуев О. В., Кулешов С. В., Шелохаев В. В.* Дискуссия о роли интеллигенции в первой народной революции XX в. // Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985; *Дурновцев В. И.* Россия и Запад в «веховской» идеологии // Там же; *Логинов В. Т.* В. И. Ленин о «Вехах» и современная идеологическая борьба // Там же; *Вандалковская М. Г.* История изучения русского революционного движения середины XIX века, 1890—1917 гг. М., 1982. С. 110—134.

27 *Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. М., 1976; *Булдаков В. П., Кулешов С. В.* История образования СССР и критика ее фальсификаторов. М., 1982; *Кулешов С. В.* Из истории борьбы В. И. Ленина с буржуазно-либеральными взглядами на национальный вопрос в России // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. М., 1980; *Горякина В. С.* Партия кадетов и национальный вопрос в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.//Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции.

28 *Курашова Н. А., Логинов В. Т.* Ленинская «Правда» и единство рабочих России: (Новые данные о групповых рабочих сборах 1912—1914 гг.)//История СССР. 1982. № 3; *Они же.* Сплочение рабочих России вокруг большевистской

«Правды»: (По материалам групповых сборов на рабочую печать за 1913 год)//Рабочее движение в России в период империализма: Сб. статей. М., 1982.

[29] *Розенталь И. С.* О количестве, численности, составе профсоюзов царской России // История СССР. 1984. № 1; *Он же.* Профессиональные союзы рабочих России, 1905 г.— февраль 1917 г.: Перечень организаций. М., 1985. Ч. 1, 2.

[30] О методике составления хроники и статистики рабочего движения в России периода капитализма (1861— февраль 1917 г.) // Вопр. истории. 1984. № 11.

[31] *Горелов О. И.* Борьба политических течений в профсоюзах России: (Некоторые проблемы изучения) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями; *Афанасьев А. Л.* Деятельность эсеров в Восточной Сибири в период революции 1905—1907 гг. // Классы и партии Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977; *Казанцев М. И.* Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905—1907 гг.// Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1976; *Толочко А. П.* К истории эсеровских организаций в Сибири в годы нового революционного подъема (1910—1912 гг.)// Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984.

К. Н. ТАРНОВСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НЕПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ

1

Конечный пункт оформления политической структуры западноевропейского буржуазного общества — образование марксистских рабочих партий — оказался исходным моментом того же процесса в России: социал-демократия здесь возникла до буржуазной революции и раньше непролетарских партий [1]. Если это капитальной важности факт, одно из проявлений принципиальных особенностей социально-политического развития России, то он должен соответствовать другим особенностям капиталистической эволюции России, вместе с ними составлять известную целостность

Начать необходимо с содержания понятия «особенности капиталистической эволюции». «При общей закономерности развития во всей всемирной истории,— подчеркивал В. И. Ленин,— нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»[2].

В. И. Ленин сформулировал это положение в январе 1923 г. Оно является обобщением многолетних размышлений Ленина над вопросами об особенностях, типах, путях общественного развития при капитализме — вопросами, которые в 1920-х годах привлекали его особенно пристальное внимание (вспомним положения книги «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»— апрель—май 1920 г. [3]), но которыми он занимался на протяжении всей своей жизни ученого-исследователя и политического деятеля. Если

первым русским марксистом, начавшим разработку проблемы развития российского капитализма, был Г. В. Плеханов, то к специальной разработке вопроса об особенностях российской капиталистической эволюции первым обратился В. И. Ленин. Именно эту задачу — изучить «то, что́ отличает одну капиталистическую страну от другой» и что «обще всем им», решаемую посредством исследования «*всех форм экономического антагонизма в России*», изучения «*их связи и последовательного развития*», выдвинул Ленин перед русскими марксистами в первой же своей большой книге «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?», написанной в 1894 г. [4], и вновь указал на ее важность в 1899 г. при разработке плана построения партии нового типа. «И в России,— подчеркнул Ленин в работе „Проект программы нашей партии",— мы видели те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы»[5].

2

К тому времени, когда писались эти слова, огромная работа по изучению «всех форм экономического антагонизма», «их связи и последовательного развития» была в своих основных чертах уже проделана Лениным. В итоге было установлено, что в России выявилась неизвестная еще форма утверждения капиталистического способа производства. В сравнении с западноевропейской она характеризовалась не только сжатыми сроками, но также резким смещением стадий (этапов) складывания системы крупноиндустриального производства и иной последовательностью аграрно-капиталистического и промышленного переворотов.

Создание системы крупноиндустриального производства на Западе явилось заключительным этапом длительного развития промышленного капитализма. Ему предшествовали: более или менее радикальный аграрный переворот; две стадии промышленного переворота — в легкой, а затем в тяжелой промышленности; строительство сети железных дорог; складывание банковской системы. В общей сложности на создание развитой капиталистической экономики и буржуазного общества — исходных пунктов перерастания домонополистического капитализма в империализм — западноевропейским странам, «первому эшелону» капиталистического развития, потребовалось около ста и более лет.

В России, во-первых, система крупноиндустриального производства была создана менее чем за полвека, а, во-вторых, основные этапы складывания этой системы были резко смещены. На Западе железные дороги явились результатом промышленного переворота и в этом смысле, по выражению Маркса, увенчали дело окончательного преобразования капиталистического произ-

водства [6], тогда как в России крупное железнодорожное строительство началось до завершения промышленного переворота и стало стимулом индустриального развития страны. Что же касается последовательности аграрно-капиталистического и промышленного переворотов, то в странах раннего капитализма первый был следствием буржуазных революций и предшествовал второму, тогда как в России, напротив, промышленный переворот завершился до буржуазной революции, а аграрно-капиталистический, предполагающий окончательное торжество «национального пути» капиталистического развития, не завершился вовсе [7].

Ответил Ленин и на вопрос о причинах иной, чем на Западе, формы российской капиталистической эволюции, обратив внимание не только на всемерную поддержку царизмом помещичьего землевладения, но также на ускорение роста некоторых отраслей тяжелой промышленности и железнодорожного строительства методами прямого государственного вмешательства, с одной стороны, и привлечения иностранных капиталов — с другой [8].

Таковы принципиальные особенности капиталистической эволюции России, выявленные с точки зрения указания Ленина на возможность своеобразия «либо формы, либо порядка» капиталистического развития. Разработка намеченного только что вопроса на конкретном материале составила целую полосу истории советской исторической науки. Общим итогом этой полосы является выдвигаемое в настоящее время положение о России как стране «второго эшелона» капиталистического развития.

3

Если при изучении экономического развития пореформенной России исследователи обращали прежде всего внимание на ускорение индустриального развития, то, переходя к некоторым вопросам социально-политической истории страны, приходится говорить о двойном процессе: с одной стороны, о задержке консолидации в класс российской буржуазии как следствии насаждения капитализма сверху [9], а с другой — об опережавшем буржуазию социальном и политическом развитии российского пролетариата. До сих пор принято говорить о зависимости российской буржуазии от царизма. Этого недостаточно. Не выполнив до конца своей исторической миссии — самостоятельного создания общероссийской системы крупноиндустриального производства, участвуя в этом процессе наряду с царизмом и иностранным капиталом, коренная российская буржуазия к началу XX в. не смогла сложиться в класс, монопольно распоряжающийся индустриальной мощью страны, и политически осознать себя таковым. Напротив, для российского пролетариата ускоренное складывание системы крупноиндустриального производства с необходимостью вызывало ускоренную классовую консолидацию в масштабе всей страны, а одинаковые примерно условия жизни и эксплуатации на предприятиях государственных (казенных), ино-

странных и «отечественных» облегчали осознание принципиальной общности своего положения, общих (интернациональных) и особых (национальных) задач. И потому на арене политической борьбы пролетариат оказался раньше буржуазии: массовое рабочее движение в связи с социал-демократией, открывшее полосу подготовки демократической революции, началось в России в середине 1890-х годов и создало условия для возникновения партии российского пролетариата.

Таким образом, принципиально иной, чем в западноевропейских странах, исходный момент формирования социально-политической структуры российского буржуазного общества определился иным типом капиталистической эволюции страны и на другом материале выражал его.

Обратимся теперь к некоторым особенностям положения и деятельности партии российского пролетариата, определявшимся характером и перспективами развития революционного процесса в России.

4

Назревавшая в России начала XX в. революция не могла быть простым повторением ранних буржуазных революций. Последние совершались под руководством буржуазии, заканчивались ее победой и подавлением самостоятельных выступлений трудящихся масс. В России буржуазная по содержанию революция могла стать пролетарской по основной движущей силе и средствам борьбы, привести к поражению буржуазии еще на демократическом этапе и открыть перед пролетариатом и его союзниками социалистическую перспективу. Как известно, таким именно прогнозом заканчивается ленинская книга «Что такое „друзья народа"...»[10]. Соответственно, формулируя задачи нарождавшейся в России революционной марксистской партии, Ленин в той же работе специально подчеркнул, что русским коммунистам, «более чем какимнибудь другим», нельзя никогда забывать в своей деятельности «о громадной важности **ДЕМОКРАТИЗМА**»[11].

Соединить массовое рабочее движение с марксизмом и борьбу социалистического пролетариата с демократическими движениями народных масс — так формулировал Ленин вытекавшие из объективного положения страны задачи и основные направления деятельности российской революционной партии, обеспечивавшие принципиально иной, чем тот, что представлялся лидерам западных социал-демократий, курс к пролетарской революции и социализму с иными сроками развития революционного процесса. В условиях наступающей новой эпохи и в такой стране, как Россия, борьба за демократию и борьба за социалистическую революцию не будут резко разделены во времени, как в странах «первого эшелона» капиталистического развития, а станут звеньями единого революционного процесса. Пролетариату незачем ждать, когда он станет большинством нации. Не только на демократичес-

ком, но и на социалистическом этапе развития революции он выступит в союзе с большинством трудящихся масс.

Как известно, к выполнению этой двуединой программы Ленин приступил с первых шагов своей практически-политической деятельности: наряду с переходом от пропаганды к агитации среди широких рабочих масс Ленин готовил к выпуску газету, которая должна была «привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия»[12]. В переходе от пропаганды к агитации среди рабочих и демократических слоев российского общества была, таким образом, заложена программа соединения марксизма с рабочим движением и рабочего движения с демократическим.

В середине 1890-х годов петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» не удалось привлечь к активной поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой самодержавия. Но первая (и для того времени основная и решающая) часть выработанной Лениным программы начала успешно выполняться и получила яркое и наглядное выражение в знаменитой «промышленной войне», как назвал Ленин массовые стачки петербургского пролетариата весной—летом 1896 г. Первым среди всех остальных классов российского общества пролетариат выявил свою способность и готовность к открытой массовой борьбе и потому стал центром притяжения других угнетенных самодержавным режимом социальных групп и слоев. Первой политической группой, а затем партией, показавшей умение руководить массовыми выступлениями рабочих и вместе с тем обнаружившей понимание общих задач освободительного движения, стала российская социал-демократия, соответственно она стала центром притяжения еще не вполне самоопределившихся революционно-демократических общественных элементов.

5

Ленинская «Искра» 1 января 1903 г. заметила, что в эпоху общественной реакции конца XIX в. «один только русский пролетариат, как класс, проявил политический смысл, один только он неудержимо развивался и оказался способным не только вести общественную борьбу, но и — в силу этого — поглощать общественные симпатии всех активно революционных элементов, выделявшихся нашим обществом». Интерес к пролетарскому социализму — марксизму был выражением этих общественных симпатий, а широкое распространение некоторых марксистских положений среди интеллигенции самых различных оттенков — его следствием. Когда же под влиянием классовой борьбы пролетариата на политическую арену стали выдвигаться другие, непролетарские общественные силы, их политическое самоопределение начиналось, как писала «Искра», с «вытравления» сложившейся ранее идейной традиции пролетарского социализма «из сознания революционно настроенных элементов», с ревизии идейных, тактических и орга-

низационных принципов пролетарской партии. Другими словами, возникновение в России непролетарских политических течений и группировок начиналось в ряде случаев с отпадения от РСДРП интеллигентских групп, уяснивших несовместимость или лишь частичное совпадение их задач и целей с целями и задачами пролетарской партии.

Наблюдения «Искры» базировались на опыте политической борьбы до II съезда РСДРП. Именно в это время окончательно откололись от социал-демократии и перешли на позиции буржуазного либерализма так называемые легальные марксисты; они повели развернутую атаку на принципы революционного марксизма, оказались во главе журнала «Освобождение» и активно способствовали возникновению главной партии российского либерализма — конституционно-демократической. Сходным образом действовали и социалисты-революционеры, до крестьянского восстания 1902 г. разделявшие некоторые положения марксизма и имевшие общие с социал-демократами организации (на Урале, в Саратове). Ответом последовательных пролетарских революционеров была бескомпромиссная критика откалывавшихся от социал-демократии непролетарских течений и группировок, претендовавших на гегемонию в освободительном движении.

Цель критики заключалась не только в защите коренных принципов марксистской партии. Она состояла также в установлении реального классового положения формировавшихся политических течений и на этой основе — в выявлении общих интересов в освободительной борьбе. Прекращая отношения со Струве как с социал-демократом, редакция «Искры» подчеркивала вместе с тем, что желала бы иметь с ним дело как с представителем демократической оппозиции [13], и окончательно отмежевалась от «бывшего марксиста» после того, как Струве оказался во главе «Освобождения» и либерал в нем взял верх над демократом. По той же причине, подвергая резкой критике псевдосоциалистическую доктрину и тактику социалистов-революционеров, Ленин говорил о возможности союза с ними, как выразителями интересов крестьянской демократии, сторонниками аграрно-крестьянской революции против помещиков. Разрыв, размежевание с отходящими от социал-демократии интеллигентскими группами, прекращение отношений с ними как политическими единомышленниками ускоряли консолидацию того или другого политического течения, способствовали кристаллизации политической структуры российского буржуазного общества и вместе с тем создавали предпосылки возникновения межклассовых союзов (блоков), условия и форма которых определялись задачами борьбы на соответствующем этапе освободительного движения, а также мерой демократизма непролетарских течений, группировок и партий.

Таким образом, в канун первой российской революции в результате открытого разрыва с марксизмом и социал-демократией, откола от нее, в России с полной определенностью наметился процесс

консолидации двух основных непролетарских партий: буржуазно-либеральной и мелкобуржуазной.

Процессы политического размежевания пошли еще интенсивнее после II съезда РСДРП. К настоящему времени можно считать преодоленной точку зрения, согласно которой на съезде возникли две фракции РСДРП: большевистская и меньшевистская. В 1903 г. в результате победы принципов ленинизма возникла партия нового типа, большевистская, коммунистическая партия, внутри которой образовалась фракция меньшевиков [14]. Потерпев поражение в борьбе за овладение партией и не подчинившись воле ее большинства, фракционеры стали на путь раскола (точнее, откола), который завершился весной 1905 г. образованием меньшевистской партии. Недостаточна квалификация ее как партии мелкобуржуазной. Было бы точнее определить ее как социалистическую партию старого типа — именно этим термином охарактеризовал Ленин западноевропейские партии II Интернационала после их идейно-политического краха в начале мировой войны. Как и западные социал-демократы, меньшевики целиком отвергали ленинский вклад в теорию и тактику марксизма, прежде всего учение о буржуазно-демократической революции нового типа, возглавляемой пролетариатом, а также разработанные Лениным организационные принципы партии нового типа, его бескомпромиссную борьбу с оппортунистическими течениями. Имея в виду последнее обстоятельство, Ленин писал в статье «Что же дальше?» (январь 1915 г.): «Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями „мирного" периода, но державшийся тайком, приспособлявшийся к революционным рабочим, *перенявший* у них их марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки». «Оппортунисты,— сказано там же,— это — буржуазные враги пролетарской революции, которые в мирное время ведут свою буржуазную работу тайком, ютясь внутри рабочих партий, а в эпохи кризиса *сразу* оказываются открытыми союзниками *всей* объединенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической...» [15] Открытый переход лидеров социалистических партий II Интернационала на сторону «своей» буржуазии совершился в начале мировой войны.

В общем та же закономерность выявилась и в истории меньшевистской партии. Однако вследствие особой остроты классовой борьбы и наличия партии нового типа этот процесс, во-первых, развивался быстрее. А во-вторых, поскольку к началу мировой войны складывание политической структуры буржуазного общества в России еще не вполне завершилось, правые лидеры меньшевизма не просто переходили на позиции буржуазии, а прямо участвовали в создании буржуазно-радикальных группировок, этого «недостающего звена» социально-политической структуры предвоенной России. Этой именно цели и служила деятельность группы ликвидаторов во главе с А. Н. Потресовым, сорганизовавшейся вокруг журнала «Наша заря».

Революция 1905—1907 гг. привлекла к РСДРП особенно много попутчиков из среды буржуазной интеллигенции. Их отход от партии революционного действия начался сразу после 17 октября, ускорился под влиянием Декабрьского вооруженного восстания и принял массовый характер в годы столыпинской реакции. Тогда и проявились еще раз отмеченные выше закономерности кристаллизации общественных течений и политической структуры российского буржуазного общества.

Главным вопросом политического межевания в 1907—1914 гг. оказался вопрос об отношении к революции вообще и выявившемуся в России типу буржуазно-демократической революции. Его обсуждение в буржуазно-либеральном лагере привело к подчеркнутому отказу от революционных средств и методов борьбы. С особой последовательностью он был выражен в вышедшем в 1909 г. сборнике «Вехи». Что же касается вопроса об отношении к новому типу буржуазно-демократической революции, то он активно обсуждался в демократическом лагере и выявил принципиальные расхождения не только между большевиками и меньшевиками, но и в пределах меньшевизма. На этой почве начались политическая размежевка среди меньшевиков и их отпадение от партии революционного действия.

Конечная тенденция развития меньшевистско-ликвидаторского течения определилась в связи с изданием в Петербурге группой А. Потресова — В. Левицкого журнала «Наша заря». Три положения усиленно пропагандировались журналом: невозможность в связи с успехами столыпинской ломки крестьянского надельного землевладения «общенационального» революционного движения, подобного взрыву 1905 г., бесперспективность курса на гегемонию пролетариата в революционном движении и необходимость «классовой партии» пролетариата, открыто существующей в условиях капитализма и отвоевывающей у других классов и групп упорядоченного буржуазного общества свое «место» в общегосударственной системе [16]. Что же касается не «общенациональной», а буржуазной революции, то она должна быть делом самой буржуазии, которой следует помочь организоваться политически. «Неудача движения 1905—1906 гг.,— писал В. Левицкий,— была обусловлена не „крайностями“ левых, ибо эти „крайности“ сами, в свою очередь, обусловливались совокупностью целого ряда причин, не „предательством“ буржуазии, которая повсюду на Западе „предавала“ в соответственную минуту, а отсутствием оформленной буржуазной партии, которая могла бы стать у кормила правления на место пережившей себя власти бюрократии и которая была бы сильна экономически и достаточно демократична, чтобы иметь за собой поддержку народа» [17].

Выступление «Нашей зари» явилось своего рода демонстрацией солидарности с левыми группировками в кадетском стане. Е. Трубецкой писал: «Нас губит слабое, зачаточное пока развитие средних слоев общества, которые могли бы послужить проводниками правовых идей в жизнь» [18].

Совлечь рабочий класс с революционного пути посредством устранения пролетарской революционной партии и вместе с тем помочь политической консолидации радикальной буржуазии — таковы были открыто выраженные намерения правого крыла ликвидаторов, система взглядов которых целиком опиралась на выводы и положения, проповедовавшиеся всем меньшевистским крылом РСДРП.

Так еще раз выявилась характерная для России особенность формирования буржуазных течений, претендующих на гегемонию в освободительном движении, на подчинение своему влиянию революционного пролетариата. В конце XIX — начале XX в. на базе «легального марксизма», противопоставившего себя революционной российской социал-демократии, возник и развился буржуазный либерализм. Когда же последний до конца выявил свою контрреволюционность и полностью скомпрометировал себя в глазах рабочих, предпринимаются конкретные шаги для заполнения его места в общественном движении радикальной буржуазной политической группировкой.

«Буржуазная интеллигенция,— писал Ленин летом 1911 г.,— влекомая к революции сознанием того, что Россия не пережила еще эпохи демократических переворотов, примыкает к пролетариату группа за группой — и группа за группой отходит снова от него, убедившись на опыте, что революционный марксизм ей не по плечу, что ее настоящее место *вне* с.-д. партии. Таковы и наши ликвидаторы, из которых часть уже вполне ясно, прямо и откровенно говорит о создаваемой ими *новой* партии» [19].

* * *

В буржуазной историографии, посвященной истории предоктябрьской России и большевистской партии, вряд ли можно отыскать работу, в которой не говорилось бы о нетерпимости Ленина и большевиков, их раскольнической деятельности и т. д. Все изложенное выше показывает, что, во-первых, расколы и отколы были связаны с типом капиталистической эволюции и особенностями формирования политической структуры российского буржуазного общества и, таким образом, носили объективный характер; что, во-вторых, «раскалывалась» партия меньшевиков — социалистическая партия старого типа, а созданная Лениным большевистская партия, напротив, сохраняла свое единство в самых разнообразных условиях и в наибольшей мере соответствовала новой эпохе и особенностям (типу) капиталистического развития страны.

[1] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 4, 6.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 379.
[3] «Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и „левым“ доктринерством, так и *конкретные особенности*, которые эта борьба принимает и не-

избежно должна принимать в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава... ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п.»; «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить национально-особенное, национально-специфическое в *конкретных* подходах каждой страны к разрешению *единой* интернациональной задачи...— вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами исторического момента» (Там же. Т. 41. С. 76, 77).

[4] Там же. Т. 1. С. 137, 307.

[5] Там же Т. 4. С. 220.

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 290—291.

[7] «У нас *еще* идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей»,— писал Ленин в декабре 1909 г. и настаивал на признании принципиальной разницы в постановке вопроса в Германии и в России, «принципиальной не в смысле того, чтобы у нас была некапиталистическая, а в смысле того, что *совсем* иные, принципиально иные *эпохи* капитализма: эпоха *д о* окончательного утверждения национального пути капитализма и эпоха *п о с л е* такого утверждения» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 231—232). Подход к положению об эпохах капитализма содержится в ранних работах Ленина. Нельзя отрицать господства капитала в земледелии, писал Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» и далее подчеркивал: « Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать *степень развития капитала*... на самом деле капитал, хотя уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме...» (Там же. Т. 1. С. 490). В других местах той же работы Ленин говорит о стадии развития капитализма, когда он «не вполне еще выпутался из средневековых учреждений» (Там же. С. 443), о строго определенном моменте развития определенной формации (См.: Там же. С. 442—443) и т. д.

[8] См.: Там же. Т. 1. С. 358; Т. 3. С. 490.

[9] См.: Там же. Т. 20. С. 38.

[10] См.: Там же. Т. 1. С. 312.

[11] Там же. С. 300.

[12] Там же. Т. 6. С. 32.

[13] См.: Ленинский сб. Т. 3. С. 126.

[14] Подробнее см.: *Злобин В. И.* Второй съезд РСДРП: Историография. М., 1980. С. 73—75, 93 и др.

[15] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 114.

[16] Наша заря. 1910. № 7. С. 103.

[17] Там же. 1911. № 3. С. 62.

[18] Русская мысль. 1911. № 2. С. 109.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 296.

А. Д. СТЕПАНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ В ПРОГРАММАХ РУССКИХ НЕПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ

В советской литературе, специально посвященной анализу программ непролетарских партий, традиционно рассматриваются только два вопроса: аграрный и национальный [1]. Прочие же программные вопросы обычно освещаются попутно в общих работах по истории соответствующих партий [2]. При этом недостаточное внимание уделяется такой первостепенной для характеристики

всякой партии проблеме, как программные положения в области преобразования политического строя. А между тем указанные положения во многом определяли подход партий к решению всех остальных вопросов.

Объектом настоящего исследования является комплекс программных документов, принятых русскими непролетарскими партиями в конце 1905 — начале 1906 г. [3] Практическая одновременность появления названных документов создает благоприятные условия для их сопоставления и сравнительного анализа.

Летом 1905 г. В. И. Ленин писал: «Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо. Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двоякий результат или двоякая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее „непоследовательными" и наиболее „своекорыстными" элементами буржуазии» [4].

Именно на «решительную победу революции над царизмом» была ориентирована программа-минимум РСДРП, предусматривавшая низвержение царского самодержавия и замену его (посредством созыва Учредительного собрания) демократической республикой. Конституция этой республики должна была обеспечивать сосредоточение всей верховной государственной власти в руках однопалатного законодательного собрания, всеобщее, равное и прямое избирательное право, широкое местное самоуправление, неприкосновенность личности и жилища, свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, а также передвижения и промыслов, полную равноправность всех граждан, право наций на самоопределение, право каждого лица преследовать перед судом всякого чиновника, выборность судей народом, замену постоянного войска всеобщим вооружением народа, отделение церкви от государства, всеобщее бесплатное образование и т. д. [5]

Поскольку союзником пролетариата в буржуазно-демократической революции выступало крестьянство, революционная социал-демократия проводила тактику «левого блока», направленную на достижение необходимого соглашения с мелкобуржуазными революционными партиями, прежде всего с эсерами. Возможность такого соглашения облегчалась, в частности, наличием известного параллелизма между программой-минимум РСДРП и политико-правовым разделом эсеровской программы (окончательно принятой в начале января 1906 г.). Почти всем политическим требованиям социал-демократов можно найти определенные соответствия у эсеров, что отражало объективно демократическое содержание революционного народничества.

В то же время положительное значение политической программы эсеров во многом ослаблялось их недостаточной последова-

тельностью, тяготением к компромиссу с либералами, которые, в свою очередь, держали курс на сделку с самодержавием. Наиболее отчетливо это проявилось в вопросе о форме правления. В первые годы существования своей партии эсеры обходили данный вопрос и лишь в 1904 г. открыто выдвинули требование республики, причем встретили сопротивление правого крыла народничества, позднее образовавшего народно-социалистическую партию [6]. Аналогичную непоследовательность проявили и меньшевики, которые в резолюции своей апрельской 1905 г. конференции «*позабыли* сказать о республике!» [7].

В отличие от революционных партий все партии либерального лагеря исходили из того, что любые изменения в политическом строе должны явиться результатом мирной эволюции, а это неизбежно предполагало заключение сделки с самодержавием. В своих программах названные партии по существу выдвигали приемлемые для них условия сделки. Вместе с тем налицо была тенденция требовать большего, чтобы получить хотя бы минимум требуемого. Этот момент также представляет интерес, так как обнаруживает пределы «левизны» соответствующих партий. Бесспорная необходимость судить о политиках по их делам, а не по словам отнюдь не отменяет надобности в изучении «слов», тем более что последние порой способны разоблачать своих авторов помимо их желания.

В период между Манифестом 17 октября 1905 г. и открытием I Государственной думы был предпринят ряд попыток образования партий либерально-буржуазного толка. Большинство этих попыток закончилось провалом, и в конечном итоге на политической арене остались две крупные партии — кадеты и октябристы. Но если непродолжительная деятельность целого ряда эфемерных партий сама по себе интереса не представляет, то их программные документы заслуживают внимания в плане выявления как общих черт, так и существенных оттенков политических представлений либерального лагеря.

Сопоставление программ либеральных партий облегчается не только наличием в них общей основы, но и сходством структур. Практически во всех программах в той или иной последовательности и под теми или иными названиями имеются разделы о государственном строе, местном самоуправлении, суде, правах граждан (именно эти разделы и рассматриваются здесь), а также посвященные аграрному и рабочему вопросам, финансово-экономической политике, просвещению. В данной связи следует отметить влияние наиболее подробной и тщательно разработанной (да и наиболее ранней) кадетской программы, от которой отталкивались все прочие либералы.

Наиболее общей чертой либерального лагеря, отделявшей его от лагеря демократического и в то же время роднившей с лагерем самодержавия, являлся монархизм. Только радикальная партия заявила, что «признает наиболее законченною формою политического строя — демократическую республику», но и радикалы

смотрели на республику лишь как на идеал, а не как на практическую цель. Двусмысленную позицию поначалу заняли кадеты, обошедшие вопрос о форме правления в программе, принятой 1-м съездом партии (октябрь 1905 г.), и только на 2-м съезде (январь 1906 г.) дополнившие ее пунктом о том, что «Россия должна быть конституционной и парламентарной монархией». Этот казус породил у современников и историков споры: колебались ли кадеты между монархией и республикой или же просто скрывали свой монархизм из тактических соображений. Правильность второй точки зрения подтверждается не только всей историей (и предысторией) кадетской партии, но и самим текстом программы. Формулировка пункта 15 («Народное представительство участвует в осуществлении законодательной власти...») фактически подразумевала наличие другого законодателя, т. е. монарха. Все остальные либеральные партии сразу же прямо и открыто высказались за монархию.

В то же время характерной особенностью либералов (в отличие от правых) было признание принципа конституционной монархии. Конституционалистами объявляли себя не только кадеты, но и октябристы и даже получерносотенная партия правового порядка. Однако понимание лозунга конституции у левых и правых либералов было далеко не тождественным. Для кадетов и близких к ним конституция — это основной закон, который предстояло еще надлежащим порядком разработать и принять. Октябристы же со своими союзниками склонны были придавать конституционное значение манифесту 17 октября и вопрос о новом основном законе не ставили.

С вопросом о конституции тесно связан вопрос об Учредительном собрании, т. е. органе, принимающем конституцию. Если для революционеров-республиканцев созыв Учредительного собрания был само собой разумеющимся, то для либералов-монархистов это было совсем не так. С точки зрения тех, кто видел конституцию в манифесте 17 октября, Учредительное собрание было просто излишним (и октябристы прямо высказывались против него в своей программе). У кадетов же такой ясности не было, и они колебались между лозунгами Учредительного собрания, «Думы с учредительными функциями» и октроированной конституции. В тексте кадетской программы об Учредительном собрании ничего не говорилось, но этот лозунг был выдвинут в дополнительных постановлениях 1-го съезда партии. Прямые пожелания Учредительного собрания содержались в программах радикальной партии и партии свободомыслящих. Следует подчеркнуть, что и левые либералы созыва Учредительного собрания ожидали от монарха. В таких условиях конституция оказывалась формой сделки между самодержавием и либеральным лагерем.

Конкретное содержание либерального конституционализма заключалось в поддержке принципов законодательного народного представительства и гражданских свобод. Провозглашение же названных принципов в манифесте 17 октября породило у либе-

ралов иллюзию начавшегося превращения самодержавия в конституционную монархию. Все либералы, по существу, признали предложенные самодержавием 17 октября уступки исходной базой для дальнейшего торга. Поэтому в программах либеральных партий речь шла в конечном счете о различных вариантах развития уже провозглашенной с высоты престола политической системы. После формального признания общих принципов на первый план выходила проблема конкретного осуществления и законодательного представительства и гражданских свобод.

Применительно к законодательному собранию народных представителей возникли разногласия по вопросам об избирательном праве, количестве палат и ответственности министров. Все либералы говорили о всеобщем избирательном праве (партия свободомыслящих ставила вопрос о цензе оседлости и др.), но лишь левые предусматривали равные выборы, а относительно прямых выборов не было полного единства и на левом фланге: партия демократических реформ допускала и двухстепенную систему (позднее за последнюю высказалась и партия мирного обновления). Вопрос о количестве палат поднимался лишь в отдельных программах. Безусловно за одну палату высказались радикалы, за две — партия демократических реформ (позднее и мирнообновленцы). Кадеты (а также партия свободомыслящих) допускали различные мнения в своих рядах.

Не все программы затрагивали и столь популярный впоследствии вопрос об отношениях министров с народными представителями. Совершенно обошли эту тему октябристы. Некоторые партии упоминали о контроле и надзоре за деятельностью исполнительной власти. Кадетская формулировка предусматривала, что «министры ответственны перед собранием народных представителей». Дальше всех, как обычно, пошли радикалы, высказавшиеся за «строго парламентарный строй с министрами, избираемыми из членов парламентского большинства и ответственными перед народными представителями не только за нарушение закона, но и за направление политики». Всероссийский торгово-промышленный союз также желал создания «кабинета или Совета министров, обязательно опирающегося на большинство Думы, утверждаемого государем».

В целом создается впечатление, что сам факт существования выборного законодательного органа имел для либералов гораздо большее значение, чем те или иные особенности конструкции такого органа.

Первый пункт манифеста 17 октября обещал даровать народам России неприкосновенность личности, свободу совести [8], слова, собраний и союзов. Это положение вошло в программы всех либеральных партий, но в ряде случаев с любопытными дополнениями. Неприкосновенность личности, как правило, дополнялась неприкосновенностью жилища (а иногда и переписки). Свобода слова расшифровывалась как свобода устного, письменного и печатного слова. В большинство программ (в том числе кадетов и октябристов) вошла свобода передвижения, связанная с отменой паспорт-

ной системы. Кадеты и некоторые другие добавили свободу петиций.

Характерной особенностью октябристской программы явилось пожелание «свободы труда, промышленности, торговли, свободы приобретения собственности и распоряжения ею». Все партии (октябристы и близкие к ним — с оговорками) признали право рабочих на стачки (этот пункт входил в разделы программ, посвященные рабочему вопросу). Большинство партий (кроме октябристов, провопорядцев и торгово-промышленной) высказалось за равенство граждан независимо от пола, национальности и вероисповедания. Кадеты (и некоторые мелкие партии) упомянули даже отмену сословных различий.

Нужно подчеркнуть, что выдвижение в общем виде лозунгов гражданских прав и свобод само по себе было недостаточным. Как показал дальнейший ход событий (прежде всего обсуждение соответствующих вопросов в I Думе), в понимании конкретного содержания свобод существовали серьезные разногласия между либерализмом и демократией.

Большое место в своих программах либералы уделили излюбленным вопросам о местном управлении и суде. Здесь мы наблюдаем большую степень единодушия между всеми течениями либерального лагеря. Применительно к первому вопросу речь шла о дальнейшем усовершенствовании существовавшей системы земского и городского самоуправления. Предполагалось распространить соответствующие органы на всю Россию, ввести в них всеобщее избирательное право, включить в их компетенцию всю сферу местного управления (за правительственным аппаратом оставлялись функции надзора). В контексте местного самоуправления рассматривали либералы национальный вопрос. В области судебных преобразований либералы оставались на почве реформы 1864 г., требуя лишь восстановления ее в первоначальном виде и внесения некоторых дополнений.

Почти все либеральные партии ушли от обсуждения вопроса об отношениях церкви и государства. Только свободомыслящие открыто связали свободу совести «с отделением церквей всех исповеданий от государства». Кадеты употребили менее определенную формулировку: «Православная церковь и другие исповедания должны быть освобождены от государственной опеки». Вопрос об армии (в плане усиления ее мощи) затронут всего в двух программах: свободомыслящих и правопорядцев.

В целом программы всех либеральных партий были ориентированы на мирное перерастание абсолютной монархии в конституционную. Для них характерно стремление обеспечить преемственность между старым и новым порядком, использовать в своих целях «традиционные» институты. Предлагавшаяся либералами политическая система объективно была намного прогрессивнее самодержавной, но тем не менее либеральные программы не получили признания и поддержки широких народных масс, так как они и в политической и тем более в аграрной, рабочей, национальной

частях заметно отставали от программ революционных партий, и прежде всего социал-демократов.

С другой стороны, предлагавшиеся либералами условия сделки с самодержавием оказывались неприемлемыми и для сторонников последнего, о чем свидетельствуют программы правых политических партий и организаций.

Для подавляющего большинства правых вначале было характерно отрицательное отношение к идеям общенационального представительного органа и политических свобод. Учреждение Государственной думы, а затем появление манифеста 17 октября поставили правых в затруднительное положение и породили разногласия между ними. Наиболее консервативное крыло оставалось «самодержавнее» самого самодержца и не скрывало своего отрицательного отношения к «новшествам». Русская монархическая партия прямо заявила, что она «будет отстаивать самодержавную власть в том неприкосновенном ее виде, в каком государь получил ее от своих царственных предков». Более же гибкая часть правых готова была примириться с существованием Думы и даже использовать ее в своих интересах.

Показательна в данном отношении позиция «Союза русского народа», выступившего за «учреждение Государственной думы с правом непосредственного доклада государю, правом запроса министрам, правом фактического контроля над деятельностью министров, правом испрошения высочайшего соизволения на предание их суду». Хотя здесь нет прямого отрицания провозглашенных 17 октября законодательных прав Думы, ясно, что «союзники» ориентировались на Думу законосовещательную (в этом им сочувствовали и многие октябристы).

Что же касается политических прав, то им в программе «Союза русского народа» было посвящено два пункта. Один из них предусматривал «фактическое осуществление дарованной манифестом 17 октября свободы и неприкосновенности личности, т. е. ограждение личности от произвола и насилий со стороны властей, со стороны отдельных частных лиц, а также со стороны всякого рода обществ, союзов, комитетов и т. п., как тайных, так и явных». В другом пункте предлагалось «установление строгой ответственности печати по суду». Разумеется, черносотенцы не желали и слышать о равенстве всех граждан, всеобщем избирательном праве, свободе стачек и т. п. Не шла речь и о реформах местного самоуправления и суда (правые в общем отрицательно относились к наследию 1860-х годов). Таким образом, максимумом уступок, на которые соглашались правые, было установление псевдоконституционного строя.

Осуществление программ российских политических партий в конечном счете зависело от хода и исхода борьбы народных масс. Поражение первой российской революции привело к установлению третьеиюньской монархии, т. е. политической системы, фактически соответствовавшей программным установкам «Союза русского народа». С этой системой смирились как с неизбежностью и либе-

ралы и оппортунисты. Лишь большевики неизменно сохраняли верность своей программе.

Победа Февральской революции способствовала осуществлению (и даже «перевыполнению») политической программы либерального лагеря, активно поддержанного мелкобуржуазными партиями. Однако торжество либералов оказалось запоздалым и непрочным. Политическое развитие страны пошло по пути, провозглашенному В. И. Лениным в Апрельских тезисах: «Не парламентарная республика,— возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» [9].

[1] *Иллерицкая Е. В.* Аграрный вопрос: Провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981; *Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. М., 1976. См. также: *Кулешов С. В.* Из истории изучения национальных программ буржуазных партий России // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983. С. 39—48.
[2] См., напр.: *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 89—110.
[3] Программы непролетарских партий цитируются по кн.: *Иванович В.* Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 43.
[5] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 1. С. 62.
[6] *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 53.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 25.
[8] *Плоткина Д. П.* Свобода совести в программах российских политических партий // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. С. 93—98.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115.

Х. М. АСТРАХАН

О ПАРТИЙНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В МАРТЕ—ОКТЯБРЕ 1917 г.

(НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Понятие «партийность населения» в смысле отношения масс, классов и социальных слоев к действующим в данной стране политическим партиям ввел в общественно-политический лексикон В. И. Ленин. Указав, что в буржуазном обществе состояние партийности масс обусловлено прежде всего остротой классовых противоречий [1], Ленин особо выделил зависимость партийности населения от уровня его общей и политической культуры. «Чем более политически развиты, просвещены, сознательны данное население или данный класс,— писал В. И. Ленин,— тем выше, по общему

правилу, его партийность»[2]. Помимо этих объективных факторов, на степень партийности масс воздействуют политические партии, каждая из которых, особенно в условиях демократизированного буржуазного государства, апеллирует к массам и стремится получить их поддержку [3]. Однако результаты этого воздействия далеко не однозначны. Буржуазные и мелкобуржуазные партии препятствуют уяснению массами классовой природы политических партий, целей и стремлений каждой из них. В России лишь партия большевиков последовательно показывала пролетариату, всем трудящимся классовую суть политических партий [4]. Поэтому только она одна способствовала развитию партийности масс.

Еще в период становления большевизма Ленин, определяя отношение марксистской партии к массам, указывал: «Чтобы не на словах только стать партией масс, мы должны к участию во всех партийных делах привлекать все более и более широкие массы, постоянно поднимая их от политического безразличия к протесту и борьбе, от общего духа протеста к сознательному принятию социал-демократических воззрений, от принятия этих воззрений к поддержке движения, от поддержки к организационному участию в партии»[5].

Это и другие высказывания Ленина о партийности масс позволяют выделить следующие ступени в развитии партийности данного класса или социальной группы: приобщение масс к политической жизни, уяснение ими классовой природы, целей и задач действующих в стране политических партий и сознательный выбор определенной партии; практические действия класса, социальной группы в поддержку своей партии; членство в партии как высшее проявление классовой сознательности и решимости действовать во имя интересов своего класса.

После 27 февраля 1917 г. Россия в течение приблизительно четырех месяцев, писал В. И. Ленин, управлялась «посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними»[6]. В этих условиях рабочие и работницы, солдаты и матросы, крестьяне, городские низы, ранее отстранявшиеся царизмом от политической жизни, начали интересоваться деятельностью партий, их программами, а участвуя в выборах в Советы, фабзавкомы, муниципальные органы и др., должны были решать, за какую партию голосовать. Большевики, впервые получив широкую возможность для легальной деятельности, разъясняли массам классовую природу, цели и устремления основных партий, помогая трудящимся сделать правильный выбор.

Словосочетание «партийность масс (классов, социальных слоев)» пока еще не утвердилось в научной литературе и трактуется не однозначно [7], но, по существу, в трудах о рабочем классе, солдатских и крестьянских массах, а в последние годы также о средних городских слоях и об интеллигенции в той или иной степени рассматривается их отношение к основным политическим партиям России в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Исследование партийности масс во всей его полноте позволит более точно определить социальную базу политических партий, проследить, какие изменения она претерпела в ходе революции. Все это поможет отчетливее представить процесс сплочения рабочего класса, трудящихся вокруг партии большевиков.

Источники исследования партийности населения России в период Октября можно подразделить на две группы: одна позволяет получить представление о партийности отдельных классов и социальных слоев, другая включает источники, дающие обобщенное представление об отношении всех классов и социальных слоев российского общества к основным политическим партиям.

Первая группа источников особенно многочисленна и разнообразна. Это документы личного происхождения (письма, дневники, воспоминания); документы, исходящие от определенных коллективов (резолюции собраний рабочих, солдат, крестьян, служащих, интеллигенции, предпринимателей и других слоев населения), отразившие их отношение к происходившим политическим событиям и к позиции отдельных партий; данные о партийном составе выборных организаций и учреждений (Советов, фабзавкомов, профсоюзов, солдатских и крестьянских комитетов, предпринимательских обществ, различного рода съездов); материалы о численности и социальном составе политических партий; наконец, самый важный источник — сведения о практических действиях классов и социальных слоев в поддержку той или другой партии.

По-видимому, не обязательно один и тот же вид источников имеет приоритетное значение при изучении партийности отдельных классов и социальных слоев. Что касается рабочего класса, то при исследовании нами политической ориентации большинства рабочих 95 крупнейших (насчитывавших по одной тысяче и более человек) предприятий Петрограда и его пригородов с марта по октябрь 1917 г. первостепенное значение имели такие источники, как резолюции общих собраний фабрик и заводов по текущему моменту, данные о перевыборах депутатов от рабочих этих предприятий в Петроградский Совет, сведения о позиции и действиях рабочих коллективов во время политических кризисов.

Резолюции рабочих и солдат составляли органическую часть содержания каждой большевистской газеты, особенно центрального органа партии — «Правда». Если не представлялось возможным поместить тексты всех поступавших резолюций, редакция давала краткое изложение или перечень их [8]. Резолюции часто публиковали также «Известия Петроградского Совета», органы меньшевиков и эсеров.

Подход к резолюциям как источнику выяснения политической позиции, в данном случае рабочих, обязывает не к выборочному, как часто встречается в литературе [9], а к максимально полному учету всех резолюций, принятых рабочими того или другого предприятия, опубликованных в печати различных направлений, а при возможности и выявленных в архивах. При анализе докумен-

тов 95 крупнейших предприятий столицы не удалось выявить резолюции рабочих лишь 20 предприятий, преимущественно текстильной промышленности. От имени же большинства рабочих каждого из остальных 75 предприятий учтено более 300 резолюций: по одной резолюции от рабочих 16 предприятий, по две — от 13, по три — от 14, по четыре — от 8, по пять и более резолюций — от 24 предприятий. Естественно, наличие двух и более резолюций позволяет с большей уверенностью судить, эволюционизировало ли и в каком направлении политическое сознание большинства рабочих данного предприятия.

Точнее, определеннее, чем по резолюциям, о политической позиции рабочих коллективов можно судить по итогам перевыборов в Петроградский Совет. Но такие данные удалось выявить лишь по 25 крупнейшим предприятиям столицы. Были учтены также данные о результатах перевыборов некоторых фабзавкомов и больничных касс. Все эти сведения, взятые в совокупности, а также учет позиции и действий рабочих рассматриваемых предприятий во время кризисов власти (важные данные об этом почерпнуты, в частности, из воспоминаний участников событий) позволили проследить отношение большинства рабочих 80 крупнейших предприятий Петрограда к основным политическим партиям с марта по октябрь 1917 г.[10] Было установлено, что принятое деление рабочих в рассматриваемый период на сторонников большевиков, меньшевиков и эсеров требует уточнения. Среди рабочей массы, следовавшей в первые месяцы после свержения царизма за соглашателями, лишь сравнительно небольшая часть (большинство рабочих 6 предприятий столицы) сознательно разделяла политическую платформу меньшевиков и эсеров. Бóльшую же часть составляли рабочие, приобщившиеся к политической борьбе только в годы войны и в ходе Февральской революции и не имевшие еще достаточно ясного представления о партиях. Эти рабочие (они составляли большинство на 57 предприятиях) всецело доверяли Совету, что было на пользу меньшевикам и эсерам, прикрывавшим его авторитетом политику соглашательства с буржуазией.

В ходе революции к большевикам, которых с первых же дней революции поддерживали большинство рабочих на 17 крупнейших предприятиях столицы, присоединилась (из числа 57 «неопределившихся») основная масса рабочих 13 предприятий в мае—июне, 11 — в июле—августе и 33 — в сентябре—октябре. В предоктябрьские месяцы к большевикам примкнула преобладающая часть политически активных рабочих и тех 6 предприятий, которые ранее являлись опорой соглашателей.

Массовым источником изучения партийности рабочего класса являются также данные о материальной поддержке им печатных органов той или другой партии. В. И. Ленин отмечал в сентябре 1917 г., что «громадный и массовый героизм большевистских рабочих в сборе денег на „Правду", на закрываемые газеты и т. п.» свидетельствует о сознательности участия масс в партии [11]. Это

видно из приведенных И. С. Сазоновым суммарных данных о денежных средствах, поступивших с марта по июнь 1917 г. в фонд «Правды» (270 тыс. руб., в то время как в фонд эсеровского «Дела народа» — 66 500 руб., меньшевистской «Рабочей газеты» — 26 500 руб.) [12]. Групповые же рабочие сборы в поддержку печатных органов основных партий за 1917 г. пока не проанализированы. Такой анализ, несомненно, позволит полнее проследить развитие политического сознания рабочих (отдельных районов и по различным профессиям) в ходе революции.

Помимо рабочего класса, более всего исследовано в советской историографии развитие партийности в период революции солдатских и матросских масс. Основными источниками, использованными при этом историками, были документы солдатских (матросских) комитетов. В монографии В. И. Миллера на основании протоколов солдатских комитетов показан процесс вовлечения в марте — апреле 1917 г. солдат, в массе своей политически неразвитых, в обсуждение вопросов о власти, о земле и других проблем, поставленных революцией. Автор отмечает, что солдаты, высвобождаясь из-под влияния буржуазной идеологии, переходили не непосредственно на сторону большевиков, а на сторону «промежуточных», мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров[13]. Констатируя засилье этих партий в солдатских организациях (особенно на фронте), советские историки раскрывают разностороннюю деятельность большевиков по политическому просвещению солдат и матросов, по привлечению их на сторону революционного пролетариата.

Процесс образования большевистских организаций в армии и рост их влияния на солдатские массы детально рассмотрены в работах П. А. Голуба. Им установлено, что накануне Октябрьского восстания фронтовые большевистские организации насчитывали более 50 тыс. членов и до 40 тыс. сочувствующих [14]. В борьбе за влияние на солдатские массы большевикам пришлось преодолеть упорное сопротивление буржуазных и соглашательских партий (осенью 1917 г. во фронтовых военных организациях меньшевиков состояло 23 тыс. членов, в эсеровских — 250 тыс. в армии и около 10 тыс. на флоте) [15].

Одним из массовых источников, на которые опираются историки, изучая развитие в ходе революции политического сознания солдат и матросов, являются их резолюции по текущему моменту. На флотах и флотилиях в сентябре — первой половине октября было вынесено, по подсчету С. С. Хесина, более 60 резолюций собраний и митингов с требованием свержения Временного правительства и передачи всей власти Советам [16]. Г. Л. Соболев составил таблицу, в которую включил извлечения из 80 резолюций, принятых с 1 сентября по 25 октября в 60 воинских частях Петроградского гарнизона. Таблица убедительно свидетельствует о переходе солдат гарнизона после разгрома корниловщины на большевистские позиции [17].

Резкий сдвиг в настроении солдатских масс, происшедший пос-

ле разгрома корниловщины, как показано в монографии Л. М. Гаврилова, активизировал революционную деятельность солдатских комитетов, особенно низовых (ротных, полковых)[18]. В гарнизонах Петрограда и Москвы, ближайших к ним Северного и Западного фронтов, на кораблях Балтийского флота проходило переизбрание солдатских комитетов, шел процесс их большевизации. На отдаленных от пролетарских центров фронтах, где численность большевиков была невелика, а многие из них еще оставались в объединенных с меньшевиками организациях, изменения в составе солдатских комитетов происходили медленнее.

Некоторое представление о партийном составе низовых солдатских комитетов Румынского, Юго-Западного и Западного фронтов дают анкеты членов полковых комитетов, посланные в конце августа — октябре 1917 г. из частей этих фронтов в военно-политический отдел московских Советов рабочих и солдатских депутатов[19].

На вопрос анкеты «Партийность состава комитета (указать, сколько членов какой партии и беспартийных)» имеются ответы 105 солдатских комитетов. 57 из них привели данные о партийном составе комитета, а 48, т. е. более 45%, ответили, что комитет беспартийный. В литературе было высказано предположение, что партийность среди солдатских масс была более высокой, чем это можно заключить по приведенному соотношению партийных и беспартийных в 105 комитетах[20]. Действительно, здесь требуются некоторые пояснения. Беспартийность очень многих комитетов вовсе не означала их аполитичности или отсутствия определенной партийной ориентации. Так, беспартийные комитеты 2-й роты 8-го железнодорожного (23 октября) и 6-го сибирского этапного батальонов Особой армии написали в анкетах, что придерживаются платформы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Л. 119, 120). В анкете комитета 6-го железнодорожного батальона говорилось, что состав его беспартийный, но «общее тяготение и все симпатии к социалистическим партиям» (Л. 76, 20 сентября). Другие комитеты заявляли о своем сочувствии социал-демократам (Л. 179, 224), партиям эсеров и социал-демократов (Л. 169, 184, 208, 210). Многие продолжали ориентироваться на эсеров (540-я Могилевская пешая дружина: «Без марки „партийность“, но по существу социал-революционеры» (Л. 74); аналогичны ответы см.: Л. 31, 63, 68, 134, 212, 241). О приверженности партии большевиков заявил комитет 3-й роты 25-го железнодорожного батальона: «Мы все шесть членов ротного комитета не можем назвать себя партийными работниками, но всецело сочувствуем и присоединяемся к партии с.-демократам большевикам» (Л. 102).

Следовательно, упомянутые семнадцать солдатских комитетов хотя и считали себя беспартийными, но фактически ориентировались на определенные партии. В семи воинских частях, судя по анкетам, происходило формирование партийных организаций. Комитет 23-го Низовского полка сообщал, что «так как партий-

ные организации в полку находятся в процессе конструирования, то в полковой комитет представители таких парт. организаций еще не вошли» (Л. 191; о наличии в полку «неорганизованных» партийцев говорилось в анкете 532-го полка 3-й армии (Л. 200); некоторые элементы партийности были еще в нескольких частях, см.: Л. 5, 117, 162, 232, 237). В анкетах остальных 24 рассматриваемых здесь воинских частей говорится о беспартийности комитетов («Сознание солдат,— сообщал, например, комитет 357-й пешей Витебской железнодорожной дружины,— не зашло еще до партийного подразделения» (Л. 3); «партийная жизнь в роте не развита»,— говорилось в анкете 5-й роты 8-го железнодорожного батальона (Л. 117)).

Партийный состав 57 комитетов представлял следующую картину: 9 комитетов состояли из одних эсеров, в 28 эсеры преобладали, 2 комитета составляли социал-демократы (по-видимому, члены объединенных социал-демократических организаций), в одном преобладали социал-демократы, в двух — большевики (137-го тылового этапного батальона Румынского фронта и инженерной роты 133-го пехотного полка 3-й армии (Л. 121, 243)) и в 15 комитетах было примерно равное соотношение эсеров, социал-демократов (в некоторых — большевиков и меньшевиков), представителей других партий и беспартийных.

Такой состав большинства комитетов, естественно, сдерживал развитие политической сознательности солдат и сковывал их революционную инициативу. На вопрос анкеты: «Выходит ли практическая работа комитета за пределы, предусмотренные приказом, и в каком направлении?» — более половины комитетов ответили «нет». Но были и ответы другого характера. Упоминавшийся комитет 6-го железнодорожного батальона ответил 20 сентября, что действует так, как подсказывают ему совесть и разум, а в корниловские дни к нему по собственной инициативе перешла «власть строевых начальников и все руководство» батальоном (Л. 76). Таков же был ответ комитета 15-го железнодорожного батальона (8 беспартийных, 1 эсер, 1 анархист (Л. 78)). Многие комитеты требовали расширения их прав «вследствие политических событий, волнующих весь русский народ» (21-й пехотный полк Западного фронта; члены комитета «настроены социалистически, преобладают с.-р.» (Л. 241)). Аналогичные требования выдвигали и другие небольшевистские по своему составу комитеты. Так, комитет 691-го пехотного Стоходского полка (3 социал-демократа (объед.), 4 максималиста, 5 эсеров, 11 беспартийных) констатировал, что только комитеты пользуются доверием солдат и могут в любой момент встать на защиту революции, и поэтому он «находит нужным пересмотреть и расширить права и обязанности [комитетов] как в политическом, так и в вопросах жизни полка» (Л. 1. 20 сентября). Полковой комитет 31-го пехотного Алексеевского полка (6 эсеров и 3 социал-демократа, 11 сочувствующих им, 4 беспартийных) указал, что ввиду выяснившегося «контрреволю-

ционного настроения среди высшего комсостава необходим контроль вообще над командным составом» (Л. 216).

Таким образом, анализ анкет более чем 100 солдатских комитетов воинских частей Румынского, Юго-Западного и Западного фронтов свидетельствует, во-первых, о безусловно более высоком уровне партийности среди солдат в канун Октября по сравнению с первыми послефевральскими месяцами и, во-вторых, что многие ротные и полковые комитеты фактически действовали по-революционному, поддерживая на деле курс большевиков на свержение буржуазной власти, хотя влияние эсеров и отчасти меньшевиков было все еще значительным среди солдат.

Своего рода интегрирующим источником, который дает общее представление об отношении к политическим партиям разных классов и социальных слоев России в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, являются материалы выборов в органы местного самоуправления, происходивших в стране с мая по октябрь 1917 г. «Борьба партий на деле, перед избирателем, с подсчетом итогов,— отмечал В. И. Ленин,— всегда дает материал, *проверяющий* наше понимание того, каково соотношение общественных сил в стране...»[21]

Статистика муниципальных выборов 1917 г., особенно в городские думы, широко привлекается исследователями [22], причем изучаются выборы не только в отдельных местностях, но и по стране в целом за весь период муниципальной кампании. В последнем случае в качестве источника используются составленные Министерством внутренних дел Временного правительства суммарные данные о распределении гласных, избранных в городские думы России от политических партий (раздельно по губернским и по уездным городам).

Эти данные сейчас достаточно известны исследователям: они приведены по архивному источнику академиком И. И. Минцем [23]. В некоторых работах эти данные расцениваются как средние по стране показатели влиятельности политических партий [24]. По нашему мнению, это не совсем так. Суммарные данные указывают лишь сколько гласных от отдельных партий и групп было избрано в городские думы с мая по октябрь 1917 г. Но если в составе гласных в течение этого периода мало что изменилось, то в политической ориентации подавляющей массы избирателей — рабочих, солдат, городской бедноты — произошли кардинальные сдвиги, которые никак не отразились на составе гласных.

Для того чтобы извлечь из статистики муниципальных выборов более обстоятельную и точную информацию о партийности населения России, представляется целесообразным, во-первых, дать раздельно итоги выборов за май—июль и за август—октябрь (для каждого из этих периодов характерны иные политические настроения масс), во-вторых, в рамках каждого периода следует отдельно сгруппировать итоги выборов в городах с примерно одинаковой или близкой структурой населения (скажем, крупнейшие

города с населением 100 тыс. жителей и выше, крупные — свыше 50 тыс. жителей, средние — 20—50 тыс. и мелкие — менее 20 тыс. жителей).

Суммарные сводки МВД нуждаются в серьезной корректировке и потому, что гласные, прошедшие в думы по спискам объединенных социал-демократических организаций, отнесены в них к меньшевикам, хотя в этих списках были и большевики, выделившиеся впоследствии в самостоятельные фракции. Кроме того, в «беспартийные группы» сводки МВД включались гласные совершенно различного политического настроя; например, и от Советов рабочих и солдатских депутатов, и от домовладельцев или торгово-промышленных кругов.

Таким образом, имеющиеся сводные данные об итогах выборов в городские думы требуют основательного пересмотра. По существу, предстоит кропотливая работа по изучению и научно-обоснованной группировке итогов первичных выборов, что позволит получить более достоверную информацию об отношении масс к политическим партиям на различных этапах революции.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 274.
[2] Там же. Т. 32. С. 190.
[3] См.: Там же. Т. 21. С. 279—280.
[4] См.: Там же. Т. 12. С. 138.
[5] Там же. Т. 8. С. 95.
[6] Там же. Т. 34. С. 58.
[7] Одни историки, говоря о партийности рабочего класса, имеют в виду абсолютное и относительное представительство (членство) рабочих в партиях (см.: Вопросы историографии рабочего класса СССР. М., 1970. С. 70; *Трукан Г. А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975. С. 47), другие — отношение рабочего класса к большевистской партии и ее противникам (см.: *Логинов В. Т., Курашова Н. А.* Ликвидаторство накануне первой мировой войны и революции 1917 г. // Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны. М., 1982. С. 121). Второе определение шире, оно представляется нам более точным. Анализ положений В. И. Ленина о партийности масс и некоторые фактические данные, в основном о состоянии и развитии партийности петроградских рабочих в марте—октябре 1917 г., см. в наших работах: Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973. С. 72—78, 364—390; Рабочий класс и политические партии России в 1917 году // Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М., 1980. С. 55—64; В. И. Ленин и питерские рабочие. Л., 1982. С. 190—259.
[8] Правда. 1917. 21 марта; Рабочий путь. 1917. 12, 22 окт. Небольшая по формату газета Гельсингфорсского комитета РСДРП(б) «Волна» публиковала резолюции солдат и матросов полностью при условии, если подлинность резолюции удостоверена печатью солдатского или матросского комитета и соответствующими подписями (см.: Волна. 1917. 8 июня).
[9] Так, было бы неверно, ссылаясь лишь на резолюции, принятые в апреле 1917 г. большевистско настроенными рабочими нескольких предприятий, в основном Выборгского района, и упуская при этом резолюции противоположного содержания, писать так, что создается впечатление, будто бы питерские рабочие в массе своей уже в апреле выступали за власть Советов. Столь же опрометчиво ссылаться на резолюции рабочих ряда предприятий Москвы против «Займа свободы», не упоминая, что тогда же, 12—14 апреля, были резолюции и другого характера. Из имеющихся резолюций рабочих 23 московских предприятий против займа было семь, в поддержку займа — шесть, в четырех выражалась условная поддержка займа, а еще в шести поддержка займа сопровождалась всякого ро-

да требованиями к Временному правительству (см.: Резолюции за и против «Займа свободы» 12—14 апреля 1917 г.// ГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 228. Л. 3—36. Три резолюции из этого дела см.: Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 376—377, 380—381).

[10] *Астрахан X. М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. (март—октябрь): Диссертация: Приложение. Данные о большевизации крупнейших предприятий Петрограда. Л., 1974. С. 350—475. См. также: В. И. Ленин и питерские рабочие. Л., 1982. Гл. VI.

[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 218.

[12] *Сазонов И. С.* Большевистское слово. Л., 1978. С. 137.

[13] *Миллер В. И.* Солдатские комитеты в русской армии в 1917 г.: Возникновение и начальный период деятельности. М., 1974. С. 254—259, 275—280.

[14] *Голуб П. А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 145, 214.

[15] *Миллер В. И.* К истории борьбы непролетарских партий за армию в 1917 г.// Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982. С. 247—251.

[16] *Хесин С. С.* Моряки в борьбе за Советскую власть. М., 1977. С. 60.

[17] *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 214—244.

[18] *Гаврилов Л. М.* Солдатские комитеты в Октябрьской революции. М., 1983. С. 102—121.

[19] Анкеты (ГАМО. Ф. 648. Оп. 4. Д. 21. Л. 1—210. Далее в тексте — ссылки на листы этого дела) были разосланы в армейские части 14 августа 1917 г. В сопроводительном письме заведующий указанным отделом московских Советов рабочих и солдатских депутатов Владимирский просил армейские комитеты «не замедлить» с рассылкой анкет полковым комитетам (Л. 8). Основная масса анкетных листов (по 30—37) поступила из частей Румынского фронта, Особой и 11-й армий Юго-Западного фронта и частей 3-й армии Западного фронта. На основании этих анкет нами был сделан самый общий подсчет партийности состава солдатских комитетов (*Астрахан X. М.* Большевики и их политические противники в 1917 году. С. 382). Здесь этот вопрос рассматривается детальнее.

[20] *Смольников А. С.* Армия победившей революции. М., 1984. с. 148—149.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 332.

[22] К примеру, в сборнике «Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне» (М., 1984) в пяти статьях (из девяти), посвященных конкретно-историческим вопросам предоктябрьского периода, использованы материалы муниципальных выборов.

[23] *Минц И. И.* История Великого Октября. 2-е изд. М., 1978. Т. 2. С. 562. По «Известиям Всероссийского союза городов» (1917. № 47/48. С. 22) аналогичные данные приведены нами в кн. «Большевики и их политические противники в 1917 году» (С. 367).

[24] См., напр.: *Андреев А. М.* Местные Советы и органы буржуазной власти, 1917 г. М., 1983. Заметим, что автор ошибочно считает, что суммарные данные фиксируют лишь итоги осенних выборов в городские думы, а не за весь период муниципальной кампании.

БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬИ ПАРТИИ РОССИИ

В. И. СТАРЦЕВ

СТАТЬИ П. Н. МИЛЮКОВА И ВЫРАБОТКА ПРОГРАММЫ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ В ОКТЯБРЕ 1905 г.

История выработки программы кадетской партии в общей форме отражена в ряде обобщающих и специальных работ советских историков [1]. Однако специального источниковедческого анализа самого процесса создания программы кадетской партии, принятой на ее Учредительном съезде 12—18 октября 1905 г., до сих пор не предпринималось. В данной статье предпринята попытка привлечь внимание исследователей к проблеме источников создания кадетской программы.

Среди них особое место занимают публицистические выступления одного из лидеров конституционно-демократического движения; П. Н. Милюкова. Еще в 1902 г. в первом номере журнала «Освобождение» П. Н. Милюковым была опубликована статья под названием «От русских конституционалистов». Обосновывая свой взгляд на программу-минимум русского либерализма, он писал, что она должна быть «принципиальной» и «исполнимой», отражать лишь ближайшие перспективы развития освободительного движения. Милюковым были поставлены такие проблемы, как компетенция народного представительства, его отношение к прерогативам царской власти, избирательные права населения, право законодательной инициативы, ответственность правительства перед народным представительством. Подробную же разработку этих проблем автор относил к будущему времени. В данный же момент подробно формулировались такие политические требования, как установление личной свободы, гарантированной независимым судом, равенство всех перед законом, свобода печати, собраний и союзов, созыв бессословного народного представительства «с правами высшего контроля, законодательства и утверждения бюджета» [2]. Хотя статья носила полемический характер и была направлена против славянофильских взглядов правой части земского движения, Милюкова роднило с представителями славянофильских взглядов то, что реформы он хотел получить не путем революционного воздействия на царскую власть, а путем ее добровольного самоограниче-

ния. «В нашей программе, — писал Милюков, — мы исходим из предположения, что в более или менее близком будущем правительственная власть будет поставлена в необходимость приступить к серьезной политической реформе». Чуть ниже прямо говорилось, что эта реформа должна быть введена «актом высочайшей воли» [3]. Статья П. Н. Милюкова, так выпукло показавшая ограниченность буржуазных конституционалистов, вместе с тем может считаться первым документом, генетически связанным с будущей программой кадетской партии.

Хотелось бы отметить еще несколько статей П. Н. Милюкова, носивших программный характер и поэтому связанных с основными направлениями теоретических взглядов будущей конституционной партии. Так, в статье «К очередным вопросам», опубликованной в «Освобождении» в феврале 1903 г., П. Н. Милюков довольно резко нападал на лидеров правого крыла земского движения: Д. Н. Шипова, М. А. Стаховича и др. Он настаивал на необходимости создания «либеральной организации для совершенно определенной цели — конституционных реформ» [4]. По его мнению, правые земцы должны оставаться вне этой партии. В июле 1904 г. в том же журнале Милюков выступил со статьей «Очередные задачи русских конституционалистов», в которой сформулировал два положения, которые должны быть положены в основу предстоящей политической реформы. Во-первых, будущее народное представительство должно носить законодательный характер и обладать правом рассмотрения бюджета. Во-вторых, такое представительство должно быть созвано на основе всеобщего избирательного права [5].

Эта статья Милюкова явилась своеобразным итогом двухлетней политической борьбы буржуазных конституционалистов за выработку и выдвижение первоочередных программных требований. За это время «Освобождению» и «освобожденцам» удалось сплотить на платформе конституционных требований большинство земцев-конституционалистов, а затем проложить себе дорогу в среду буржуазной и отчасти радикальной интеллигенции. Задача формирования «бессословного общественного мнения» и зачатка буржуазной конституционной партии (которым стали «Союз земцев-конституционалистов» и «Союз освобождения») была выполнена. Однако в области теоретической разработки русского варианта парламентаризма заслуги «освобожденцев», и в частности П. Н. Милюкова, оказались за этот двухлетний период чрезвычайно скромными. По существу, дальше требования «народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, дело не пошло. Сравнивая программное заявление «От русских конституционалистов» июня 1902 г. с «Очередными задачами русских конституционалистов» июля 1904 г., мы обнаруживаем даже известный регресс в вопросе об ограничениях прерогатив царской власти и образовании ответственного правительства.

Убийство В. К. Плеве и «новый курс» министра внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского привели к оживлению земс-

кого и либерального движения осенью 1904 г. Что касается правого крыла земского движения, то оно с восторгом встретило первые симптомы «перемен» в верхах. Однако «освобожденцы», и прежде всего Милюков, отнеслись к правительственной «весне» сдержанно. 2 октября 1904 г. Милюков выступил на страницах «Освобождения» со статьей «Новый курс», в которой высказывал недоверие к политике Святополк-Мирского. «Наш неисправимый оптимизм,— писал он,— опять должен поднять голову: опять будут раздаваться голоса об осторожности и постепенности, о том, чтобы не испортить настроения в правительственных сферах, не пропускать момента и т. д.». Милюков предостерегал: новый министр прямо заявил, что не хочет введения парламентаризма. «Мы как раз,— продолжал Милюков, — хотим парламентаризма и не хотим манифеста (имелся в виду манифест от 26 февраля 1903 г. — *В. С.*), о политической бессмысленности которого говорилось в свое время в «Освобождении». Мы не хотим терпимости, ограниченной пределами существующих законов, ибо таковой не существует. Мы хотим открытого и официального признания полной свободы веры и совести так же, как свободы печати, собраний, союзов, передвижения, неприкосновенности личности, имущества и жилища, — словом, признания всех основных прав, как они признаны государственным правом всех цивилизованных государств всего мира». В политике нового министра Милюков видел признак слабости правительства, которое уже не может управлять страной без каких-то уступок. А раз так, надо развивать наступление на правительство. Надо не дать себя обмануть. Ведь между нынешним самодержавием и настоящим конституционализмом нет и не может быть, по мнению Милюкова, каких-либо промежуточных позиций. Милюков прямо обращался к царскому правительству с предупреждением: только принятие программы конституционалистов целиком может обеспечить преобразование России по мирному, нереволюционному пути [6].

Но, как известно, земские деятели согласились на предложение министра собрать в начале ноября съезд в Петербурге. Совет «Союза освобождения» дал 20 октября директиву, первым пунктом которой значилось: принять самое деятельное участие в предстоящем земском съезде и попытаться склонить его на путь открытого заявления конституционных требований. В свою очередь Милюков поместил в газете «Право» статью «Задача земского съезда 6—9 ноября 1904 г.» «Чтобы не оказаться немедленно же позади того, что составляет очередное „сегодня“, — разъяснял Милюков роль земского съезда, — совещание должно взглянуть на вопрос глубже и дальше своего обычного круга занятий. Не ограничиваясь тем, что покажется собравшимся деятелям возможными на „сегодня“ приобретениями, собрание должно формулировать общие, принципиальные заявления и выставлять их как постоянное, основное содержание земской платформы». Политическая реформа — вот главное требование дня. И ее надо назвать, не прибегая к околичностям. «Все эти приемы, формулировки, — продолжал Милю-

ков, — не предусмотренные ни в каких учебниках государственного права, должны теперь отпасть и уступить место выработанной и усвоенной цивилизованными государствами всего мира формуле. То, что доступно для всех, не может быть признанным недоступным для нас, — если только мы не хотим признать себя какими-то выродками человечества». На долю участников съезда выпала великая честь: «Сказать эту формулу, о которой думали, к которой стремились, которую так жаждали бы громко сказать целые поколения менее счастливых предшественников» [7].

Следует отметить, что большинство земского съезда вполне оправдало надежды, которые возлагал на него Милюков. Умеренные фурмулировки организационного бюро съезда были расширены большинством и отредактированы в «освобожденческом» духе. Это, в частности, касалось пятого пункта — о гарантиях неприкосновенности личности и жилища, шестого пункта — об обеспечении свободы совести и вероисповедания, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзов. Появился в резолюции и новый, седьмой пункт: «Личные (гражданские и политические) права всех граждан Российской империи должны быть равны». Редакционные поправки коснулись и других пунктов. А в вопросе о характере народного представительства победила, как известно, формулировка большинства: «Правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации» [8].

Разумеется, статьи Милюкова в «Освобождении» формулировали эти принципы конституционализма прямее и острее, но значение резолюции ноябрьского земского съезда состояло в том, что они были произнесены полуофициально, на собрании, разрешенном правительством. И если программные статьи «Освобождения» (а среди них прежде всего статьи Милюкова) оказали существенное влияние на окончательное редактирование резолюции земского съезда, то сама эта резолюция лишь в самой общей форме послужила предтечей программы, принятой 3-м съездом «Союза освобождения» в марте 1905 г., а следовательно, и программы партии кадетов.

Отметим, что в момент выработки текста программы «Союза освобождения» П. Н. Милюков не имел возможности влиять на ее формулировки. Зимой 1904/05 г. он находился в США, где выступал с циклом лекций, вошедших затем в его книгу «Россия и ее кризис». Однако в ряде статей, опубликованных Милюковым весной и летом 1905 г. в России, содержались некоторые положения, послужившие материалом для подготовки кадетской программы.

Так, в статье «Партии или союзы», опубликованной в апреле 1905 г. в газете «Сын отечества», Милюков писал: «Теперь, по мере того как коренная политическая реформа становится предметом очередного законодательства, основные вопросы программы выдвигаются на первый план и вместо простого отрицания и критики,

которые объединяли всех, начинается положительная творческая работа, которая не может не разъединять»[9].

В статье «Союзное движение и „Союз союзов“» Милюков попытался дать обоснование необходимости для будущей конституционно-демократической партии умеренной программы, которая должна отличать ее от «крайних партий».

В статье «Государственный акт 6 августа 1905 г.» Милюков предлагал не игнорировать, а считаться с новыми условиями, которые создал этот акт, полагая, что разрешение «народного представительства само собой вынудит власть разрешить свободу печати, собраний, предвыборную борьбу»[10]. Однако эти надежды Милюкова оказались тщетными. В ответ на его лояльность и умеренность последовал кратковременный арест.

Под влиянием Милюкова сентябрьский земский съезд принял, хотя и с «некоторыми ретушами», программу «Союза освобождения». Однако быстрый рост революционных событий в стране заставил Милюкова занять более радикальные позиции.

12 октября 1905 г. П. Н. Милюков на открытии Учредительного съезда кадетской партии во вступительной речи сформулировал основные направления программы партии, которую надлежало принять съезду. При этом он ставил себе в заслугу присоединение к этой «освобожденческой» платформе большинства земских съездов. «Начиная с принципиальных заявлений 6—9 ноября, — подчеркивал Милюков, — и кончая постановлениями последнего сентябрьского съезда, конституционно-демократическое настроение съездов постоянно прогрессировало, и рост его наконец завершился на последнем съезде принятием резолюций, по содержанию своему почти тождественных с теми, какие тогда уже партийное ядро подготовляло для настоящего нашего съезда»[11].

С большим апломбом Милюков характеризовал предлагаемый съезду проект программы как очень радикальный. «Наша программа, — заявлял он, — является, несомненно, наиболее левой из всех, какие предъявляются аналогичными нам политическими группами Западной Европы. Этот характер программы может быть не оценен по достоинству в момент такого высокого напряжения общественных сил, какой мы сейчас переживаем, но он, без сомнения, будет оценен впоследствии»[12].

Программа состояла из восьми разделов, в которых имелось в общей сложности 57 статей. Если сравнивать ее с программой «Союза освобождения», то последняя никаких членений на разделы не имела, но при формулировании задач в финансовой, аграрной и рабочей областях указывалось соответственно 3, 4 и 8 пунктов. Кадетская программа начинается разделом «Основные права граждан». Оказалась опущенной грозная преамбула, с которой начиналась программа «Союза освобождения»: «Союз освобождения находит, что тяжелый и внешний и внутренний кризис, переживаемый Россией, в настоящее время настолько обострился, что народ должен взять решение этого вопроса в свои руки. Вместе с другими общественными группами, выступившими против существу-

ющего режима, Союз освобождения требует поэтому немедленного созыва Учредительного собрания на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов для выработки русской конституции. Союз освобождения считает далее необходимым выступить уже в настоящее, подготовительное к созыву Учредительного собрания время с определенной программой. Общей и непосредственной целью своей деятельности Союз освобождения считает коренное преобразование государственного строя России на началах политической свободы и демократизма» [13]. Правда, в политической резолюции кадетского съезда от 14 октября содержалось одобрение требования созыва Учредительного собрания путем всеобщих выборов, но само оно подавалось только как требование забастовщиков. Из программы оно было выброшено.

В тексте программы «Союза освобождения», относящемся к правам граждан, лишь один раз встречалось слово «Россия», в первом же разделе кадетской программы употреблены, и притом неоднократно, выражение «Российская империя» и слово «империя». Что касается содержания 11 пунктов первого раздела кадетской программы, то они почти буквально повторяли соответствующие места программы «освобожденцев». Второй раздел — «Государственный строй» — тоже соответствовал «освобожденческой» программе, даже повторяя примечание о том, что меньшинство съезда отказалось признать за женщинами избирательное право. Но в формулировке ряда важных положений были сделаны существенные отступления от демократических принципов. Так, в статью 19 не было включено следующее место из «освобожденческой» программы: «Народное собрание имеет также право при соблюдении известных условий привлекать министров к судебной ответственности». В статью 14 кадетской программы было внесено дополнение о том, что в партии сохраняется и допускается различие мнений по вопросу о том, должно ли народное представительство быть создано из одной или двух палат, причем вторая палата могла состоять из представителей местного самоуправления, реорганизованного на основе принципа всеобщих выборов. Это было уступкой земцам-конституционалистам и правой части членов «Союза освобождения».

Третий раздел кадетской программы — «Местное самоуправление и автономия» — состоял из семи статей, или пунктов, и внешне был полнее одного большого — на целую страницу — абзаца «освобожденческой» программы. Это касалось добавления пункта о компетенции органов местного самоуправления, их взаимоотношениях с представителями центральной власти, распространении самоуправления на всю территорию государства. Вместе с тем требование «освобожденцев» о том, чтобы «освобожденная Россия сознательно и решительно порвала с характерными для самодержавия угнетением окраин и бюрократической централизацией», в данный раздел включено не было. Большой абзац «освобожденческой» программы о восстановлении автономии Финляндии был значительно сокращен, зато специальным пунктом включена поль-

ская автономия. Требования же о введении автономии Литвы, Украины и Закавказья в кадетскую программу вовсе не были включены.

Четвертый раздел кадетской программы, состоявший из трех пунктов, базировался на абзаце «освобожденческой» программы, но был несколько расширен и «юридизирован», благо юристов среди руководящего ядра партии было не занимать. Но и здесь «политическое редактирование» и смягчение давали о себе знать. Так, если подпункт «б» пункта 28 гласил: «Смертная казнь отменяется безусловно и навсегда», то в редакции программы «Союза освобождения» он звучал так: «Смертная казнь, применяемая почти исключительно в интересах поддержания существующего строя, подлежит безусловной отмене».

В пятом разделе кадетской программы совсем новым был только пункт 35 — «Обращение средств сберегательных касс на развитие мелкого кредита». Зато были выброшены резко обличительные слова в адрес царского правительства из соответствующего места «освобожденческой» программы. Вот они: «Вся хозяйственная жизнь России до корня извращается политическим рабством, в котором коснеет страна. Освобожденная Россия должна порвать с системой внешних захватов и с финансовой и экономической политикой, разорявшей страну. Контроль народных представителей над расходованием народных средств прекратит практиковавшееся до сих пор расточение народного достояния».

Четыре пункта аграрной части программы «Союза освобождения» превратились в пять в кадетской. Этот новый пункт касался переселенческого и межевого дела. Уступки в этой части в пользу помещиков достаточно хорошо известны, и мы здесь не будем на них останавливаться.

Седьмой раздел кадетской программы — «Рабочее законодательство», — пожалуй, был ближе всего к своему протографу. Но в заключительный раздел о народном просвещении были внесены определенная детализация и дополнения. Однако и здесь были сделаны существенные отступления от «освобожденческой» программы. Так, если последняя требовала бесплатного обучения во всех государственных и общественных школах, то кадетская программа распространяла принцип бесплатности только на начальную школу. Плата же за получение среднего образования должна была быть только «понижена».

Итак, анализ программы, принятой Учредительным съездом партии кадетов 12—18 октября, в сравнении с программой «Союза освобождения» показывает, что «ретуши» были значительными. Они сводились к выхолащиванию радикального духа «освобожденческой» программы, приданию солидности и «государственности» программе партии, претендовавшей на роль легальной. Компромисс же «освобожденческой» части партии с земской проявлялся в дополнении «освобожденческой» программы в разделах аграрном и о местном самоуправлении. Он не касался политических частей программы. Самоцензурование, проведенное прежде

всего П. Н. Милюковым, отражало тот внутренний поворот данного деятеля, который произошел летом 1905 г. в связи с падением влияния конституционных элементов на профессионально-политические союзы и изданием манифеста 6 августа 1905 г. Значение последнего было явно переоценено Милюковым и привело к снижению тона требований конституционалистов, в котором он сам год назад упрекал правое крыло земских съездов.

[1] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983; *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны, 1914—1917. Л., 1967.
[2] Освобождение. 1902. № 1.
[3] Там же.
[4] Там же. 1903. № 17.
[5] Там же. 1904. № 52.
[6] Там же. № 57.
[7] Право. 1904. № 48.
[8] Цит. по: *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 262—265.
[9] Сын отечества. 1905. 21 апр.
[10] Право. 1905. № 31.
[11] *Милюков П. Н.* Год борьбы. СПб., 1907. С. 99.
[12] Там же. С. 101.
[13] Сборник программ политических партий в России. СПб., 1905. Вып. 1, 2.

В. В. КОРНЕВ

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА» ИСТОРИКА П. Г. ВИНОГРАДОВА И ИХ АНАЛИЗ В. И. ЛЕНИНЫМ

В августе 1905 г. на страницах газеты «Русские ведомости», органа правого крыла формирующейся партии кадетов, появились «Политические письма» известного историка П. Г. Виноградова [1], в которых в сублимированном виде получила отражение позиция либеральной буржуазии в период первой российской революции 1905—1907 гг.

В. И. Ленин ответил на выступление Виноградова статьей «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», опубликованной в газете «Пролетарий» 1 сентября 1905 г. «Г. Павел Виноградов,— писал он,— с редкой рельефностью выразил интересы, тактику, психологию своекорыстной буржуазии»[2]. Кроме того, на выступление П. Г. Виноградова было обращено внимание в ленинских статьях «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?», напечатанной в «Пролетарии» 23 августа 1905 г., «Буржуазия сытая

и буржуазия алчущая», опубликованной там же 27 сентября 1905 г., в «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» (июнь 1906 г.), в «Докладе об отношении к буржуазным партиям» на V съезде РСДРП в мае 1907 г.

Характеризуя политическое положение в России, рост революционных настроений среди различных слоев, П. Г. Виноградов писал: «События последнего времени показывают с полной очевидностью, что русскому обществу наконец надоело представлять заодно с Турцией последний оплот абсолютизма в Европе. Многие в России думают, что русским политическим деятелям предстояло просто схватить на лету последние слова передовых партий Европы». «Откуда такая гордыня?» — вопрошал либерал Виноградов. И менторским тоном продолжал: «Не мешало бы поучиться ходить, прежде чем собираться обгонять западную „буржуазию", которая немало сделала для европейской цивилизации... необходимо усвоить основные начала правового порядка, гражданской обеспеченности и политической свободы, и для успешного их усвоения нельзя не справиться с уроками европейской истории»[3].

«Г. профессор,— отмечал В. И. Ленин,— пишет слово буржуазия в иронических кавычках: нашли, дескать, такой нелепый термин в применении к европейской культуре!» Но это не главное. «Ему противна больше всего „гордыня" тех, кто „собирается обгонять западную буржуазию",— подчеркивал В. И. Ленин.— ...Он благодушно закрывает глаза, этот „объективный историк", на то, что именно благодаря застарелой самодержавной мерзости в России Европа вот уже десятки и десятки лет стоит на месте или пятится назад в политическом отношении»[4].

В июне—июле 1905 г., по мнению В. И. Ленина, буржуазия в общем и целом еще стояла за революцию. После опубликования «булыгинской конституции» начался ее постепенный отход от революционного движения.

Уже в августе 1905 г. П. Г. Виноградов, полагая себя рупором политических идей русского либерализма, посчитал необходимым предостеречь «мыслящих людей», «стремящихся к свободе, к активному патриотизму, к раскрытию и врачеванию общественных недугов, но не желающих переворота всех отношений, разрыва с национальным прошлым, рискованной игры неизвестными политическими силами». П. Г. Виноградов выделяет и характеризует в своих «Письмах» три главных фактора политической обстановки в России: правительство, «образованное общество» и народная масса.

Характеристика правительства у Виноградова либерально-традиционна: «бессильное», «дискредитированная бюрократия» и т. д. Она остроумно завершается цитатой из басни Крылова: «Нет, господа, как ни садитесь, вы в музыканты не годитесь».

Между «образованным обществом» и народной массой либеральный историк проводит водораздел следующим образом: «Меньшинство надело немецкий костюм и приблизилось к Европе

по идеям и стремлениям, громадное большинство осталось на проторенной московской колее и по настоящее время живет особой, темной жизнью, молится своим богам и таит особые социальные и политические стремления».

Но все это было не главное в выступлении Виноградова. Предостережение, с которым обратился он к своим сотоварищам и единомышленникам, заключало квинтэссенцию психологии либеральной буржуазии в переживаемой революции.

«Я не знаю,— писал Виноградов,— удастся ли еще России прийти к новому строю дорогой, близкой к тому пути, которым прошла Германия в 1848 году, но не сомневаюсь, что надо употребить все усилия, чтобы выйти на эту дорогу, а не на путь, избранный Францией в 1789 г.» Действительно, русскую либеральную буржуазию вполне устраивала не победоносная революция, какой была Великая французская буржуазная революция, а незавершенная революция 1848 г. в Германии.

В чем же коренная разница между обоими путями? — ставил вопрос В. И. Ленин. Революция 1789 г. была проведена активно-революционной массой народа, дошла до республики и полной свободы, отодвинув в сторону «солидную» и умеренную буржуазию. Революция 1848 г., прошедшая под руководством либеральной буржуазии, остановилась, не сломив монархии и реакции. Именно поэтому Виноградов желает «немецкого пути» и прямо говорит это. Разоблачая «ученого лакея российской буржуазии», В. И. Ленин писал: *«Он боится победы народа.* Он не боится того, чтобы реакция, бюрократия... была проучена слегка народом. *Он боится свержения реакционной власти народом.* Он ненавидит самодержавие и всей душой желает свержения его, но *погибели* для России он ждет не от сохранения самодержавия... а *от полной победы народа»*[5].

На примере историка Виноградова, этого «мужа алтынной науки», В. И. Ленин раскрывает сущность либеральной буржуазии, которая желает не победоносной революции, а неудавшейся революции, торжества реакции. Она считает революцию явлением незаконным, неправомерным, реакцию — явлением законным и правомерным, естественным и прочным. Для либеральной буржуазии революция, победившая вполне, есть анархия, а реакция, победившая вполне,— только «небольшое преувеличение известных необходимых функций государства». Буржуазия «не знает другой „власти", кроме монархической, другого „порядка" и другой „общественной организации"», кроме буржуазных [6]. «Копните либерального российского буржуа,— восклицал В. И. Ленин,— ...и найдете одетого в новенький мундир урядника...»[7]

В. И. Ленин упомянул об уряднике не случайно. В своих «Письмах» Виноградов пугал обывателя тем, что русскому обществу якобы грозят неслыханные опасности, если не погибель. «Нежелательно дожить до предметных уроков на темы о власти,— писал Виноградов,— порядке, национальном единстве, общественной организации, тем более что эти предметные уроки будет

давать или собравшийся с новыми силами урядник, или немецкий вахмистр, которому анархия в России откроет провиденциальную миссию».

«Он боится предметных уроков „собравшегося с новыми силами урядника“,— писал Ленин,— и поэтому... он пуще всего предостерегает от решительного разгрома всех „сил“ современного урядника. Такая презренная холопская фигура! Какое гнусное предательство революции под соусом якобы ученого и якобы объективного рассмотрения вопроса!»[8]

В. И. Ленин показал отличие европейской буржуазии от русской, сравнил генезис первой и второй. В статье «„Революционеры“ в белых перчатках» (июнь 1905 г.) он писал: «Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец, изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу к конституционным монархам. Русские буржуа хотят „учиться у истории“ и „сократить стадии развития“: они хотят сразу предать революцию, сразу оказаться изменниками свободе»[9]. Разоблачая позицию Виноградова и всего либерального лагеря в революционной борьбе народных масс, В. И. Ленин указывал, что буржуазия «не может, по классовому положению, хотеть революции. Она хочет лишь сделки с монархией против революционного народа, она хочет лишь прокрасться к власти за спиной этого народа»[10].

«У всякого идеолога буржуазии,— указывал В. И. Ленин,— насквозь торгашеская душонка; он думает не об уничтожении *сил* реакции и „урядника“, а о том, чтобы подкупить, подмаслить, умягчить этого урядника посредством возможно более быстрой сделки с ним»[11].

В последующих работах В. И. Ленин, анализируя тактику либеральной буржуазии, показывает ее поворот вправо, исторически обусловленный и вытекающий из ее классового характера. Отмечая, что после Всероссийской октябрьской политической стачки либералы только и делали, что предавали дело народной свободы, В. И. Ленин писал: «В ноябре 1905 года они подсылали г-на Струве интимно побеседовать с г. Витте. Весной 1906 года они подрывали революционный бойкот и своим отказом открыто перед Европой высказаться против займа помогали правительству добыть миллиарды на завоевание России. Летом 1906 года они торговались с заднего крыльца с Треповым о министерских портфелях и боролись с „левыми“, т. е. с революцией, в I Думе. В январе 1907 года они опять забегали к полицейским властям (визит Милюкова у Столыпина). Весной 1907 года они *поддерживали* правительство во II Думе. Революция замечательно быстро разоблачила либерализм и показала на деле его контрреволюционную природу»[12].

Объясняя этот поворот вправо либеральной буржуазии, В. И. Ленин указал на обстоятельства, которые бросили русский либерализм гораздо сильнее, чем европейский, в объятия контрреволюции: во-первых, созидательность социалистического про-

летариата, идущего вместе с международным рабочим движением в Европе, во-вторых, крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель[13].

В полемической статье «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?», помимо анализа психологии либеральной буржуазии, В. И. Ленин поставил и другую кардинальную проблему — необходимость разоблачения политического единства меньшевиков и либералов. Эта проблема присутствует в произведениях В. И. Ленина всего периода борьбы за победу буржуазно-демократической и социалистической революций.

Разоблачить хвостизм меньшевиков было необходимо для того, чтобы добиться единства действий пролетариата, обеспечить поддержку тактических лозунгов большевиков боевой силой рабочего класса и крестьянства, показать опасную для победы революции соглашательскую политику оппортунистов, призывавших к союзу с буржуазией. Разрабатывая стратегию и тактику большевиков и разоблачая оппортунизм меньшевиков, В. И. Ленин опирался на учение Маркса и творчески развивал его, учитывая новые формы классовой борьбы.

Основным пунктом тактических разногласий между большевиками и меньшевиками был вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и его союзе с крестьянством. Эти разногласия определили их различный подход и к решению других проблем. Исходя из буржуазного характера революции, происходящей в России, меньшевики требовали, чтобы пролетариат поддержал либералов и вошел в союз с ними на тех условиях, которые либеральная буржуазия сочтет приемлемыми. Меньшевики выступали апологетами кадетской теории двух лагерей в освободительном движении, согласно которой все общественно-политические силы России делились на сторонников и противников конституции.

Меньшевики считали, что кадеты как политическая партия выступают от имени средней городской буржуазии, и именно в этой социальной среде они видели более надежного союзника пролетариата в борьбе с царизмом, чем крестьянство. Поэтому союз пролетариата с либеральной буржуазией казался меньшевикам более выгодным, чем союз пролетариата и крестьянства, которое они считали реакционным [14].

В. И. Ленин считал, что П. Г. Виноградов, «этот мудрец либеральной буржуазии», дает меньшевикам, «доктринерам социал-демократии», поучительный урок [15].

В. И. Ленин цитирует в своей статье (ранее он сделал это в книге «Две тактики...») резолюцию кавказских новоискровцев, которые высказались против образования социал-демократами Временного революционного правительства, полагая, что это заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах [16].

«Это резолюция — позорная,— писал В. И. Ленин,— ибо она

выражает... предательство интересов рабочего класса в руки буржуазии. Эта резолюция освящает превращение пролетариата для эпохи демократической революции в хвост буржуазии. Эту резолюцию достаточно поставить рядом с вышеприведенной цитатой из г. Виноградова... чтобы видеть, в какое болото залезли новоискровцы. Ведь г. Виноградов, этот типичнейший идеолог буржуазии, *уже отшатнулся* от дела революции. Не ослабил ли он этим „размаха революции", господа новоискровцы? Не следует ли вам пойти с повинной к господам Виноградовым и умолять их *ценой вашего воздержания от руководства революцией* не „отшатываться от дела революции"?»[17].

Таким образом, в небольшой, но полемически острой статье В. И. Ленина «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?» поставлены насущные политические проблемы первой российской революции. Эта статья, явившаяся ответом либеральному историку П. Г. Виноградову, сфокусировала круг вопросов, по которым шла ожесточенная борьба между революционными социал-демократами и либералами, большевиками и меньшевиками.

Используя «Политические письма» Виноградова, В. И. Ленин подверг блестящему анализу психологию либеральной буржуазии. Цитируя оппортунистическую резолюцию кавказских меньшевиков, вождь большевистской партии обнажил тактику предательства интересов пролетариата со стороны меньшевистской фракции РСДРП, антимарксистские воззрения меньшевиков на характер и движущие силы революции 1905—1907 гг. Движение либеральной буржуазии летом 1905 г. В. И. Ленин характеризовал как вульгарный революционаризм, а позицию меньшевиков — как хвостизм революционеров [18].

Шло время, менялась позиция либеральной буржуазии, однако позиция меньшевиков, этих, по словам В. И. Ленина, жирондистов современной русской социал-демократии [19], оставалась неизменной — в хвосте у либералов.

[1] Русские ведомости. 1905. 5 авг.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 225—226.
[3] Русские ведомости. 1905. 5 авг.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 228.
[5] Там же. С. 227.
[6] Там же. С. 228.
[7] Там же. С. 228—229.
[8] Там же. С. 228.
[9] Там же. Т. 10. С. 300.
[10] Там же. Т. 11. С. 229.
[11] Там же.
[12] Там же. Т. 16. С. 122.
[13] См.: Там же. Т. 17. С. 40.
[14] Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1914. Т. 3. С. 70.
[15] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 229.
[16] См.: Там же. С. 229—230.
[17] Там же. С. 230.
[18] См.: Там же. С. 59—60.
[19] См.: Там же. С. 47.

А. Д. КОЖУРЯКИН

РЕФОРМИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРОГРАММЫ КАДЕТОВ ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ

История большевистской партии заполнена острой идейно-политической борьбой с либеральной буржуазией за массы. Одним из важных направлений борьбы явилась критика В. И. Лениным реформистской сущности программы кадетов по рабочему вопросу.

На выработку кадетами программных положений по рабочему вопросу оказали влияние не только сами революционные события, но также Программа РСДРП, политические требования и практические действия большевиков. Одним из центральных пунктов кадетской программы по рабочему вопросу было требование свободы организации рабочих союзов, устройства собраний, проведения стачек. Стремясь пересадить опыт западноевропейского оппортунизма на российскую почву, кадеты усиленно пытались убедить господствующую верхушку, что допущение легального профсоюзного движения облегчит буржуазии возможность удерживать пролетариат от политической борьбы. «Бесспорно, интересы различных групп далеко не всегда совпадают, каждая из сторон склонна к преувеличению, предприниматели уступают рабочим только под давлением необходимости... Совместное обсуждение хотя бы некоторых вопросов в высшей степени полезно и для хозяев. Когда они близко узнают рабочих, исчезает тот антагонизм, который так часто приводит к столкновениям»[1] — так кадеты доказывали целесообразность легализации рабочих союзов.

Более того, кадеты считали, что свобода союзов в высшей степени отвечает и государственным интересам. Политика правительства, демагогически заявляли они, должна носить «внеклассовый» характер, защищать интересы не только сильных мира сего, но и неимущих слоев. «Государственная власть, если бы ей действительно были одинаково близки интересы всех граждан,— отмечалось в журнале „Русская мысль",— должна была бы стать в борьбе между капиталом и трудом на сторону слабейших и оградить рабочего от бесконечного произвола хозяев»[2]. Такая политика укрепляла бы, по мнению кадетов, основы законности и права, вводила классовые отношения в русло «естественного» соперничества, ослабляла роль и влияние в рабочем движении «крайне левых сил» и усиливала «умеренные элементы» в социал-демократическом течении. «Мы предпочитаем иметь дело с открытой надпольной социал-демократией, чем в подпольной»[3].

Самым «революционным», по мнению кадетских лидеров, было включение в программу партии требования введения 8-часового рабочего дня. Разумеется, законодательным путем. Ссылаясь на опыт передовых западноевропейских стран, кадеты доказывали,

что процесс сокращения рабочего дня и там осуществлялся далеко не просто, что предприниматели отчаянно сопротивлялись этому. Основным аргументом, который выдвигали противники сокращения рабочего времени, было утверждение, что оно повлечет за собой разорение фабрикантов, сокращение производства, снижение заработной платы и т. п. «Жизнь,— писали кадеты,— однако опровергла все эти опасения»[4].

Вместе с тем требование введения 8-часового рабочего дня сопровождалось весьма существенной оговоркой: «Немедленное осуществление этой нормы всюду, где она в данное время возможна, и постепенное ее введение в остальных производствах»[5].

Невозможность единовременного и безотлагательного перехода к 8-часовому рабочему дню кадеты аргументировали низким уровнем развития технической базы промышленности в России, где «многие фабрики еле дышат», вследствие чего сокращение рабочего дня может привести к разорению фабрикантов, закрытию производства, а любое, частичное даже, сокращение производства, банкротство предприятий приведут к ухудшению положения масс, росту безработицы, что, в свою очередь, будет вести к обострению классовой борьбы [6].

Это ли не образчик того, что буржуазия во всех странах использует идентичные аргументы, стремясь если не сорвать, то хотя бы затормозить процесс демократизации любых сторон социально-экономической и политической жизни. Прикрываясь ширмой «научной объективности», «реального подхода» к проблеме, кадеты на деле пытались совместить несовместимое — интересы антагонистических классов, при этом оставаясь на четко выраженных позициях буржуазного либерализма, отстаивая потребности крупной торгово-промышленной буржуазии, которая, по словам В. И. Ленина, «вполне может господствовать и при 8-ми часовом рабочем дне. Ее господство будет даже тогда полнее, чище, шире, свободнее, чем при 10—11-часовом рабочем дне. Но диалектика классовой борьбы такова, что никогда без крайней необходимости, без последней необходимости буржуазия не заменит спокойного, привычного, доходного (обломовски-доходного) 10-часового рабочего дня 8-часовым»[7].

Специальная комиссия во главе с П. Б. Струве разработала законопроекты «Общие начала закона о рабочем договоре» и «Предварительная редакция проекта закона о свободе стачек». В них кадеты выступили с широковещательными заявлениями о предоставлении компенсации рабочим за утраченную ими вследствие несчастного случая или профессионального заболевания трудоспособность, подчеркивая, что выплата компенсации должна производиться полностью за счет предпринимателя, а также о введении государственного страхования на случай смерти, старости, болезни и т. п. Все это нашло отражение в документе «Некоторые общие положения для выработки проекта об обязательном страховании от несчастных случаев», разработанном указанной выше рабочей комиссией. Кадеты считали, что введение страхования ра-

бочих должно «устранить многочисленные поводы к обострению отношений между предпринимателями и рабочими»[8].

Однако как достичь столь благих пожеланий — эта проблема во многом была не ясна даже кадетским лидерам. «Для того, чтобы серьезно заняться „делом", надо почувствовать свое положение упрочившимся; а для того, чтобы упрочилось положение, необходимо приняться за серьезную работу,— писала „Речь".— И опять становится перед сознанием мучительный вопрос: где же начало в этом замкнутом круге? И кто начнет первый?»[9]

Замкнутый круг буржуазного либерализма был следствием стремления кадетов усидеть, образно говоря, между двумя стульями. Их программа по рабочему вопросу была нацелена на уничтожение пережитков феодализма и юридическое упорядочение фактически сложившихся капиталистических производственных отношений. И это, как справедливо подчеркивает Л. М. Спирин, характеризует программные цели кадетов как прогрессивные по сравнению с самодержавным государством. Но одновременно по отношению к задачам, которые предстояло решить революции, цели их программы были реакционными, ибо затемняли сознание народа конституционными иллюзиями, отвлекая трудящихся от революционных методов борьбы [10].

Свою основную задачу кадеты видели не столько в положительной законодательной деятельности, сколько в борьбе против нового революционного взрыва. На партию народной свободы, не уставала вещать «Речь», «ложится вся тяжесть борьбы за думский парламентаризм и парламентарность против пережитков „революционных иллюзий"» [11].

На примере кадетской программы по рабочему вопросу, справедливо отмечает В. В. Шелохаев, достаточно ярко прослеживается нежелание даже идеологов буржуазного капиталистического накопления отказаться от привычных и доходных методов эксплуатации [12]. Кадеты мечтали о «новой» России, увещевали массы от «излишнего» максимализма, просили господствующие классы ради «социального мира» пойти на реформы. Но этого было мало. Нужны были практические дела. А на дела-то у кадетов был явный дефицит.

Причиной фальши кадетской рабочей программы являлось то, что они вписывали в нее, громогласно проповедовали такие положения, которые им не только не «импонировали», но осуществления которых на деле они просто боялись.

На словах, призывая правительство «перестать смотреть на рабочий вопрос как на какое-то пугало»[13], пропагандируя опыт развития рабочего законодательства в странах Западной Европы и США, кадеты тем не менее ничего фактически не сделали для реализации своих же программных требований. Характерно, что не только в I—IV Думах, но и после Февральской революции, когда кадеты превратились в правящую и правительственную партию буржуазии [14], они игнорировали необходимость решения рабочего вопроса. Состоявшийся 9—12 мая 1917 г. 8-й съезд партии кадетов,

пересматривавший ряд положений программы, рабочего вопроса даже не коснулся. «Наивно... думать,— откровенно проговорилась „Речь“,— что все лозунги, написанные на знаменах рабочих, могут быть проведены в жизнь...»[15]

Антидемократическая сущность кадетской программы по рабочему вопросу, таким образом, заключалась не столько в ограниченности и половинчатости тех требований, которые в ней выдвигались, а в том прежде всего, что эта программа предлагалась как альтернатива революции.

[1] Русская мысль, 1905. Кн. 5. С. 156.
[2] Там же. Кн. 11. С. 86.
[3] Речь. 1907. 26 апр.
[4] Русская мысль. 1906. Кн. 3. С. 180.
[5] Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905—1907 гг. СПб., 1907. С. XVIII.
[6] Народное дело. 1906. 9 марта.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 62.
[8] *Герценштейн М. Я.* Государственное страхование рабочих в Германии. М., 1905. С. 10.
[9] Речь. 1907. 11 апр.
[10] *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. Начало XX в. — 1920 г. М., 1977. С. 112.
[11] Речь. 1907. 16 янв.
[12] *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 97—99.
[13] Русская мысль. 1905. Кн. 2. С. 41.
[14] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 58.
[15] Речь. 1917. 30 марта.

О. И. ГОРЕЛОВ

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО И ЛИБЕРАЛЬНОГО ЛАГЕРЕЙ ПО ВОПРОСУ О ПРОФСОЮЗАХ В 1905—1914 гг.

В России за влияние на пролетариат боролись три политических лагеря: правительственный, либеральный и демократический, которые по-разному подходили к решению рабочего вопроса.

Основной целью политики царизма в отношении профсоюзов было недопущение их существования [1]. Это удавалось самодержавию вплоть до 1905 г. Мощный революционный взрыв, явочное возникновение профсоюзов заставили царское правительство перейти к более гибкой политике: патроналистской, с одной стороны, и карательной — с другой. Эта политика нашла свое выражение в законе 4 марта 1906 г. «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промыш-

ленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий». Закон предполагал «выяснение» и «согласование» экономических интересов рабочих, ограничивал сферу деятельности профессиональных обществ мирным разрешением противоречий с предпринимателями [2]. Правила запрещали «соединение двух или нескольких обществ в союз», ограничивали доступ посторонних лиц в рабочие профсоюзы. Вместе с тем правила ограничивали круг лиц, которым разрешалось объединение в профессиональное общество. Этого права были лишены железнодорожники, работники почт и телеграфа и др. Профессиональным обществам запрещалось заниматься политическими вопросами. Местная администрация наделялась широкими полномочиями в плане карательных мер против профсоюзов.

Разрешение на деятельность профессиональные общества получали только после утверждения (регистрации) устава в Особом по делам об обществах присутствии. Несоблюдение правил организации общества влекло за собой арест на срок до 3 месяцев или штраф до 300 руб. Если же общество преследует политические цели или опасно общественному спокойствию, подчеркивалось в правилах, то руководители его наказываются заключением в тюрьму сроком до года.

Царизм соглашался лишь на такие профсоюзы, которые должны были служить делу развращения рабочего класса идеями гармонии классовых интересов на почве существующего общественного строя. Все, что выходило за эти рамки, каралось. На этом кончалась патроналистская политика царя и начиналась политика карательная, политика удушения профсоюзов.

Стремились отвлечь рабочих от революционной борьбы и профсоюзного строительства и черносотенные партии, проповедовавшие, что рабочие должны бороться «с нуждой», а не с правительством, которое всегда будет на стороне трудящихся. С целью пропаганды этих идей черносотенцы устраивали лекции в Москве, других городах губернии [3]. Из числа профессиональных союзов Москвы известна только одна организация, созданная при участии черносотенцев,— общество взаимопомощи домашней прислуги [4], но влияние черносотенцев в союзе не было продолжительным. Стремление царизма превратить профсоюзы в похоронные кассы и общества взаимопомощи, превратить «могучего льва пролетарской экономической борьбы в обстриженного беззубого пуделя, которого бы можно с удобством и без опасности для хозяина водить на цепи»[5], закончилось крахом.

После третьеиюньского государственного переворота царизм усилил политику террора и насилия в отношении профсоюзов. Эта политика проводилась путем формального признания существования «Временных правил» и предоставления местной администрации широких полномочий в области борьбы с профсоюзным движением. За свои действия в отношении профсоюзов местная администрация не несла никакой ответственности и не была обязана отчитываться перед департаментом полиции [6].

В период 1907—1914 гг. правительственный лагерь не оставлял надежды создать союзы, которые создавали бы иллюзию возможности примирения интересов капиталистов и рабочих. Черносотенная газета «Россия» писала в 1912 г. о настоятельной необходимости создания таких рабочих организаций, в которые входили бы и капиталисты, ибо, «пока мы не удосужимся завести у себя христианские благонамеренные организации рабочих, как в Германии, мы, естественно, будем отдавать рабочих в руки социалистов» [7]. Но это оставалось только мечтой царизма, продолжавшего использовать в отношении профсоюзов тактику чуть прикрытого террора. Эта тактика оставалась основой политики царизма вплоть до 1914 г., когда после начала первой мировой войны с введением военного положения оказалось возможным применять против профсоюзов ничем не прикрытые формы массового насилия.

Страх перед новой революцией, стремление задушить профсоюзное движение толкали в лагерь самодержавия партию октябристов. Если черносотенцы прямо заявляли о своей поддержке царизма и призывали еще свирепее расправляться с профсоюзами, то октябристы, целиком разделяя цели царизма, были несколько обеспокоены методами, которыми он пытался этих целей достичь. Откровенно террористические действия царизма в отношении профсоюзов могли, по мнению октябристов, привести к революционному взрыву. В программе октябристов указывалось на необходимость пересмотреть рабочее законодательство, осуществить страхование рабочих, признать свободу стачек и союзов. Вместе с тем программа требовала принимать решительные меры против «принуждения» к вступлению в союз и против «насилий» со стороны стачечников [8].

Октябристы понимали, что остановить развитие профсоюзного движения уже невозможно [9]. В связи с этим они отмечали, что «единственно правильный путь лежит в признании этого явления и в отречении от попыток его искоренить», что закон 4 марта 1906 г. нужен для создания «внутреннего мира» между классами. А для этого октябристы призывали следовать европейским методам борьбы с профдвижением, использовать опыт тред-юнионизма. Они надеялись, что с помощью прирученных профсоюзов борьба между рабочим классом и капиталом станет «более планомерною», стачки все более будут заменяться «переговорами, соглашениями, третейскими судами» [10]. Более всего октябристов интересовал вопрос не о своем влиянии на профсоюзы, а об устранении влияния революционных партий в них. С этой целью они пропагандировали идею нейтральности профсоюзов [11].

Конкретных попыток предпринимателей насадить в рабочем движении Москвы и Центрального промышленного района «свои», «желтые» профсоюзы было немного, и они не имели успеха. В ноябре 1906 г. попытались создать «общество типо-литографских работников», в которое должны были входить хозяева московских типографий и рабочие, что закончилось неудачей [12]. Подобная же попытка была предпринята в марте 1907 г. известным московским

фабрикантом С. И. Четвериковым на его собственной Городищенской фабрике. Капиталист выступил в роли организатора общества и составил устав, закреплявший его консервативный характер. Эта авантюра была разоблачена органом Московского Центрального бюро профессиональных союзов журналом «Профессионал»[13].

Кадеты считали необходимым существование профессиональных союзов [14]. В этом они отражали интересы той части буржуазии, которая была более дальновидной и учитывала не только сиюминутные интересы. С трибуны Думы кадеты доказывали, что для государственного регулирования и смягчения борьбы труда с капиталом одним из самых действенных средств является проведение в жизнь начал свободы профессионального движения [15]. Программа кадетов предусматривала развитие профсоюзов по пути тред-юнионизма. Наиболее трезвомыслящие представители буржуазии понимали, что легализация стачечного движения является необходимым условием развития капитализма в России [16]. Примерно в этой же плоскости рассматривался ими вопрос о легализации профсоюзов.

Много внимания кадеты уделяли профсоюзам в период революции 1905—1907 гг. Кадетская газета «Речь» постоянно обращала внимание правительства на необходимость превращения профсоюзов в средство отрыва рабочих от революционной борьбы. Непрерывные расправы над профсоюзами, писала газета, опасны, ибо «грозят затормозить этот процесс». Идеалом для кадетов были профсоюзы, которые могли бы стать залогом «социального мира, то есть установления культурного взаимодействия между работодателями и рабочими»[17]. Кадеты стремились осуществлять практические шаги в деле подчинения своему влиянию профессионального движения. Их опорой в этом являлись либерально-политические союзы буржуазной интеллигенции, объединенные в «Союз союзов». Кадеты вынашивали план создания на базе пролетарских профсоюзов «рабочего союза», который они намерены были включить в «Союз союзов» и через него влиять на профессиональное движение. Что касается влияния социал-демократов в профсоюзном движении, то кадеты считали, что они слишком по-книжному понимают рабочее и профсоюзное движение, которое стоит гораздо выше самой социал-демократии. «Профессиональные рабочие организации,— отмечал П. Н. Милюков,— тотчас начинают опережать чисто партийную группировку, как только движение из интеллигентского становится действительно классовым» [18].

О стремлении увести профсоюзное движение в сторону от революционной борьбы говорят проекты законов партии кадетов. В избирательной платформе партии, принятой в октябре 1906 г., за рабочими союзами предусматривалось право на защиту экономических интересов, использование стачечных и безработных фондов, право на объединение союзов в федерации, независимость их от администрации. Союзы должны были возникать явочным порядком, без предварительного разрешения, закрываться только по

приговору суда, а не по усмотрению администрации. За убытки, вызванные стачками, союзы не должны были отвечать своим имуществом [19].

Кадеты, опираясь на практику западноевропейской буржуазии, требовали заключения рабочими профсоюзами коллективного договора с предпринимателями. Отстаивая его необходимость, кадеты преследовали цель «по возможности предотвратить часто возникающие стачки, рассчитывая на „благоразумие" руководящей верхушки профсоюзов, которая могла заключить „выгодное" для рабочих соглашение с предпринимателями». Кадеты также стремились перенести решение вопросов взаимоотношения предпринимателей и профсоюзов в специальные арбитражные органы (примирительные камеры, третейские суды, согласительные комиссии и т. д.). В самой идее создания примирительных камер и «заключалась возможность прямого и непосредственного сговора между капиталистами и профсоюзной верхушкой» [20]. Профсоюзы Москвы выступили с осуждением кадетского законопроекта о профсоюзах, написанного в целом в духе царского закона 4 марта 1906 г. [21]

Мало изменилась тактика кадетов и в период реакции. Основная цель осталась прежней: сделать профсоюзы «нейтральными» к политике, превратить их в орудие примирения классов, оторвать от социал-демократов, обезглавить их, увести от революционной борьбы. Кадеты были также обеспокоены слишком откровенным террором правительства против профсоюзов [22].

Смыкаясь с правыми и октябристами в конечной цели — обуздании революционных профсоюзов, кадеты отличались от них тем, что требовали делать это более гибко, выбирать наиболее целесообразные средства.

В ЦПР на либеральной основе стояли немногие союзы. В начале 1906 г. в Москве образовалось профессиональное общество шляпного дела, которое ставило своей основной задачей организацию различных видов взаимопомощи. В августе 1906 г. правление устроило ряд лекций кадета Ротта о профсоюзном движении. На одной из лекций рядовые члены союза пошли против линии своего правления и провалили оратора. Рабочими был поставлен вопрос о целесообразности существования отдельного от общества портных союза. Но объединение союза было задержано в связи с закрытием в начале марта 1907 г. общества портных. После его восстановления шляпники влились в профсоюз портных [23]. Подобных примеров усиления в некоторых союзах кадетского влияния очень немного.

Провалилась и единственная попытка кадетов организовать самим профессиональный союз в Москве. Выбрав объектом организации наименее сознательных рабочих винных заводов и складов, кадеты вели работу почти конспиративными средствами: не было ни агитации, ни собраний, а вся организационная работа была проведена группой (15 человек) из числа приверженцев партии на заводах Шустова и Смирнова. Уже после легализации союза было созвано первое массовое собрание, превращенное в

митинг, на котором критиковался доклад кадета А. В. Морковникова, выдвинувшего в качестве основной цели союза взаимопомощь, и тактика кадетов в целом. Рабочие решили воспользоваться утвержденным уставом для организации союза, но предварительно очистив его от кадетов [24].

Влияние кадетов на рабочих Москвы особенно упало после выборов во II Государственную думу, во время которых кадеты отказали рабочим в представительстве. В губерниях ЦПР некоторое влияние кадетов сохранялось в 1907 г. Так, кадеты распространяли свои листовки среди рабочих завода Зингера в Подольске, часть которых находилась под влиянием кадетов. С наступлением реакции в профсоюзах ЦПР не осталось практически никаких следов кадетского влияния.

Таким образом, ни правительственному, ни либеральному лагерю не удалось добиться серьезного влияния в профсоюзном движении ЦПР 1905—1914 гг.

[1] *Степанский А. Д.* Легальные рабочие организации и самодержавие накануне первой русской революции // Из истории рабочего движения в России периода империализма. М., 1980. С. 22.
[2] Законодательные акты переходного времени 1904—1908 гг. СПб., 1909. С. 279—287. Временные правила так и не были заменены постоянными и действовали вплоть до февраля 1917 г.
[3] Московские ведомости. 1906. 18 июня, 19 июля.
[4] Рабочий союз. 1906. 24 окт.
[5] Пролетарий, 1908. 10 мая.
[6] ЦГИА г. Москвы. Ф. 102. Оп. 100. Д. 119. Ч. 43. Л. 77.
[7] Россия. 1912. 15 апр.
[8] *Черменский Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 200.
[9] Промышленность и торговля. 1909. № 9. С. 527.
[10] Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 1. С. 957; Торгово-промышленная газета, 1906. 7 февр.
[11] *Лаверычев В. Я., Февралева В. Л.* Профсоюзное движение пролетариата и буржуазия в годы первой русской революции // Революция 1905—1907 годов в России и профсоюзы: К 70-летию первой русской буржуазно-демократической революции. Сб. статей. М., 1975. С. 90.
[12] *Ионов И. Н.* Московское рабочее движение во второй период первой русской революции: Дис. ...канд ист. наук. М., 1978. С. 55.
[13] Профессионал. 1907. 4 апр.
[14] *Милюков П.* Год борьбы: Публицистическая хроника 1905—1906 гг. СПб., 1907. С. 182.
[15] Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты. Сессия третья. Ч. 1. С. 997.
[16] Стачки: История и современность. М., 1978. С. 168; *Мадор Ю. П.* Стачка в буржуазном обществе. М., 1984. С. 280.
[17] Речь. 1907. 19 июля.
[18] *Милюков П.* Указ. соч. С. 168.
[19] Законодательные проекты и предположения партии народной свободы 1905—1907 гг. СПб., 1907. С. 340.
[20] *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 127, 128.
[21] Вестн. печатников. 1906. № 9. С. 2.
[22] Государственная дума. Третий созыв. Стеногр. отчеты. Сессия третья. Ч. 1. С. 977.
[23] *Глевицкая Е.* Разбуженные революцией: Из истории профсоюза швейников Москвы и Московской области (1905—1917 годы). М., 1959. С. 32.
[24] *Ионов И. Н.* Указ. соч. С. 53.

О. А. ХАРУСЬ

К ВОПРОСУ О КЛАССОВОМ СОСТАВЕ ОКТЯБРИСТСКИХ И КАДЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Характеристика классовой природы основных буржуазных партий в России — кадетской и октябристской — содержится в работах В. И. Ленина [1], которые служат методологической базой советской исторической литературы.

В годы первой российской революции отделы «Союза 17 октября» существовали в Омске, Томске и Красноярске. На позициях октябристов стоял тобольский отдел «партии центра». На основании анализа источников удалось установить, что в состав комитета омского отдела октябристской партии вошли: военный врач А. В. Соболевский (председатель), редактор газеты «Степь» ветеринар А. И. Касаткин, управляющий отделением Сибирского банка Подшивалов, управляющий отделением Волжско-Камского банка Двинянинов, купец Липатников, чиновник Сущинский, врач Пасальский, учитель гимназии Ивченко [2]. «Партия центра» в Тобольске объединила в своих рядах главным образом реакционно настроенных чиновников губернских учреждений типа ее лидеров — непременного члена губернского управления по крестьянским делам Шильдер-Шульднера и управляющего местным отделением Государственного банка Спасского [3]. Организатором и руководителем красноярского «Союза мира и порядка», принявшего в феврале 1906 г. программу «Союза 17 октября», являлся состоятельный священник А. Г. Смирнов (стоимость его недвижимого имущества, по оценке 1905 г., составляла 7660 руб.). В ряды «Союза» вступили представители духовенства, некоторые реакционные чиновники, несколько десятков торговцев и ремесленников [4].

В нашем распоряжении имеются данные, характеризующие состав томской организации в первый период ее существования — до происшедшего в ноябре 1906 г. раскола, когда группа лиц, тяготевших по своим политическим воззрениям к черносотенцам, вышла из состава октябристской партии и основала «Русское народное общество — за веру, царя и отечество» [5].

14 декабря 1905 г. на учредительном собрании томского отдела «Союза 17 октября» членами бюро были избраны 4 профессора университета, 2 врача, городской юрисконсульт, 3 чиновника, 3 служащих промышленных и торговых фирм и 4 купца (о 5 членах бюро сведений обнаружить не удалось). Обязанности председателя бюро временно были возложены на профессора Н. Н. Кащенко. 15 января 1906 г. в бюро дополнительно были избраны 12 пред-

ставителей интеллигенции (из которых 11 принадлежали к буржуазным слоям и лишь один мог быть отнесен к мелкобуржуазной интеллигенции), 2 служащих и купец [6]. Численность членов бюро возросла до 43 человек. Очевидно, столь значительный количественный состав руководства отдела объяснялся тем, что практически все действительные члены «Союза 17 октября», роль которых в организации не ограничивалась формальной принадлежностью к партии, вошли в бюро. Поэтому сведения о составе бюро в известной степени характеризуют и социальный состав организации в целом. В связи с этим представляется необходимым несколько детализировать данные о членах бюро томских октябристов.

Большинство членов бюро составили представители буржуазной интеллигенции, среди которых были, в частности, попечитель Западно-Сибирского учебного округа С. А. Лаврентьев и 12 профессоров, получавших жалованье в размере от 3 тыс. до 5 тыс. руб. в год, являвшихся домовладельцами или же проживавших в казенных квартирах [7]. Три служащих торговых и промышленных фирм, избранные в бюро, были непосредственно по роду своей служебной деятельности связаны с капиталистами. Буржуазия в бюро была представлена гильдейским купечеством, широко применявшим в своей практике методы первоначального накопления, а потому в силу заинтересованности в сохранении условий, обеспечивавших возможность использования этих методов, поддерживавшим октябристскую программу.

Помимо данных о руководстве, в нашем распоряжении имеются сведения о классовой принадлежности 74 рядовых членов томской октябристской организации, которая, по сообщению ее печатного органа газеты «Время», насчитывала в своих рядах около 300 человек [8]. Если учесть, что, вероятнее всего, численность членов отдела на страницах октябристской печати завышалась (поскольку к организации приписывались все посещавшие ее собрания) и в действительности составляла едва ли более 200 человек [9], то имеющиеся сведения можно признать достаточно репрезентативными.

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о том, что в ряды томской октябристской организации вступали главным образом лица из зажиточных буржуазных слоев населения. Предприниматели в организации были представлены купечеством 1-й и 2-й гильдий. Большинство буржуазной интеллигенции — 14 из 27 ее представителей, принадлежность которых к октябристской партии установлена,— составляли профессора вузов, получавшие солидное жалованье. Единственный член отдела, проходивший по делам организации как крестьянин, имел собственное торговое дело и по существу являлся представителем буржуазии. Совершенно очевидно, что состав томской октябристской организации не отличался демократичностью. Широкие массы трудящихся отказали «Союзу 17 октября» в поддержке, не разделяя его буржуазной по своей сути платформы.

Более многочисленными и активными по сравнению с октяб-

ТАБЛИЦА 1

Классовый состав томской октябристской организации *

	Члены организаций, классовая принадлежность которых установлена		Предприниматели		Буржуазная интеллигенция		Городская мелкая буржуазия		Крестьяне		Рабочие	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
Бюро	32	74,42	5	15,61	18	56,25	9	28,13	—	—	—	—
Организация в целом	74	24,7	15	20,27	27	36,49	27	36,49	1	1,35	4	5,4

* Составлено по: Сибирские известия. Томск, 1905. 16 дек.; Время. Томск, 1906. 17 янв., 6, 11 апр., 9 нояб.; 1907. 3, 9 янв., 20 февр., 14 апр., 23 сент.; Сибирские отголоски. Томск, 1906. 19 апр.

ристскими были кадетские организации. Информация о членах крупных губернских и городских отделов кадетской партии в Сибири нашла довольно полное отражение в источниках. В частности, по материалам периодической печати и архивных документов удалось установить личный состав омского, томского, красноярского и иркутского комитетов.

В омский комитет на организационном собрании были избраны 2 предпринимателя, 6 представителей интеллигенции и 1 представитель мелкой буржуазии. Возглавил комитет торговец и домовладелец П. Б. Ящеров [10].

Из 10 членов томского комитета кадетской партии 9 являлись представителями буржуазной интеллигенции. Председателем отдела первоначально являлся профессор технологического института В. А. Обручев, а с апреля 1906 г.— профессор университета Н. Н. Розин [11].

Состав комитета красноярской кадетской организации не оставался неизменным на протяжении изучаемого периода. В комитет первого состава вошли 8 представителей интеллигенции и 4 предпринимателя, из которых один был промышленником, двое — купцами 2-й гильдии и один — купцом 1-й гильдии, причем все три купца являлись и золотопромышленниками. 10 февраля 1906 г. состав комитета был изменен путем введения в комитет лидеров правого крыла организации. Членами комитета стали 5 предпринимателей и 10 представителей буржуазной интеллигенции [12].

В иркутский губернский комитет кадетской партии на собрании 17 мая 1906 г. были избраны 6 представителей интеллигенции и 1 купец (последний, правда, сразу же отказался от обязанностей члена комитета) [13].

Члены комитетов губернских и городских кадетских организаций были в основном весьма состоятельными. Интеллигенция была

представлена в комитетах получавшими солидное жалованье профессорами, инженерами, адвокатами, мировыми судьями; буржуазия — купцами 1-й и 2-й гильдий и крупными промышленниками.

Состав руководства уездных организаций, по-видимому, отличался несколько большей демократичностью по сравнению с составом руководства организаций губернских и областных центров, поскольку удельный вес крупной и средней буржуазии и буржуазной интеллигенции в уездных городах был относительно невелик и среди населения преобладала мелкая буржуазия. Подтверждением этого может служить, в частности, тот факт, что все без исключения члены временного комитета ачинского отдела кадетской партии являлись представителями мелкобуржуазных слоев [14].

Удалось установить классовую принадлежность 38 кадетов Тобольской губернии, 29 из 250 членов омской кадетской организации, 175 из приблизительно 600 членов томской организации, 81 из 339 красноярских кадетов, 34 членов иркутского отдела, насчитывавшего в своих рядах около 100 человек [15]. Признать эти данные достаточно полными, безусловно, нельзя. Однако, если учесть, что в документах жандармских управлений, которые главным образом и послужили источником для освещения классового состава местных отделов кадетской партии, фиксировались сведения о наиболее активных деятелях отделов, являвшихся действительными членами партии, в отличие от большинства других, числившихся в ней лишь формально, то эти данные все же можно принять за основу при воссоздании классового облика сибирских кадетских организаций (см. табл. 2).

Приведенные данные о классовом составе сибирских кадетских организаций и их комитетов не оставляют сомнений в том, что он определялся прежде всего принадлежностью к партии лиц из буржуазных слоев. Большинство членов организаций, как и в общероссийском масштабе, составляли представители буржуазной интеллигенции, мелкобуржуазных городских слоев и предприниматели.

Беднейшее крестьянство и рабочие в массе своей не поддерживали кадетскую партию. Кадеты вынуждены были представлять как крестьян тех членов своих организаций, которые фактически принадлежали к буржуазным слоям населения. Например, стоимость недвижимого имущества проходивших по спискам красноярской организации как крестьяне Е. И. Потехина и А. Г. Терскова составляла соответственно 4320 и 1310 руб. К тому же Е. И. Потехин был совладельцем золотых приисков в Алтайском горном округе и участвовал в их разработке [16].

Ярким свидетельством непопулярности кадетской партии среди рабочих являются результаты опроса, проведенного избирательным бюро красноярской организации РСДРП накануне выборов во II Думу в железнодорожных мастерских и депо. Из 166 опрошенных 155 высказались за кандидатуру социал-демократов, 6 — в поддержку «Союза русского народа», 3 — за эсеров и лишь 2 отдали свои голоса в пользу кадетов [17].

ТАБЛИЦА 2

*Классовый состав кадетских организаций Сибири в 1905—1907 гг.**

Регион, город	Численность организации	Члены организаций, классовая принадлежность которых установлена		Предприниматели	
		Человек	%	Человек	%
Тобольская губерния	—	38	—	7	18,42
Омск	250	29	11,6	6	20,69
Томск	600	175	29,16	7	4
Красноярск	339	81	24,4	13	16
Иркутск	100	34	34	9	26,5

Регион, город	Буржуазная интеллигенция		Городская мелкая буржуазия		Крестьяне		Рабочие	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%	Человек	%
Тобольская губерния	15	39,47	13	34,21	3	7,89	—	—
Омск	21	72,43	2	6,89	—	—	—	—
Томск	67	38,29	100	57,14	1	0,57	—	—
Красноярск	39	48,15	25	30,86	2	2,5	2	2,5
Иркутск	23	67,65	1	2,9	1	2,9	—	—

* Таблица составлена на основе материалов жандармских управлений, формулярных списков о службе отдельных лиц, списков гласных городских дум и избирателей в Государственные думы, ведомостей оценочных комиссий, хранящихся в следующих архивах: ГАТюмО, ГАОО, ГАТО, ГАКК, ГАИО, ЦГАОР СССР, ЦГИА СССР.

Таким образом, подчинить широкие слои трудящихся буржуазному влиянию сибирским кадетским организациям не удалось.

Анализ классового состава кадетских и октябристских организаций Сибири позволяет сделать вывод о единстве классовой основы местных отделов этих партий и самих партий в общероссийском масштабе, несмотря на специфику первых, которая заключалась в том, что вследствие фактически полного отсутствия в Сибири класса помещиков местные отделы были лишены поддержки одного из основных социальных элементов, вошедших в состав кадетской и октябристской партий в Европейской России.

Выявление исключительной роли представителей буржуазных кругов в сибирских кадетских и октябристских организациях проливает свет на их политические позиции и позволяет более четко представить расстановку сил в Сибири в период первой российской революции.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 286—287; Т. 14. С. 25, 205; и др.
[2] Сибирские вопросы. 1907. № 1. С. 98; Голос степи. Омск, 1907. 16 янв.
[3] *Копылов Д. И.* Тобольские крестьяне и Государственная дума в 1905—1907 гг. // Революция 1905—1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983. С. 78.
[4] Гос. архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 2. Д. 2806. Л. 11; Партийный архив Красноярского края (ПАКК). Ф. 64. Оп. 10. Д. 22. Л. 1.
[5] Время. Томск, 1906. 9 нояб.
[6] Сибирские известия. Томск, 1905. 16 дек.; Время. 1906. 17 янв.
[7] Гос. архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 9. Д. 78. Л. 118; Д. 93. Л. 104, 205; Д. 258. Л. 2.
[8] Время. 1906. 4, 22 февр.
[9] *Мосина И. Г.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 66.
[10] Там же. С. 77.
[11] Сибирская жизнь. Томск, 1905. 27 нояб.; ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 13.
[12] ПАКК. Ф. 64. Оп. 10. Д. 22. Л. 2—4.
[13] Сибирское обозрение. Иркутск, 1906. 19 мая.
[14] ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4104. Л. 11.
[15] Данные о численности местных кадетских организаций см.: *Мосина И. Г.* Указ. соч. С. 75; Гос. архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 601. Оп. 1. Д. 81. Л. 201; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1129а. Л. 26—27; Иртыш. Омск, 1906. 15 авг.; Степной пионер. Омск, 1906. 15 авг.; Сибирские отголоски. Томск, 1906. 4 июня; Сибирское обозрение. 1906. 13 мая.
[16] ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2806. Л. 172, 176; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1906 г. СПб., 1909. С. 88.
[17] ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1129. Л. 102.

И. В. НАРСКИЙ

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАДЕТОВ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. явилась мощным ускорителем развития российского либерализма. В годы революции буржуазия начинает «складываться в класс, в единую и сознательную политическую силу» [1]. Нарастание революционного движения заставило либеральную буржуазию поспешить с созданием своей партии, а вырванный у правительства революционными событиями царский манифест создал для этого благоприятные условия.

После Учредительного съезда кадетской партии, состоявшегося в середине октября 1905 г., ее местные отделы возникли во всех земских губерниях, в том числе и на Урале.

Их организаторами были участники съездов земцев-конституционалистов или же члены «освобожденческих» групп, связанные с организационным бюро партии. Именно через них в Оренбургской, Вятской, Пермской и Уфимской губерниях были получены приглашения на Учредительный съезд кадетской партии [2].

На Урале удалось выявить 27 кадетских организаций: 4 губернских, 1 областную, 16 уездных, 3 сельские и 3 заводские.

Временные комитеты кадетской партии возникли в Екатеринбурге, Оренбурге и Вятке к середине декабря 1905 г., в Перми — 29 января 1906 г. Окончательное же оформление кадетских организаций — проведение учредительных собраний и выборы постоянных комитетов — заняло еще значительное время. Так, первое собрание кадетов в Оренбурге состоялось 14 января, в Екатеринбурге — 23 января, а в Перми — 26 февраля 1906 г. Если в Екатеринбурге и Перми постоянные областной и губернский комитеты были избраны на первом собрании, то Вятский постоянный комитет — 8 января, а в Оренбурге конституирование бюро кадетской организации затянулось до 27 марта 1906 г. [3]

Создание кадетских отделов в уездах продолжалось до июля 1906 г. Возникновение большинства уездных организаций было вызвано необходимостью в спешном порядке принять участие в избирательной кампании в I Думу, о чем свидетельствует факт образования их основной части в феврале 1906 г.

Замедленное образование кадетских организаций было обусловлено рядом факторов. Сказались введение на Урале, начиная с конца 1905 г., усиленной и чрезвычайной охраны, обстановка арестов и обысков, поощрение со стороны властей деятельности черносотенных организаций — условия, достаточные для либерала, чтобы свернуть до минимума всякую политическую деятельность. Наконец, важную роль сыграла политическая недифференцированность местной буржуазии и либеральной интеллигенции. Это нашло выражение в попытке объединить отделы кадетской и октябристской партий в Оренбурге; в образовании в Перми в ноябре 1905 г. конституционно-либеральной партии, соединившей элементы кадетской и октябристской программ; в ходатайстве екатеринбургского купца Симанова перед ЦК о разрешении создать параллельно второй кадетский комитет [4].

Удалось выявить численность 14 кадетских организаций [5]. Самой крупной была оренбургская губернская, в которой в январе 1906 г. было 500 членов, значительно меньше были отделы в Перми (200 человек), екатеринбургская губернская организация в различные периоды насчитывала 170—300 членов, вятская — 100 человек. Данные о численности уфимской организации пока не обнаружены.

Весьма неодинаковой была численность уездных организаций. Причем этот диапазон колебаний был от 6 человек в верхнетурской организации до 500 человек в малмыжской, что свидетельствовало об отсутствии прямой зависимости численности организации от ее типа. В целом же установленный численный состав большинства уездных организаций соответствовал общероссийскому и в среднем колебался в пределах от 30 до 60 человек.

Анализ динамики численности шести организаций, несмотря на неполноту данных, позволяет предположить, что приток в партию шел наиболее интенсивно весной 1906 г., т. е. в период выборов

в I Думу. Так, в январе 1906 г. пермская организация насчитывала 25, в феврале — 88, в марте — 124, в апреле — 200 членов. Малмыжская уездная организация, объединявшая в феврале 1906 г. 70 человек, в марте выросла до 200, а в апреле — до 300 членов. Летом 1906 г. этот процесс, вероятно, прекратился, а во второй половине года началось быстрое сокращение численности кадетских отделов. На собраниях пермских кадетов в августе и сентябре присутствовали соответственно 40 и 30 членов, и проходили они «грустно, вяло и бесцветно» [6]. Сказались отказ правительства легализировать партию, запрещение чиновникам и служащим быть ее членами, враждебное отношение к ней со стороны местной администрации. Но главную роль сыграли ускорившаяся в ходе революции политическая дифференциация общества, выход из кадетской партии случайно оказавшихся в ней более правых и левых. Если первые считали ее революционной, то для левых к этому времени начала становиться очевидной ее контрреволюционная сущность и непоследовательность. «Кадетские победы на выборах вскружили было головы всем,— писал В. И. Ленин.— Кадетское поведение в Думе начинает уже ронять ореол кадетов. Соглашатели старой власти с новой свободой теряют и неизбежно будут терять в глазах народа свой блеск по мере того, как надвигается борьба за полную власть народа для обеспечения действительной свободы народа» [7].

Какова же была численность кадетов на Урале? На апрель 1906 г., когда количественный состав кадетов был максимальным, известна численность девяти городских организаций, одной заводской и одной сельской. Она составляла 1828 человек. Используем для остальных организаций метод экстраполяции, взяв для Уфы минимальное количество кадетов в уральском губернском городе — 100 человек, а для остальных — среднюю численность уездной кадетской организации в европейской части России — 45 членов. В итоге получаем ориентировочное количество кадетов на Урале в 2648 человек. Однако общая численность уральских кадетов была, скорее всего, несколько выше — около 3 тыс., так как уральские уездные организации в целом насчитывали несколько более 45 человек, а слабая связь между отделами позволяет предположить, что на нынешнем этапе исследования известны не все существовавшие местные организации кадетов. Следовательно, численность уральских кадетов превышала количество кадетов в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии [8]. Количественный состав кадетов в Пермской губернии был даже значительно выше, чем в губерниях европейской части России.

Руководители кадетской партии на Урале предприняли попытку создания стройной и централизованной в рамках каждой губернии организации. Отделы стояли в основном на уставных позициях. Вместе с тем были предприняты поиски путей совершенствования организационной деятельности.

Так, многообразие функций комитетов приводило к выделению в них секций и комиссий. В екатеринбургском комитете были созда-

ны 4 секции — организационная, выборная, агитаторская, финансовая, а 1 июня 1906 г. к ним добавились 3 комиссии — по аграрному, рабочему вопросам и по вопросу о городском хозяйстве. Председатель комитета, товарищ председателя, секретари комитета и секций составляли бюро, которое созывало комитет по мере надобности.

В вятском комитете в апреле 1906 г. были выделены аграрная, агитационная и газетная комиссии, при нем действовали политический клуб и образованное в октябре 1906 г. консультационное бюро по делам о выборах во II Думу [9].

Своеобразную структуру имела кадетская организация в Пермской губернии. Здесь наряду с пермским губернским комитетом был создан областной в Екатеринбурге, между ними осуществлялось разделение труда по территориальному признаку [10].

Однако создать слаженно функционирующую организацию с высоким уровнем дисциплины и прочными внешними связями уральским кадетам так и не удалось. Запись в партию всех желающих приводила к возникновению раздутых и аморфных организаций. В каждой из них действовало относительно активное ядро, которое было окружено рыхлой массой рядовых членов — пассивных, инертных и аполитичных. Так, из 117 человек, значившихся членами екатеринбургской кадетской организации и подвергнутых допросу осенью 1907 г., 17 не присутствовали ни на одном собрании, 16 были на одном или двух, 25 человек не признали себя членами партии, бóльшая часть не уплачивала членских взносов и не имела членских билетов [11].

В крайне запущенном состоянии оказались финансовые дела кадетских отделов. В сборе членских взносов не было единообразия, отклонения от уставных требований здесь были наибольшими [12]. Несмотря на решение 4-го съезда увеличить членский взнос в 2 раза в целях выправления финансового положения, можно предположить, что происходил процесс сокращения размера взноса, что было вызвано, с одной стороны, стремлением привлечь в партию демократические слои населения, а с другой — трудностями со сбором взносов вследствие недисциплинированности. «Членские взносы поступают туго, а то и вовсе не поступают»,— констатировал председатель пермского комитета [13].

Ограниченные возможности устройства платных лекций, сокращение числа подписчиков на местную кадетскую прессу, запрещение издавать брошюры кадетского направления привели к тому, что основным источником пополнения партийной кассы стали пожертвования наиболее состоятельных членов. Нестабильность этого источника в связи с выходом из партии значительного их числа осложняла проблему обеспечения партийных нужд финансами.

Сложное положение сложилось для кадетских отделов и в других организационных вопросах. Несмотря на стремление кадетов созвать губернские съезды, все эти попытки провалились из-за запретов администрации.

Комитеты и бюро работали бессистемно, члены комитетов посе-

щали заседания нерегулярно. По свидетельству члена екатеринбургского комитета В. Н. Мамина, комитет собирался на заседания довольно часто до лета 1906 г., особенно в марте, в период городских выборов в губернское избирательное собрание, затем заседания комитета проходили все реже, а сам Мамин летом — осенью 1906 г. на заседаниях почти не бывал [14]. Комиссии собирались редко, а некоторые — ни разу [15]. Комитеты не переизбирались, и состав их пополнялся с помощью кооптации.

Показателем перепадов в интенсивности организационной деятельности местных отделов кадетской партии является динамика проведения партийных собраний, которых в уральской прессе зафиксировано около 60, включая предвыборные, устраиваемые кадетами для беспартийных избирателей. Анализ этих далеко не полных данных показывает, что наиболее оживленной жизнь кадетских организаций была в январе — апреле 1906 г.— в период избирательной кампании в I Думу. По 3 собрания провели в марте екатеринбургские кадеты, в апреле — оренбургские и пермские, в Шадринске в феврале прошло 6 кадетских собраний. Всего к январю — апрелю 1906 г. относится более половины всех известных собраний кадетов, проведенных в течение революции.

Запрещение легальной деятельности оказалось для кадетов решающим фактором, определившим свертывание работы. С августа 1906 г. до июня 1907 г. известно всего 7 собраний. С мая 1906 г. до конца революции не состоялось ни одного кадетского собрания в Вятке, с июля — в Екатеринбурге и Перми. Не внесла оживление в деятельность местных отделов и предвыборная кампания во II Думу. Проведение собраний не разрешалось, а, по признанию одного из руководителей пермской организации, «если и разрешат, то никто на собрание не явится» [16]. В условиях отказа властей в регистрации кадетской партии кадеты вынуждены были обходить запрещение легальной деятельности, выбросив флаг беспартийности. В результате, как сообщалось в «Пермских губернских ведомостях» от 13 января 1907 г., местная группа «если и работает, то... втихомолку, и о деятельности ее слышно очень мало». Такое затухание деятельности кадетов на собственно партийной почве наблюдалось повсеместно.

Не увенчались успехом попытки губернских комитетов наладить связи с уездными и сельскими организациями. Местная администрация усиленно охраняла деревню от проникновения туда кадетского влияния. Вследствие этого, как констатировали кадетские руководители, «связей даже с уездными городами сколько-нибудь прочно и правильно не удалось образовать, с сельским же населением тем более» [17]. Даже регулярное поступление литературы кадетского направления в уезды не было организовано губернскими комитетами, о чем свидетельствует содержание писем и телеграмм в ЦК из уездов [18].

Разлад в деятельности кадетских организаций Урала усугублялся нестабильностью связей с центральными органами партии. Анализ переписки местных отделов с ЦК показывает, что первые

месяцы 1906 г. были периодом наиболее оживленных контактов с центром. Из сохранившихся в фонде ЦК кадетской партии 84 писем и телеграмм от уральских кадетов в декабре 1905 — апреле 1906 г. в ЦК поступило 52 письма и телеграммы, в то время как в первые пять месяцев 1907 г.— всего одно письмо. Наиболее интенсивная переписка относится к марту 1906 г., что объясняется активным организационным строительством и выборами в I Думу. В этом месяце екатеринбургские кадеты отправили в ЦК 10 писем из 23, посланных за годы революции, челябинские — 6 из 9. Позднее связи местных организаций с ЦК ослабли, что отражало общую тенденцию к свертыванию деятельности.

Сокращение численности уральских кадетов, слабость организационной деятельности явились следствием типичного для либеральной буржуазии страха перед нелегальной работой, которая была единственно возможной в условиях чрезвычайного положения, введенного на Урале. Поэтому период активной деятельности местных кадетов оказался кратковременным, охватывая лишь первые месяцы 1906 г. Это создало парадоксальную ситуацию: организационно рыхлая, неготовая к серьезной политической борьбе революционной поры кадетская партия на Урале не успела полностью разоблачить себя в глазах масс. Перед уральскими большевиками и в последующее время стояла важная задача разоблачения контрреволюционной сущности кадетов.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 125.

[2] Отчет ЦК конституционно-демократической партии за 2 года. СПб., 1907. С. 16—17.

[3] ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 199. Л. 5; Д. 311. Л. 11; Д. 312. Л. 14; Голос Оренбурга. 1906. 31 марта; Пермские губернские ведомости. 1906. 3 марта.

[4] ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 311. Л. 9; Д. 312. Л. 4, 15.

[5] Гос. архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 523. Оп. 1. Д. 115. Л. 1; Д. 128[а]. Л. 1—5; Д. 199. Л. 1—13; Д. 140. Л. 2; Д. 142. Л. 1—2; Д. 199. Л. 4; Д. 200. Л. 1—8; Д. 201. Л. 1—4; Д. 299. Л. 1; Д. 300. Л. 1; Д. 301. Л. 1—9; Д. 311. Л. 1—28; Д. 312. Л. 2—26; Д. 313. Л. 1—4; Д. 314. Л. 1; Д. 315. Л. 1; Д. 406. Л. 12—21; Ф. 563. Оп. 1. Д. 20. Л. 1; Д. 26[а]. Л. 1; Д. 39. Л. 1; Ф. 180; Камский край. 1906. 3, 31 авг., 30 нояб.; Оренбургская газета, 1905. 21 дек.; 1906. 29 марта, 30 июня; Оренбургский край. 1906. 7, 19 апр., 29 июня; Оренбургский листок. 1906. 13 янв.; Пермские губернские ведомости. 1906. 7 марта, 6 июля, 5 сент.; Пермский край. 1906. 6 апр., 16 мая; Прикамский край. 1906. 1 июля; Урал. 1906. 9, 24 марта; Уральская жизнь. 1906. 3, 31 марта; Уральский край. 1906. 31 янв., 9, 13 июня, 9, 12 июля.

[6] Камский край. 1906. 3, 31 авг.; Пермские губернские ведомости. 1906. 5 сент.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 69.

[8] *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 62.

[9] ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 199. Л. 5; ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 627. Л. 38; Вятская жизнь. 1906. 9 апр., 27 июня, 31 окт.; Урал. 1906. 6 июня.

[10] Пермский край. 1906. 30 апр.

[11] ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 626. Л. 4—244.

[12] Там же. Л. 16, 17, 20, 103; Вятская жизнь. 1906. 24 дек.; 1906. 29 янв., 9 апр.; Уральская жизнь. 1906. 10 марта.

[13] Пермские губернские ведомости. 1906. 5 сент.

[14] ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 629. Л. 48.

[15] Там же. Л. 126.
[16] ЦГАОР СССР. Ф. 523. Оп. 1. Д. 311. Л. 6.
[17] Там же. Л. 15.
[18] Там же. Д. 199. Л. 1—2; Д. 201. Л. 1; Д. 301. Л. 1, 7.

Е. И. ЧАПКЕВИЧ

ОТНОШЕНИЕ КАДЕТОВ К ПЕРВЫМ БУРЖУАЗНЫМ РЕВОЛЮЦИЯМ В АЗИИ 1905—1913 гг.

Буржуазные революции в Иране, Турции, Китае, развернувшиеся под прямым воздействием первой российской революции, вызвали пристальное внимание всех политических сил России. Буржуазно-помещичьи партии были серьезно обеспокоены тем, что революционное движение на Востоке нанесет удар по внешнеполитическим планам царизма в сопредельных с Россией странах, осложнит международную обстановку в условиях неподготовленности к войне и даст толчок новому подъему классовой борьбы на национальных окраинах. Поэтому отношение к азиатским буржуазным революциям было тесно связано с борьбой по вопросам внешней политики. Естественно, что партия кадетов, выступавшая за проведение активной политики России на Ближнем Востоке и за урегулирование англо-русских противоречий в Иране, не могла не откликнуться на происходящие на Востоке события.

Кроме того, главная партия русской либеральной буржуазии имела много общего с либералами в азиатских странах, которым в ходе революций удалось добиться свержения абсолютизма и установления конституционных режимов, чего тщетно добивались кадеты в России. И, наконец, умеренный буржуазный характер азиатских революций, в ходе которых народные массы не выступили со своими самостоятельными классовыми требованиями, отсутствие на Востоке острой классовой борьбы, присущей революции 1905—1907 гг., побуждали кадетов сравнивать последнюю с происходящими в соседних с Россией странах событиями и делать соответствующие выводы. Все эти обстоятельства и обусловили интерес кадетов к первым буржуазным революциям в Азии, о чем свидетельствуют их многочисленные статьи в «Речи», «Русских ведомостях», «Русской мысли», «Вестнике Европы» и в других органах.

Стремясь осмыслить сущность происходящих на Востоке событий, кадетская публицистика пыталась выяснить вызвавшие их причины. Однако она игнорировала социально-экономические предпосылки азиатских революций, не понимала объективных

задач, стоявших перед ними, и рассматривала их как чисто реформистское движение. Главную причину всех революций Востока кадеты видели в режиме абсолютизма, который оценивали как надклассовое явление. Исходя из этого, их основную задачу они сводили только к необходимости его сокрушения и к установлению конституционно-правового порядка. При этом кадетские публицисты выхолащивали социальное содержание первых буржуазных революций в Азии и не замечали того, что они порождены развитием капиталистического уклада и призваны создать благоприятные условия его дальнейшему прогрессу. Все это вело к тому, что кадеты не улавливали объективной антифеодальной и антиимпериалистической направленности процесса «пробуждения Азии».

Установление конституционного строя в странх Востока, умеренная внуренняя политика либералов вполне соответствовали кадетским идеалам реформистского преобразования общества. Поэтому кадеты рассматривали азиатские революции как прогрессивное явление и заявляли о своих симпатиях по отношению к ним. Но как только в ходе революционного движения намечалась тенденция к его углублению, как только усиливалась классовая борьба народных масс, они сразу же выступали с осуждением происходящих на Востоке событий. Особое их раздражение вызывали азиатские революции в связи с тем, что они угрожали подорвать влияние России в сопредельных странах. И тогда российские либералы даже не воздерживались от открытых угроз по адресу революционных сил и призывали своих собратьев по классу к обузданию выступлений народных масс.

Особый интерес партия кадетов проявила к младотурецкой революции. Он объясняется тем, что в начале XX в. Ближний Восток представлял основной узел системы международных отношений, куда после поражения в русско-японской войне переместился центр тяжести внешней политики России. Русская либеральная буржуазия боялась, что обновление Турции может похоронить ее планы укрепления позиций России на Балканах и открытия для военно-морского флота проливов путем различных дипломатических комбинаций, сформулированных в программной статье П. Б. Струве «Великая Россия». К тому же кадетам импонировали действия младотурок, не допустивших развертывания борьбы народных масс и сумевших в то же время воспользоваться их поддержкой для овладения механизмом политической власти в ходе почти бескровной революции. Недаром после начала революции в Турции на берегах Босфора появились П. Н. Милюков, А. А. Стахович и близкий к кадетским кругам Г. Н. Трубецкой. Кроме них, события младотурецкой революции освещали в кадетской печати специально командированные корреспонденты Л. Неманов и А. С. Белевский (Белоруссов), а также видные партийные публицисты П. Б. Струве, С. А. Котляревский, А. Н. Брянчанинов.

Общаясь с младотурецкими лидерами, наблюдая за ходом событий в Турции, кадеты попытались дать ответ, почему турецким

либералам удалось добиться того, чего не удалось им в революции 1905—1907 гг. Верхушечный характер революции в Турции вызывал восхищение у кадетов, побуждал сравнить ее с событиями в России. Саратовский кадет П. А. Медведев писал по этому поводу: «Быстролетный переход от крайней деспотии к конституции на европейский лад поверг нас в изумление и, нечего греха таить, поселил зависть» [1]. П. Н. Милюков видел залог успеха младотурецкой революции в том, что она в отличие от революции 1905—1907 гг. не знала накала классовой борьбы и ограничилась проведением серии политических реформ. «Вы счастливы, что при несложности ваших отношений все еще можете отделить политическую реформу от социальной,— говорил он младотурецким лидерам.— Мы несчастливы тем, что у нас отделить эти реформы невозможно» [2]. Расхваливая умеренную внутреннюю политику младотурок, не допустивших обострения классовой борьбы, кадеты объявляли их своими способными учениками, которые якобы сумели извлечь для себя необходимые уроки из революции 1905—1907 гг. С чувством удовлетворения они отмечали, что младотурки заняли более правые позиции, нежели кадетская партия. «Мы не боимся впасть в преувеличение,— писал С. А. Котляревский,— утверждая, что именно мы, именно наши печальные, но в свое время неизбежные, может быть, заблуждения послужили для руководителей турецкого освободительного движения путеводной нитью, придающей такую мудрую уверенность и осторожность всем их действиям» [3]. Одобряя политику младотурок в области аграрного и рабочего вопросов, отличавшуюся ярко выраженным консерватизмом, кадеты в то же время критиковали их позицию по национальному вопросу.

По их мнению, унитаризм и централизм младотурок мог стать причиной межнациональной борьбы в Османской империи, способной повлечь за собой вмешательство великих держав. При этом кадеты были обеспокоены не возможной интервенцией против революции, а обострением международной обстановки на Ближнем Востоке в связи с такой акцией в условиях, когда Россия была не готова к ведению военных действий. Стремясь не допустить повода для возникновения взрывоопасной ситуации, П. Н. Милюков и другие кадеты советовали младотуркам проявить бо́льшую терпимость к нетурецким народностям и предоставить им автономию. За этим скрывалась не забота о судьбе балканских славян, а намерение использовать создавшееся в результате революции положение для укрепления позиций России на Балканах. Лицемерие кадетской позиции было очевидным, если учесть осуждение ими выступлений народных масс в Османской империи, в том числе и борьбу нетурецких народностей за независимость.

Помимо умеренности младотурецкой революции, кадеты с чувством удовлетворения воспринимали и то, что она подорвала позиции Германии и Австро-Венгрии на Ближнем Востоке. Убедившись в том, что революция в Турции не угрожает интересам России, кадеты стали призывать правительство использовать вы-

годную конъюнктуру для завоевания турецкого рынка и сблизиться с новым режимом для того, чтобы получить его поддержку на международной конференции по пересмотру статуса проливов. Еще до появления в августе 1908 г. циркулярного письма Извольского русским послам за границей, в котором провозглашалась политика нейтралитета России относительно младотурецкой революции, кадеты настаивали на сближении с обновленной Турцией. Во имя этого они рекомендовали правительству пойти даже на отмену режима капитуляций, выгоды от которых получали только западные державы. В интересах улучшения отношений с новым турецким правительством кадетская партия настаивала в печати на проведении гибкой внешней политики на Ближнем Востоке и во имя этого предлагала заменить русского посла в Константинополе И. А. Зиновьева более способным дипломатом, который бы мог завоевать симпатии в младотурецких кругах.

Лицемерие политики кадетов относительно младотурецкой революции особенно проявилось в период Боснийского кризиса. Критикуя Извольского за то, что он позволил обмануть себя Эренталю, в результате чего Австро-Венгрия произвела аннексию Боснии и Герцеговины, кадеты ни словом не обмолвились, что эта акция означала торг двух министров за счет интересов обновленной Турции и в действительности являлась нарушением ее суверенитета. Их раздражение было вызвано тем, что, допустив присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии, министр иностранных дел так и не сумел добиться для России права беспрепятственного прохода ее военных кораблей через проливы.

В целом же позиция кадетов по отношению к революции в Турции мало чем отличалась от позиции царского правительства, разделяемой умеренно правыми и октябристами. Разница заключалась лишь в том, что кадеты, стремясь получить поддержку общественного мнения России, более умело маскировали свои цели и настаивали на более гибких методах политики царского правительства на Ближнем Востоке. За хвалебными речами и выступлениями в печати кадетов по адресу «государственной мудрости» младотурок скрывалось стремление завоевать для русской буржуазии новые рынки сбыта.

Столь же лицемерный характер носила и позиция кадетов в отношении иранской революции. Они приветствовали победу конституционного строя в Иране и считали, что новый порядок создает благоприятные условия для размещения здесь дополнительных русских займов. Сразу же после подписания англо-русского соглашения по Ирану кадетская печать стала призывать использовать его для совместной с Англией экономической экспансии. Эта точка зрения была наиболее четко сформулирована в серии статей А. Н. Брянчанинова [4]. «Основная же задача русской дипломатии в Персии,— писал он,— сводится теперь к тому, чтобы использовать свое облегченное договорами преимущественное положение в финансовом отношении и найти, пользуясь англо-французским дружественным капиталом, ту форму экономической помощи пустой

персидской казне, без которой Персия неминуемо впадает в полное государственное банкротство и анархию, для нас крайне невыгодные...»[5] Стремясь к еще большему проникновению на иранский рынок русских товаров и капиталов в условиях разграничения сфер влияния с Англией, к недопущению туда Германии, кадеты советовали царскому правительству сменить ориентацию в Иране с шаха на правительство либералов, тем более что с ними активно сотрудничала английская дипломатия. Для них политика России в Иране должна была стать полем демонстрации англо-русского сближения и укрепления Антанты. Во имя этого они сразу же после подписания соглашения стали призывать к проведению в Иране согласованной с Англией политики, с тем чтобы не допустить углубления революции. Подчеркивая одиозность политики Мохаммеда Али-шаха, кадеты призывали царизм взять курс на сотрудничество с либералами, видя в их лице единственную в Иране политическую силу, способную покончить с выступлениями народных масс.

Кадетов особенно пугали антиимпериалистические проявления борьбы народных масс на севере Ирана, находившегося в русской сфере влияния. Уже в ноябре 1907 г. передовая статья газеты «Речь» подчеркивала, что «патриотическое возбуждение населения вызывает опасность столкновения с иностранцами, живущими в Персии, а следовательно, и опасность иностранного вмешательства»[6]. В этой же статье указывалось, что «усиление анархии может дискредитировать новое движение в глазах европейских держав и тем побудить их оказать поддержку старому правительству»[7]. Однако интервенции против иранской революции кадеты в это время не хотели. Они прекрасно понимали, что посылка царских войск в Иран может, во-первых, дать толчок новому подъему революционного движения в России, во-вторых, поссорить русскую дипломатию с английской, в-третьих, дать повод иранским либералам обратиться за помощью к Германии, которая готова была использовать панисламизм для укрепления своего влияния на Востоке[8]. В принципе не возражая против вмешательства царского правительства во внутренние дела Ирана, кадеты в то же время настаивали на проведении на Среднем Востоке более гибкой политики. Именно поэтому их раздражала прямолинейность русского посланника Н. Г. Гартвига, не считавшего нужным скрывать своей неприязни к иранским либералам и открыто поддержавшего Мохаммеда Али-шаха. Начиная с середины 1907 г., они настойчиво требовали его отставки, и в конечном итоге их голос был услышан: Гартвиг был заменен рьяным сторонником Антанты С. А. Поклевским-Козелл.

Требование кадетами осторожной и сбалансированной политики в Иране особенно усилилось в связи с той ролью, какую сыграли полковник Ляхов и другие русские офицеры, состоявшие на службе у шаха, в осуществлении контрреволюционного переворота 23 июня 1908 г. Критика их действий была вызвана боязнью, что упразднение конституции может привести не к успокоению

страны, а к дальнейшей активизации движения народных масс и вызвать протест из Лондона, где очень ревниво следили за политикой царского правительства в Иране. С. А. Котляревский писал по поводу этих событий: «Ведь дело идет о нашем влиянии в Персии, которое может быть легко скомпрометировано, если гг. Ляховы, хотя бы косвенно, будут подавать повод думать, что они представляют Россию» [9]. Однако у кадетов не хватило смелости заявить, что ответственность за действия Ляхова должно нести царское правительство. И когда социал-демократическая фракция в III Думе внесла запрос об участии русских офицеров в организации контрреволюционного переворота, они предпочли отмолчаться. Лишь А. Н. Брянчанинов в одной из своих статей в робкой форме заявил о безответственной политике Министерства иностранных дел и рекомендовал поскорее отозвать из Ирана русских офицеров [10].

Не скрывая своей враждебности к последовавшему после контрреволюционного переворота тебризскому восстанию, в котором активно участвовали народные массы, кадеты в то же время выступали против организации интервенции. Но они были обеспокоены не нарушением суверенитета иранского народа, а возможной реакцией на этот шаг со стороны Англии. «Судя по последним заявлениям английских газет,— предупреждала „Речь",— на карту поставлена вся англо-русская дружба, а если карта будет бита, то будет проиграна и ставка» [11]. Вместо интервенции кадеты советовали царскому правительству бороться за достижение компромисса между шахом и либералами путем согласия шаха на восстановление конституции. Так как этой же точки зрения придерживалась и британская дипломатия, то, по мнению кадетов, совместные действия России и Англии могли бы привести к укреплению англо-русских отношений.

Против интервенции в 1908—1909 гг. кадеты выступали еще и потому, что им не нравилось отвлечение внимания царской дипломатии в период Боснийского кризиса от дел на Ближнем Востоке. В редакционной статье газеты «Речь», автором которой, по всей вероятности, был П. Н. Милюков, говорилось: «Еще и еще раз повторяем: нам нельзя завязывать наши силы в Тавризе, когда все наше внимание должно быть обращено на Босфор» [12]. Однако когда ввод царских войск в Тебриз в апреле 1909 г. произошел, у кадетов, которые провозглашали себя защитниками демократии в России и на Востоке, не нашлось слов для осуждения этой акции. Ни один из кадетских депутатов Думы не выступил с ее трибуны с разоблачением политики царизма. В лучшем случае в кадетской печати в отдельных статьях подвергались критике наиболее грубые методы царской политики, но не ее контрреволюционная сущность, направленная на удушение свободы иранского народа.

После низложения в июле 1909 г. Мохаммеда Али-шаха кадеты еще с большей активностью стали доказывать целесообразность поддержки царизмом правительства иранских либералов. Но одно-

временно их, как и другие отряды русской буржуазии, пугало падение торгового оборота России в Иране, а также попытки усиления здесь германской экономической экспансии. Просочившиеся в печать слухи о якобы предстоящем займе иранского правительства у германских банков вызвали в кадетской печати бурю негодования. По мере того как кадеты убеждались, что иранские либералы не в состоянии справиться с революцией и что они стали на путь заигрывания с германским империализмом, их симпатии к ним ослабевали. Осенью 1911 г. кадеты пришли к выводу, что либералы полностью дискредитировали себя как политическая сила, способная подавить движение народных масс. В редакционной статье газеты «Русские ведомости» подчеркивалось, что «бессильное теперь персидское правительство и после победы будет бессильным» [13].

Все эти обстоятельства способствовали эволюции позиции кадетов и их переходу к поддержке подготовки нового вмешательства царизма во внутренние дела Ирана. Единственное, что их сдерживало, — беспокойство по поводу возможной реакции Англии. Но убедившись, что она сама ввела войска на юг Ирана и не будет возражать против аналогичной меры царизма на севере, прекрасно понимая, что британская дипломатия так же, как и русская, проявляет недовольство деятельностью М. Шустера, осуществлявшего контроль над иранскими финансами, кадеты стали ратовать за восстановление прав России в своей сфере влияния, даже если для этого придется прибегнуть к вооруженной силе. 17 ноября 1911 г. газета «Речь» прямо заявила, что ввод войск в Тебриз полностью соответствует духу англо-русского соглашения. Различие позиций кадетов от правительственной относительно политики в Иране на заключительном этапе революции заключалось лишь в том, что партия русской либеральной буржуазии и здесь хотела не раздражать мирового общественного мнения и пыталась прикрыть демагогическими лицемерными заявлениями в печати вмешательство царизма во внутренние дела Ирана. Эта тактическая линия нашла наглядное проявление и в думской речи П. Н. Милюкова, который, полемизируя с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, не отмежевался от его политики, но подчеркнул, что она должна носить «более осторожный характер, чтобы не раздражать мировой общественности» [14].

Преисполнена была лицемерием и позиция кадетской партии относительно Синьхайской революции в Китае. К китайскому освободительному движению кадеты начали проявлять интерес еще в 1907—1908 гг. Однако они не сумели понять, что Китай в то время переживал состояние революционной ситуации, и поэтому начало Синьхайской революции явилось для них неожиданностью. Лишь спустя несколько недель после начала восстания в Учане кадеты поняли, что в Китае происходят события, отличающиеся своим масштабом и глубиной от предшествующих многочисленных бунтов и восстаний. В ноябре 1911 г. корреспондент газеты «Русские ведомости» писал по поводу начавшейся

революции: «Все почувствовали, что на сцену выступили совершенно новые для Китая деятели, способные не только разрушать, но и созидать. Революция сразу приобрела огромный моральный вес в глазах всех, завоевала к себе симпатии и доверие не только в массе китайского населения, но и среди европейцев» [15]. Говоря о симпатиях к революции в Китае, кадеты имели в виду политику китайских либералов, так как их программные установки и тактика имели много общего с их собственной платформой.

Рассматривая идейные и тактические позиции китайских либералов, кадеты обращались и к анализу платформы Сунь Ятсена. Однако ни П. Н. Милюков, ни другие кадетские публицисты, писавшие о событиях в Китае, не видели принципиального различия его позиции и позиции либералов. Его мировоззрение они рассматривали как симбиоз западных политических и социальных доктрин с традиционным конфуцианством. Боевой демократизм программы Сунь Ятсена, его стремление не только к политическому, но и к социальному обновлению Китая, его революционная тактика борьбы игнорировались кадетами, а значение практической деятельности принижалось.

Несмотря на явный интерес к идеологии и тактике китайских либералов, кадеты уделяли Синьхайской революции гораздо меньше внимания, чем революциям в Турции и Иране. Объясняется это тем, что революция в Китае произошла в 1911—1913 гг., т. е. тогда, когда основное внимание русской внешней политики было приковано к Балканам. Дальневосточный театр в планах русской внешней политики имел второстепенное значение.

Кадеты полностью одобряли правительственную политику на Дальнем Востоке в связи с Синьхайской революцией, которая преследовала цели получения гарантий от республиканского правительства Китая, соблюдения договора о КВЖД и русских интересов в Северной Маньчжурии, а также признания автономии Внешней Монголии. С. А. Котляревский и Г. Н. Трубецкой, выступившие с рядом статей о внешней политике России на Дальнем Востоке, призывали придерживаться выжидательного образа действий относительно Синьхайской революции и не поддаваться на требования правых и октябристов присоединить Внешнюю Монголию к России [16]. Такой же позиции придерживался П. Н. Милюков, полностью одобривший правительственный курс нейтралитета по отношению к происходящим в Китае событиям. Однако кадеты, так же как и правительственные круги России, были заинтересованы в прекращении Синьхайской революции и в установлении в Китае твердой власти, с которой можно было бы вести переговоры о правах в Северной Маньчжурии, об автономии Внешней Монголии и т. д. Сильную личность, способную осуществить это, они видели в лице Юань Шикая и считали, что царское правительство должно вступить в международный финансовый консорциум и вместе с другими державами оказать ему помощь в «успокоении» Китая. Таким образом, с одной стороны, приветствуя революцию в Китае, кадеты, с другой стороны, призывали

оказывать поддержку ее злейшему врагу и душителю. Именно здесь проявлялось лицемерие кадетской политики по отношению к Синьхайской революции.

Прикрываясь демагогической фразой и становясь в позу «оппозиционности» правительственному курсу по отношению к первым буржуазным революциям в Азии, кадеты в действительности придерживались империалистических позиций. Так как они стремились скрыть свои истинные цели, то их политика была насквозь лицемерной и затемняла сознание народных масс. «Политика русских кадетов, как и политика европейских либеральных буржуа, — писал В. И. Ленин, — есть лакейство перед реакционными правительствами, есть отстаивание колониальных захватов, грабежа и вмешательства в чужие дела. Политика кадетов особенно вредна потому, что она ведется под флагом „оппозиции", и вследствие этого сбивает с толку очень и очень многих, внушает доверие тем, кто не верит русскому правительству, развращает сознание масс» [17]. Именно поэтому он считал, что партийная печать и другие средства информации должны разоблачать политику кадетов наравне с политикой царского правительства. В связи с этим газета «Пролетарий» опубликовала передовую статью «Национал-либерализм на русской почве» [18], в которой раскрывалось подлинное лицо политики кадетов по отношению к революциям в Иране и Турции. Линия на разоблачение политики кадетов на последнем этапе иранской революции была продолжена газетой «Звезда» в статье «Кадетские газеты о персидской авантюре» [19]. С достойной отповедью по адресу нижегородского кадетского журналиста С. Протопопова, попытавшегося представить события в Иране и Китае как «неразбериху», выступил на страницах большевистской газеты «Поволжская быль» А. С. Бубнов [20]. Подлинные цели кадетской позиции по отношению к первым буржуазным революциям в Азии вскрывались и в других выступлениях большевистских публицистов, которые рассматривали борьбу против идеологов либеральной буржуазии как одну из важнейших задач воспитания трудящихся в духе интернационализма.

[1] *Медведев П. А.* Пробуждение Турции. Саратов, 1909. С. 1.
[2] *Милюков П. Н.* Боснийский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910. С. 23.
[3] *Котляревский С. А.* Турция и Европа // Русская мысль. 1908. Кн. 8. С. 190.
[4] Речь. 1908. 8 июня.
[5] Там же.
[6] Там же. 1907. 23 авг.
[7] Там же.
[8] Там же. 1908. 6 июня.
[9] *Котляревский С.* Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Кн. 7. С. 194.
[10] Речь. 1908. 9 июля.
[11] Там же. 7 нояб.
[12] Там же. 1909. 31 мая.
[13] Русские ведомости. 1911. 28 авг.
[14] Государственная Дума. Стеногр. отчеты. Созыв третий. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 3. С. 2235.

[15] Русские ведомости. 1911. 30 окт.
[16] Там же. 10 нояб.; *Трубецкой Г. Н.* Некоторые итоги внешней политики // Великая Россия. М., 1912. Кн. 2. С. 357—358.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 226
[18] Пролетарий. 1908. 1 нояб.
[19] Звезда. 1911. 22 дек.
[20] Поволжская быль. 1912. 12 апр.

Ю. Б. СОЛОВЬЕВ

СТРАТЕГИЯ САМОДЕРЖАВИЯ И СОСТОЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ НА МЕСТАХ В ПЕРИОД ВЫБОРОВ В IV ДУМУ

Для осмысления исторического процесса в период после революции 1905—1907 гг. крайне необходимо обстоятельно исследовать вопрос о функционировании третьеиюньского политического механизма, составными частями которого, помимо самодержавия, являлись открыто действовавшие политические партии с представительством в Думе. При этом важно выяснить, как соотносились друг с другом оба эти элемента, т. е. насколько самодержавие, каким оно себя утвердило в борьбе с революцией 1905—1907 гг., было совместимо с партийным началом. Следует также выяснить, с одной стороны, какая обстановка была создана для политических партий, в какое они были поставлены положение, а с другой — в каком состоянии находились сами партии. Все это позволит продвинуться к ответу на другой важный вопрос: насколько успело укорениться в политической жизни России партийное начало и, далее, как изменилось и каким стало положение в стране в связи с появлением политических партий?

Обширный и исключительно важный материал для выяснения этих вопросов дают выборы в IV Государственную думу осенью 1912 г. Они ярко осветили всю политическую сцену, роли и игру выступавших на ней актеров, в особенности деятельность и намерения самой самодержавной власти.

Выборы в IV Думу уже рассматривались в литературе [1]. Но данную тему нельзя считать исчерпанной. Остаются такие существенные неясности, как подлинные замыслы властей при проведении выборов. Так, А. Я. Аврех в качестве версии (без оценки ее обоснованности) приводит распространенное среди современников предположение, что власти собирались прибрать IV Думу к рукам, проведя в нее 150 священников [2]. Нет необходимой определенности и относительно версии о попытке властей создать в IV Думе право-националистическое большинство и о роли в этом случае второго большинства.

А между тем выборы касались сути третьеиюньской системы, которая не могла считаться окончательно, раз и навсегда установленной для самой власти, как не был до конца установлен и отрегулирован модус вивенди с представленными в Думе политическими силами, да и ее собственные роль и место. Не напрасно существовавшее положение рисовалось как предельно неустойчивое, подверженное переменам, и с годами сомнения в прочности статус-кво не только не рассеялись, но и еще более сгустились. Весьма показательны также широко распространившиеся накануне выборов опасения, почти уверенность, что власть задумала превратить Думу в законосовещательную [3]. Точными сведениями никто не располагал, но верно было то, что с предстоящими выборами в IV Думу перед самодержавием вновь во весь рост вставала все та же не решенная до конца проблема: что же все-таки такое Дума и как с ней быть? И в том, как власть поступила, с особенной наглядностью обозначились ее политические цели и методы их достижения, т. е. вся ее стратегия, отношение к сложившейся политической действительности и действовавшим на политической арене силам.

В планах и маневрах власти гораздо определеннее обрисовалась сущность третьеиюньской монархии как формы существования не сумевшего переделать себя на буржуазный лад самодержавия. Его образ действий во время выборов 1912 г. наряду с другими фактами убеждал, что столыпинские потуги двинуться по этому пути, сделав Думу местом соглашения власти с общественными верхами и создав с этой целью механизм двух большинств — правооктябристского и октябристско-кадетского, утратили актуальность. Вместо сотрудничества с Думой, хотя бы и в качестве младшего партнера власти, утверждается политика ее ограничения и стеснения. На самом верху и лично царем не раз высказывалось намерение превратить ее в законосовещательную, т. е. совершить новый государственный переворот, — план, вызвавший разногласия и в самом правительстве [4]. Не решившись на этот рискованный шаг, власть пока выбрала другой способ добиться своего. Утверждается мнение, что надлежащим образом организованные выборы в Думу предоставляют возможность сделать ее абсолютно послушной и беспрекословной, хотя, как известно, и III Дума была достаточно услужливой и покорной при некоторых незначительных отступлениях от этого правила. Но власть и им придавала значение нетерпимой оппозиции. Она не только собиралась выступить во всеоружии и разгромить «оппозицию революционно настроенного кадета», как подавалось дело в установочной записке о выборах И. Я. Гурлянда, который, преувеличивая опасность со стороны этих мнимых революционеров, вовсе не принадлежал при этом к экстремистски настроенной части правительственных верхов. Оружие обращалось и против октябристов с их сурово осуждаемой «оппозицией особого рода». «Ее девиз, — обвинялись они, — подчинение правительства умеренно-либеральным общественным кругам. Но непременно подчинение» [5]. Только

непреклонный отпор мог быть противопоставлен при такой трактовке этой, столь болезненно воспринимаемой, «фронде обеспокоенного усилением правительственной власти горожанина».

Вся избирательная кампания проходила под знаком стремления власти кардинально усилить свое положение и в ходе разворачиваемого наступления достичь стратегического успеха, завладев центральным пунктом позиций противника, каким считалась Дума. Для этого намеревались создать в ней подавляющее правое большинство. Делая доминантой всей внутренней политики возвращение, где только возможно, к старому, власть выдвигала в качестве надежной своей опоры главнейшего союзника — дворянство. Ему-то и надлежало занять преобладающее положение в Думе, да и вообще в политической жизни страны. В этом смысле составляются циркуляры-руководства за подписью министра внутренних дел А. А. Макарова и его заместителя по выборам А. Н. Харузина, разосланные по всем губерниям. Местным властям распоряжением от 25 июля 1912 г. было прямо указано вести все выборное дело в теснейшем союзе и согласии с дворянством в лице губернского и уездного предводителей, председателей губернской и уездной земских управ, а также наиболее видных дворянских деятелей. И действительно, местные власти работали в полном entente cordiale с дворянской верхушкой, дабы создать дворянству подавляющий перевес. Случалось, что она вообще забирала все руководство выборами в свои руки. Так, например, произошло в Полтавской губернии, где дворянская верхушка отодвинула на вторые роли губернатора, «сдавшего все дела кн. Щербатову (Н. Б. Щербатов — губернский предводитель дворянства. — *Ю. С.*)» [6].

Все это являлось грубейшим насилием над реальной жизнью. Продолжавшийся уже десятилетия упадок дворянства подвигался неотвратимо все дальше, значение дворянства в уездах неуклонно падало с продолжавшейся потерей земли, и вместе с тем рядом с ним вырастали новые силы, командные позиции в жизни занимали представители нового, капиталистического уклада, стремившиеся принять участие в управлении страной на всех уровнях. Но все это игнорировалось, и сама власть стремилась утвердить себя в старом качестве безраздельного распорядителя судьбами страны и параллельно и в связи с этим утвердить дворянство как полновластного хозяина в уезде и губернии. Выборы в IV Думу и должны были послужить этой цели. Стратегический замысел самодержавия представлял собой вызов новому укладу жизни и еще более усугублялся самим способом, который было решено пустить в ход для гарантированного успеха всего дела.

Так как дворянство пребывало в упадке и довольно частыми становились случаи, когда наличных помещиков в уезде не хватало даже для занятия тех должностей, которые надлежало замещать именно дворянству, то для того, чтобы обеспечить его преобладание, было решено привлечь духовенство. Церкви всюду располагали землей, и на выборах священники фигурировали как земле-

владельцы наравне с помещиками и другими землевладельцами меньшего калибра вплоть до крестьянства, причем во многих случаях по установленным представительским нормам духовенство могло провести значительное количество выборщиков. Этим-то и решено было воспользоваться в полной мере. Сам примененный трюк свидетельствовал о принципиальном нежелании власти считаться с реалиями эпохи и, действуя вопреки им, стремлении попирать жизненные интересы тех, в ком она видела своих соперников или причисляла к оппозиции.

Действительно, духовенство открыто, на виду у всех, делалось непосредственной политической силой, как бы новой политической партией, которая к тому же при всей очевидной фальшивости приобретала на местах зачастую решающее значение. Этим ходом было встревожено руководство всех партий, вообразившее, что власть хочет создать фиолетовую Думу, в которой главенствовать будет духовенство. Этим же было встревожено и местное дворянство, поскольку подлинный замысел содержался в строжайшей тайне и вся переписка министра внутренних дел и его заместителя по выборам шла под грифом «совершенно секретно» и по окончании кампании подлежала немедленному уничтожению лично самим губернатором, дабы ничто не попало в посторонние руки и не получило огласки, потому что тогда не избежать было бы громадного скандала. Оттого-то дворянство в целом ряде уездов было крайне обеспокоено и стало засыпать министра внутренних дел и даже самого царя жалобами на будто бы готовящееся его ущемление в пользу духовенства, тогда как на самом деле последнему отводилась самая жалкая роль. Как указывалось в записке Гурлянда, «участие духовенства в выборах было построено так, что фактически священники должны были скорее явиться лишь избирательным материалом, чем самостоятельной политической силой» [7]. Они были всего лишь даровыми подручными, которых бросали в самые жаркие места, где правым землевладельцам грозило поражение, хотя бы от своих более левых собратьев. Священнослужители, находясь в полном подчинении у своего начальства, когда их никто и не спрашивал, чего они сами хотят, послушно проводили в выборщики тех из правых землевладельцев, кого им указывали.

Успешно на первый взгляд проведенная махинация дала как будто бы самые благоприятные результаты. По полученным первоначальным сведениям, в составленной в МВД справке с удовлетворением отмечалось, что по сравнению с выборами в III Думу правые «весьма значительно возобладали» [8]. На стадии избрания выборщиков они отвоевали 14 губерний у оппозиции и октябристов, заполучив в целом 57% всего избирательного корпуса в европейских губерниях страны. Предполагалось, что группа правых и националистов составит 250 человек против 190 остальных депутатов [9]. В итоге в IV Думу попал 241 дворянин из общего числа 442 депутатов вместо 202 в III Думе. Число правых возросло со 148 до 185 человек.

Все это представляло собой ничем не прикрытое искажение

принципов представительства, превращало выборы в некий фарс, когда Дума, и так подобная кривому зеркалу после закона 3 июня, при учиненном грубейшем нарушении реального соотношения политических и общественных сил становилась окончательной фальсификацией. Все проделанное с такой бесцеремонностью показывало, что политическим и общественным силам не дают никакого простора для сколько-нибудь свободного проявления и функционирования. Им приходилось иметь дело все с тем же режимом, не признававшим никакой законной политической деятельности. Партийное начало оставалось ему чуждым и враждебным. Такой категории, как политический оппонент, не существовало, а существовал политический противник, подрывной элемент, неблагонамеренный, которого надо было обезвредить во что бы то ни стало, во всяком случае держать его в крепкой узде. И если еще какой-то декорум соблюдался в центрах политической жизни, то в губерниях действовали не церемонясь — уже потому, что там политическая обстановка складывалась иначе, чем в столицах, и власти там себя чувствовали гораздо свободнее.

Провинция, губернии походили на какую-то политическую пустыню с очень слабыми, хилыми ростками политической жизни при отсутствии сколько-нибудь значительной или хотя бы заметной партийной деятельности. Такую именно картину представили губернаторы в ответ на запрос, посланный министром внутренних дел в январе 1912 г. Им предписывалось сообщить самые подробные сведения о том, насколько развита, как и в чем проявляется политическая жизнь на подведомственной им территории, в особенности в связи с существованием Думы. Характерной следует признать информацию, данную московским губернатором В. Ф. Джунковским. В ней отмечалось, что «деятельность Государственной думы весьма незаметно отразилась на настроении местного населения»; что же касается партий, то «в Москве и Московской губернии нет или почти нет действующих монархических организаций»; «Союз националистов» как составная часть лагеря правых, ничтожный по численности, «буквально ничем своей деятельности не проявил», а рядовой и беспартийный избиратель настроен индифферентно. На начало 1912 г. политическая жизнь губернии пребывала в аморфном состоянии. Губернатор удостоверял, что «общественные силы в губернии в настоящее время не группируются в определенные политические партии», хотя и ожидал, что ко времени выборов, т. е. к осени, это следует предвидеть [10].

В этом же духе было составлено сообщение киевского губернатора, который свидетельствовал, что «отношение к выборам отдельных классов населения и различных разрядов избирателей носило чисто пассивный характер и лишь за несколько дней до выборов со стороны правых и левых организаций проявлены были активные действия в целях проведения своих кандидатов» [11].

Типичным образом обстояли дела в Курской губернии. Там, правда, ряд лет верховодили крайне правые, которые являлись, как отмечалось в донесении, «единственной организованной силой

в губернии», но зато «вся остальная масса местного населения — мелкие землевладельцы, крестьянство, городские жители, часть дворянства, мелкое чиновничество — не организована и за последние годы под влиянием установленного административного режима совершенно затихла, ни в чем наружно не проявляет своей деятельности, но в глубине души, конечно, продолжает таить, хотя и не ясно сознанные, но достаточно радикальные взгляды и стремления» [12]. Несмотря на то что командовавшие в губернии ультраправые по уши погрязли во всяческом безобразии, губернатор все же предвещал их успех на том именно основании, что «если названная партия делает ошибки, роняющие ее авторитет и популярность, то остальные политические партии совершенно не проявляют никакой деятельности и как бы окончательно исчезли с видимого политического горизонта» [13].

Известную аналогию Курской составила Орловская губерния, прежде всего в том смысле, что и в ней разошедшиеся крайне правые сумели себя полностью дискредитировать [14], население же вело совершенно незаметную жизнь и партийная деятельность как будто вконец заглохла. Ни к Думе, ни к выборам интереса не проявлялось. На схожие явления указывал и тамбовский губернатор Н. П. Муратов, по общему заключению которого выходило, что «интерес к политике вообще в населении слаб. Деятельностью Думы очень мало интересуются» [15]. Его, как одного из наиболее ретроградно настроенных губернаторов, это даже раздражало. Отмечая «равнодушие, отсутствие интереса к исходу выборов со стороны благонамеренных элементов населения, чуждающихся совершенно политики и интересующихся лишь тем, что их непосредственно касается», он видел в этом опасность, так как левые могут воспользоваться этой полной индифферентностью и пробиться в Думу, меж тем как «правые будут спать и потребуются самые энергичные меры, чтобы этих правых хоть на короткое время разбудить» [16]. Тихо было в Саратовской губернии, и там политическая жизнь внешне замерла [17].

Таким образом, самодержавие так и не примирилось с теми переменами, которые оно само же было вынуждено допустить в обстановке смертельной угрозы своему существованию в годы революции. И появление политических партий, и немыслимая в дореволюционные времена свобода печатного слова при всех ограничениях, установленных уже в новую эпоху, и, наконец, Дума — это все воспринималось как утраченные в ходе отступления самодержавия в революционную пору позиции. Теперь же, отразив наступление противника, где только можно стремились потеснить его, отбить им завоеванное. Годы после поражения революции 1905—1907 гг. были для самодержавия годами реконкисты, и выборы в Думу в 1912 г. явились одним из наиболее важных ее этапов, когда власть представила одно из самых очевидных и веских доказательств, что на уме у нее именно реконкиста, а не принятие нового порядка и приспособление к новым условиям жизни. Явственно обнаружилось, насколько крепка связь самодержавия с

прошлым, с пережиточным, как и то, что ставка на прошлое и пережиточное бита, что спасти их уже нельзя, а можно только погибнуть вместе в ними. Самодержавие своими действиями в 1912 г. засвидетельствовало, что оно выбрало путь гибели и твердо и уже невозвратно вступило на него. И если во многих местах страна была доведена до состояния политического паралича и власти, пользуясь этим, сумели фальсифицировать выборы в Думу, то это была пиррова победа, потому что достичь своих целей, укрепить свое положение путем укрепления своих союзников, которые по первоначальному замыслу должны были завладеть Думой, оно не сумело.

То, что должно было послужить основой реставрации старого, само оказалось подверженным необратимой эрозии и неудержимо разваливалось. Выборы обнаружили, как далеко зашел процесс разложения среди правых. В ходе избирательной кампании выявился сугубый разброд в их стане. На первый план как нигде выступала голая корысть, стремление всеми правдами и неправдами, расталкивая соперников, пробиться в Думу, потому что положение думца сулило, по утвердившемуся убеждению, всяческие блага, а главное — возможность быстро разбогатеть. На каждое место от горожан и землевладельцев выдвигалось не менее трех-четырех кандидатур [18]. Объясняя поднявшийся ажиотаж мотивами преимущественно материального свойства, Гурлянд в своем обзоре усматривал в захлестнувшей массу желающих попасть в Думу меркантильности большую опасность. «Какова, — тревожился он, — нравственная физиономия тех новых людей, которые теперь стремятся и могут пройти в Думу. Вопрос очень и очень неясный» [19].

Если бы не повсеместные распри между правыми на выборах, то подтасованное правое большинство, которое власти удалось на первых порах сколотить в Думе, могло быть значительно большим. Кроме того, оно оказалось весьма непрочным объединением по причине своей разношерстности и самого грубого своекорыстия.

Результаты усилий получить нужную Думу выглядели разочаровывающе. Одного арифметического увеличения численности правых в Думе оказывалось явно недостаточным, чтобы это можно было поставить в актив самодержавию. А между тем, хотя от губернаторов в роли главных устроителей выборов и главных же за них ответчиков и требовались ловкость и умение добиваться заданного, не давая почвы для критики со стороны оппозиции, все же их манипуляции, пущенное в ход грубейшее давление на избирателей, производимые на каждом шагу нарушения закона для проведения в Думу правых не могли быть скрыты. «Результаты выборов и отношение к ним администрации и в особенности ведомства православного вероисповедания, — отмечалось в составленной в МВД справке, — вызвали глубокое раздражение в самых разнообразных кругах избирателей» [20].

Не получив нужную себе Думу, самодержавие своей неудав-

шейся попыткой совершить некое подобие государственного переворота, низведя Думу до положения беспрекословного подручного при формальном сохранении ее прежнего статуса, нанесло себе значительный политический урон.

Попытка двинуть страну вспять, массовое и повсеместное применение старых методов управления, достигшее апогея в выборную кампанию, много содействовали совершавшемуся в России процессу полевения. То было одно из наиболее крупных поражений самодержавия и верных ему сил.

[1] Кризис самодержавия в России, 1895—1917 гг. Л., 1984; *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума, 1912—1917 гг., М., 1981.
[2] *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 23; см. также примеч. 16.
[3] Там же. С. 22—23.
[4] Кризис самодержавия в России. С. 471, 505, 526—527, 533—534; *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 114—115.
[5] ЦГИА СССР. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Записка И. Я. Гурлянда о выборах. Л. 23 об.
[6] Там же. Л. 30.
[7] Там же. Л. 24.
[8] Там же. Л. 11 об.
[9] Там же. Л. 10 об.
[10] Там же. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 202. Л. 1,3.
[11] Там же. Д. 203. Л. 230 об.
[12] Там же. Д. 207. Л. 2—2 об.
[13] Там же. Л. 5.
[14] Там же. Д. 217. Л. 6.
[15] Там же. Д. 232. Л. 6.
[16] Там же.
[17] Там же. Д. 227. Л. 1.
[18] Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 26.
[19] Там же.
[20] Там же. Справка о выборах. Л. 12.

В. Н. СЕЛЕЦКИЙ

ПРОГРЕССИЗМ: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА

Образование партии прогрессистов явилось отражением тенденции к политической консолидации русской буржуазии. Последняя стремилась увеличить свое влияние на государственные дела, побудить правительство более решительно и последовательно вести работу по преобразованию самодержавия в буржуазную монархию.

Стремление буржуазии к консолидации своих сил вызывалось разочарованием в столыпинской политике «успокоения», которая не приводила к ожидаемым результатам. Буржуазия боялась новой революции, которая могла явиться следствием крайне реакционного курса внутренней политики царского самодержавия. Она все более ясно понимала, что дело спасения всех имущих

классов от «революционной катастрофы» находится в ненадежных руках, и поэтому требовала превращения самой буржуазии в «первенствующее сословие» вместо оскудевшего дворянства. Для того чтобы сыграть эту роль, буржуазии была нужна собственная сильная политическая партия.

Особенностью партии прогрессистов явилось преобладание в ней капиталистов-хозяев, проснувшихся к политической деятельности. «Это будет, — писал В. И. Ленин, — партия „настоящей" капиталистической буржуазии, какую мы видим и в Германии» [1]. Главную свою задачу прогрессисты видели в том, чтобы разработать и пропагандировать ту идейную и политическую платформу, на которой могло состояться объединение различных либеральных партий, прежде всего наиболее крупных — кадетов и октябристов. Только преодолев существующую между ними разобщенность, создав единый фронт либерализма, можно было рассчитывать на успешное противодействие революции, а также на уступки со стороны правительства, на проведение давно обещанных реформ. Прогрессисты считали, что основу для задуманного объединения может дать контрреволюционная идеология. В этом были едины представители всех либеральных партий. Особенно близко сошлись прогрессисты с правыми кадетами во главе с П. Б. Струве. И те, и другие стали выразителями одного направления в русском либерализме, получившего впоследствии название «веховского».

Прогрессисты пытались доказать, что революция есть зло, результатом которого могут быть только анархия и разрушение, что революция не несет в себе никаких созидательных начал. Они представляли революционное движение как действие «разнузданной и деморализованной толпы», приписывали ему вину за все жестокости царского режима. Установление реакции было объявлено непосредственным результатом революционного движения. Из поражения революции, не приведшей, по мнению прогрессистов, к положительным результатам, делался вывод, что сам способ революционных действий должен быть отвергнут.

Одним из средств, способных привести к объединению всех либеральных сил, прогрессисты считали политику национал-либерализма. Национальный вопрос в России приобретал в те годы особую актуальность. Правительство и правые черносотенные круги, проводя политику звериного национализма, преследовали цель отвлечь народные массы от участия в революционном движении, направить недовольство трудящихся на борьбу с «инородцами». Такая политика не встречала, однако, поддержки у либералов, в том числе у прогрессистов. Прогрессисты, как и правые кадеты, выступили под лозунгами национал-либерализма, которые, с одной стороны, противостояли зоологическому национализму правых, а с другой — призваны были бороться с революционной программой решения национального вопроса. Национал-либерализм должен был противостоять революционной идее классовой борьбы, которая как писал Струве, «разъединяет нацию вместо того, чтобы сплачивать ее» [2].

Следует при этом подчеркнуть, что цели национальной политики у прогрессистов и правительства были одни и те же: упрочение империи, ее целостности и неделимости. И если прогрессисты выступали против официального национализма, то только потому, что считали его неспособным привести к достижению этих целей. Они утверждали, что правительственный национализм не собирает, а дробит государство, способствует его внутреннему ослаблению и угрожает «единой и неделимой» России, порождая центробежные тенденции, усиливая стремление к самоопределению. Их беспокоило то, что благодаря такой политике Россия мало-помалу превращалась в «империю внутренних врагов», тогда как интересы сохранения единства государства и предотвращения новых революционных взрывов требовали перейти к политике «приобретения друзей». Поэтому вместо подавления «инородцев» прогрессисты выступали за сотрудничество с господствующими классами этих народов, через которые можно было осуществлять свое влияние и добиться их «добровольного» подчинения «общим интересам».

Но, критикуя официальный национализм, который вел к «разрушению русской государственности» и не решал своей основной задачи — отвлечения масс от революционной борьбы, прогрессисты выдвигали очень ограниченную собственную программу. В сущности, кроме отказа от грубых насильственных мер подавления «инородцев» и разрешения преподавать в школах на родном языке, а также пользоваться родным языком в суде и земстве, она ничего больше не предусматривала. Хотя прогрессисты и считали «безумием» стремление к «полному поглощению» Финляндии и Польши, они в то же время выступали категорически против предоставления им права на политическое самоопределение, рассматривая их как неотъемлемую часть Российской империи. Сама же империя, как писал П. Струве, «по своим историческим судьбам и по основной, задающей в ней тон культуре есть национальное русское государство» [3].

Вместе с тем прогрессисты хотели воспользоваться тем, что «национальный вопрос обладает удивительной способностью объединять все, что только есть русского, без различия партий» [4]. Характеризуя в связи с этим роль либеральной оппозиции, Г. Н. Трубецкой писал: «В борьбе против антипатриотической в существе своем реакции она должна стать выразительницей возрождающегося народно-русского сознания. Если правительство распыляет нацию, то оппозиция должна ее собирать. Оппозиция должна стать национальной. В этом залог ее могущества и победы в будущем» [5]. Это было важное замечание. Дело в том, что отказ от поддержки официального национализма создавал о прогрессистах и кадетах впечатление ненациональных, непатриотических партий, что наносило ущерб популярности и влиянию оппозиции. Задачей момента поэтому прогрессисты считали «изъятие патриотизма» из реакционного лагеря, содействие «подъему национального чувства» как основы единства «всего общества». Национа-

4 Заказ № 2434

лизм, понятый в либеральном духе, становился основой этого единства.

Центром, вокруг которого могла происходить «кристаллизация» либеральных элементов, становились также вопросы внешней политики. Именно здесь прогрессисты могли наглядно продемонстрировать свой «патриотизм».

В отличие от внутренней политики по вопросам политики внешней у русских либеральных партий не было серьезных расхождений с правительством. В частности, прогрессисты, как и кадеты, были горячими сторонниками соглашения с Англией и новой — балканской — ориентации внешней политики, которую проводили Извольский и Сазонов.

Прогрессисты были сторонниками решительных действий, не исключая и военных, которые могли бы вернуть России положение и авторитет великой державы. Выражая интересы растущей русской буржуазии, они выдвинули программу экспансии на Балканский полуостров и захвата проливов, ведущих в Средиземное море. Особенно откровенно обо всем было сказано в статье П. Струве под характерным названием «Великая Россия» [6].

Между национал-либералами и правыми группировками сохранялись определенные разногласия по вопросу о конечных целях и желательных результатах этой политики. Националисты и отчасти октябристы в политике России на Балканах хотели видеть продолжение традиций 70-х годов. Они мечтали о водружении креста на соборе св. Софии, хотели взять под свою опеку славянские народы, т. е., по существу, хотели образования на Балканах чего-то вроде «Дунайской губернии», входящей в состав Российской империи. Иначе подходили к этому вопросу национал-либералы, в том числе прогрессисты. Они представляли новое течение в славянском вопросе, названное «неославизмом». В отличие от старых славянофилов, национал-либералы определенно заговорили о «здоровом эгоизме», которым должна быть проникнута политика России на Балканах и который означал стремление подчинить русскому экономическому и политическому влиянию «весь бассейн Черного моря». Неослависты видели свою задачу не в поглощении славянских народов, а в создании союза славянских государств, находящегося под эгидой «Великой России». Они убеждали славян в том, что им чуждо намерение посягать на их самобытность, что они готовы уважать особенности их духовного склада. В этом они видели необходимое условие «славянского единения» и вырастающего на его основе могущества и влияния России вообще.

Таково было, по мнению прогрессистов и прочих национал-либералов «славянское призвание» России. Однако на пути его осуществления стояли такие государства, как Германия и Австро-Венгрия, которые сами стремились утвердить свою гегемонию на Балканах. И здесь прогрессисты заняли особенно воинственную позицию. Они не согласились с политикой правительства, которое, чувствуя слабость и неготовность России к войне, шло на уступки

Австрии. Прогрессисты требовали решительно противодействовать экспансии Германии и Австро-Венгрии, полагая, что общая борьба против общего врага сплотит славянские народы вокруг России и превратит Балканы в сферу русского влияния.

Но для осуществления «славянского призвания» России было препятствие и другого рода. В славянской политике России было глубокое противоречие: на Балканах она брала на себя роль освободительницы славянских народов, но у себя дома она угнетала народы, т. е. проводила примерно ту же самую национальную политику, против которой вела борьбу с Турцией. Особенно отчетливо это проявилось в отношении царского правительства к польскому вопросу. Даже освобожденные Россией славянские народы относились к ней с недоверием, опасаясь судьбы Польши, являвшейся неравноправной и угнетенной частью Российской империи. Вот почему для осуществления широких планов России на Балканах и привлечения к ней симпатий славянских народов прогрессисты предлагали изменить политику в польском вопросе, встать на путь «примирения» с Польшей на основе хотя бы частичного признания ее национальных прав.

Такова была программа прогрессистов в славянском вопросе. Борьба за ее осуществление представляла для них интерес и в том отношении, что здесь открывалась возможность добиться сближения либеральных партий. Дело всеславянского единения прогрессисты стремились представить как общенациональную задачу. Как писал Е. Н. Трубецкой, «единение России с другими славянскими народами не должно быть чьей-либо монополией: с нашей стороны оно должно быть делом не оппозиционных или реакционных округов, а делом всей нации» [7]. Таким образом, вопрос ставился даже шире, чем просто достижение единства либералов. Речь шла о возможности прямого сотрудничества с октябристами и умеренно правыми в славянском вопросе. Из внешней политики и славянского вопроса вырастал всеобъединяющий национализм.

В концентрированном виде взгляды прогрессистов по вопросам внешней политики были изложены в специальном сборнике статей, вышедшем в издательстве Рябушинского под названием «Великая Россия». Он стал как бы декларацией российского империализма.

Прогрессисты требовали от правительства активной внешней политики. А для этого необходимо было восстановить военное могущество России, идеологически обработать массы, которым пришлось бы платить своей кровью за осуществление захватнических планов. «Необходимо воскресить утраченное русским народом героическое миросозерцание» [8].

В преддверии мировой империалистической войны прогрессисты резко выступили против пацифизма, «этой пресловутой академической идеи», как препятствующей их агрессивным замыслам. «В основании этого движения (пацифизма. — *В. С.*) лежат высокие и благородные побуждения, но ныне международное положение стало таким, что успех пацифизма в России явился бы большим злом... России нужен сейчас здоровый милитаризм» [9].

Анализируя шансы страны в случае войны, прогрессисты приходили к выводу, что эти шансы будут тем выше, чем более будет развита промышленность. «До тех пор, — писали они, — пока мы не будем экономически настолько крепки, чтобы иметь возможность вести по крайней мере в течение года войну... наши шансы будут значительно слабее шансов наших противников. Такова экономическая проблема „Великой России". Самое разрешение этой проблемы может быть результатом параллельного и дружного действия частной инициативы и государственной политики» [10]. Таким образом, прогрессисты ясно давали понять, что «Великая Россия» может быть только капиталистической, где политика государства обеспечивает простор для развития частного капитала.

Идейно-политическая платформа прогрессистов представляла собой концентрированное выражение интересов торгово-промышленной буржуазии. Идеологи прогрессизма отказались, как они писали, от «беспочвенно-идеалистических» концепций кадетского либерализма с его надеждами на использование демократии. В отличие от кадетов, всячески маскировавших из тактических соображений свою буржуазную природу, они твердо решили связать свою судьбу с судьбой буржуазии. И заявили об этом определенно и открыто.

В условиях кризиса и застоя, которые переживала русская промышленность вплоть до 1910 г., прогрессисты выступили за «экономическое возрождение» России. Они доказывали при этом, что не может быть какого-либо универсального средства подъема экономики, что без установления «правового порядка» не может быть и экономического возрождения. Иначе говоря, экономический прогресс страны они связывали с проведением реформ, которые завершили бы процесс превращения России в буржуазную монархию. Борьба за «экономическое возрождение» страны, которую прогрессисты объявили «подлинной национальной задачей», должна была стать почвой для объединения всех тех, кто в интересах экономического развития страны выступал за ее «мирное обновление». Интересы развития капитализма — вот что должно было «наводить мосты» и связывать различные либеральные партии.

Прогрессисты отводили буржуазии роль главенствующего сословия, носителя общенациональных интересов. Только буржуазия, утверждали они, способна выполнить задачу обновления страны, потому что якобы «никто так не заинтересован в обновлении нашего государственного строя, в широкой общественной инициативе, как торгово-промышленный класс. Только новый строй может обеспечить прочный экономический подъем. И вместе с тем торгово-промышленному классу ввиду его материального веса более, чем кому-либо другому, доступно оказать свое влияние в этом направлении на политику правительства, если бы только он ясно осознал свои нужды и, соответственно сорганизовавшись, стал действовать» [11]. Прогрессисты, как мы видим, ставили себе

целью способствовать политическому оформлению буржуазии, росту ее классового сознания.

Таковы основные черты прогрессизма как идейно-политического направления.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 245.
[2] *Струве П. Б.* Patriotica. СПб., 1911. С. 29.
[3] Русская мысль. 1910. Кн. 2. С. 143.
[4] Московский еженедельник. 1909. № 27. С. 5.
[5] Там же. С. 8.
[6] Русская мысль. 1908. Кн. 1.
[7] Московский еженедельник. 1908. № 20. С. 1—2.
[8] Великая Россия. М., 1910. Ч. 1. С. 19.
[9] Там же. М., 1911. Ч. 2. С. 5.
[10] Там же. Ч. 2. С. 153.
[11] Слово. 1908. 13 сент.

Н. Г. КОРОЛЕВА

ПОМЕЩИЧЬЕ-МОНАРХИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В 1905—1907 гг. ОБРАЗОВАНИЕ, СТРУКТУРА, ТАКТИКА

Создание помещичье-монархических организаций было отчаянной попыткой господствующего класса продлить свое существование, используя политическую забитость, классовую незрелость части народа. История их возникновения связана непосредственно с событиями революции 1905—1907 гг.

Первый этап возникновения монархических дворянских организаций связан с выходом на арену революционной борьбы пролетариата, заставившего правящий класс и весь правительственный лагерь решать задачу усиленного идеологического воздействия на рабочих и крестьян. Однако организационные основы создания правых партий уходят корнями в помещичьи организации, возникшие на рубеже XIX—XX вв. Еще в начале 1901 г. в Петербурге появилось «Русское собрание». Оно защищало классовые интересы дворянства, избрав за основу своей деятельности культурническую, агитационно-литературную и идеологическую обработку масс в казенно-патриотическом направлении. Периодические издания «Собрания» неизменно проводили мысль о том, что только самодержавие принесет «всеобщее благоденствие всем слоям и классам общества» [1]. Крестьянам давались рекомендации быть ближе к помещику, который только «один может понять нужды крестьянина, помочь ему делом, знаниями, советом» [2].

«Русское собрание» имело периферийные, реально действовавшие отделы в 15 городах и ряде предместий, в основном в универ-

ситетских центрах. Несмотря на активную пропагандистскую деятельность, «Собрание» не оказало сколько-нибудь значительного влияния на массы. Эта дворянская организация заложила идейные основы консолидации реакционных помещичьих организаций, но не возглавила их.

Начало революции правые всех оттенков встретили единодушным требованием «раздавить крамолу», «ввести диктатуру». После первой уступки царизма — рескрипта 18 февраля 1905 г. встал вопрос об объединении всех правых сил [3].

«Кружок москвичей», возникший почти одновременно с «Русским собранием», точнее, его шереметевская группа начала объединение мелких правых кружков. В результате 1 апреля 1905 г. была создана монархическая организация «Союз русских людей». 27 апреля 1905 г. «Московские ведомости» известили о создании русской монархической партии, которая носила корпоративный дворянский характер.

«Союз русских людей» сделал попытку привлечь на свою сторону различные слои населения, от реакционно настроенных до случайных, политически малосознательных попутчиков. Московское дворянство надеялось создать разветвленную сеть кружков и с их помощью мобильные организации, нацеленные на физическую расправу с революцией. Планы проведения организованного сверху донизу террора вынашивались лидерами всех правых помещичьих течений [4].

В отличие от «Русского собрания» и монархической партии «Союз русских людей» взял курс на организацию всесословного контрреволюционного союза [5]. Однако данные о составе местных организаций СРЛ говорят о его дворянско-помещичьем характере, хотя в руководстве местных отделов значились крестьяне, купцы, мещане, мелкая городская буржуазия, но, как правило, по одному-два члена. Руководителями СРЛ были крупные дворяне-землевладельцы, консервативная интеллигенция. Откровенно классовый дворянский характер этой организации обусловил распространение ее в основном в районах с преобладанием крупных помещичьих латифундий.

В массовую всесословную партию «Союз русских людей» не превратился. Деятельность СРЛ, как и всех остальных правых организаций, в период развития революции по восходящей линии не получила поддержки в массах. Помещикам нечего было противопоставить революции и ее идеям, кроме грубой силы, национальной вражды, попыток увековечить господство своего класса.

Всероссийская политическая стачка, поколебавшая устои самодержавного правления, вызвала страх и замешательство в рядах правых монархических организаций. В период высшего подъема революции реакционные силы предприняли попытку создать политическую организацию, способную скрыть за псевдонародным характером и внешним «демократизмом» свои классовые помещичьи интересы и цели. 8 ноября 1905 г. был создан «Союз русского народа», получивший поддержку у царя. Направляемый

дворянской реакцией, камарильей, пытающийся опереться на самые разнородные социальные слои общества, но выражавший интересы господствовавшего класса — дворянства, СРН не мог не нести на себе отпечаток стихийности и спекулятивности.

Организационные корни «Союза» уходили в «патриотические общества», «боевые дружины». Тесно связанный с карательным аппаратом самодержавия, СРН «специализировался» в годы революции на провокаторско-погромной деятельности. В его задачу входило также массовое привлечение на сторону «Союза» тех слоев общества, которые можно было запугать революцией, социализмом [6]. В условиях подъема революции «Союз» не мог выработать партийной программы, дабы не показать воочию свою теоретическую и практическую платформу, не обнаружить подлинное классовое лицо. Центральный орган «Союза» — Главный совет возглавляли помещики, представители реакционной интеллигенции и монархически настроенной буржуазии. Во главе местных отделов, губернских и уездных, стояли дворяне, чиновники, духовенство, купцы, мелкая городская буржуазия, реакционная интеллигенция. Социальный состав рядовых членов «Союза» был очень пестрым: мелкая буржуазия, купцы, мелкие предприниматели, владельцы трактиров, лавочники, домовладельцы, крестьяне. Рабочие составляли в «Союзе» в разное время от 0,5 до 2% общего числа членов и были в нем наименее надежным элементом.

Создание «Союза русского народа» — главной черносотенной партии — не привело в 1905 — начале 1906 г. к объединению всех монархических сил. Только в период отступления революции, на пороге третьеиюньского переворота, на 3-м съезде монархистов в Киеве в октябре 1906 г. было провозглашено организационное объединение монархических организаций во главе с Всероссийским съездом русских людей.

Организационная структура черносотенных союзов представляла собой многоступенчатую систему: Главная управа объединенного русского народа, Совет уполномоченных всенародного русского союза, Соединенное собрание членов — учредителей СРН. Следующую ступень составили: Совет «Союза русских людей», «Русского собрания», Главный совет СРН, областные управы, отделы и подотделы в губерниях, уездах, селах. Это была рыхлая организация. Наличие различных течений и кружковщина, неподчинение вышестоящим звеньям и уставу, междоусобицы и грызня в руководстве, откровенная уголовщина, процветавшая в черносотенных союзах, разрушали и без того слабую организацию. Но главная причина организационной слабости монархических союзов, включая СРН, состояла в том, что даже в условиях быстрого количественного роста местных отделов монархических организаций во время отступления революции члены ее не были спаяны идейно. Объективные классовые интересы руководства партий и рядовых членов зачастую находились в антагонистических противоречиях. «Черносотенцы, это — партии, поддерживающие правительство. Они стоят за самодержавную монархию,

за полицейскую власть, за сохранение всей помещичьей земли» [7]. Такие партии не могли рассчитывать на сознательную политическую активность рядовых членов. Они могли лишь играть на заблуждениях, политической незрелости масс, использовать корыстные интересы определенных слоев. Собственно, до партий в строгом смысле этого слова ни одна монархическая организация не доросла.

Тактические установки монархических партий были нацелены на организацию погромов, политических провокаций, физической расправы с революцией, расчленение основных революционных сил — пролетариата и крестьянства, срыв забастовочного движения в промышленных районах и борьбу с крестьянским движением, разжигание национальной розни, опорочивание идей социализма с целью воспрепятствовать распространению их в массах. Признавалась и необходимость частичных реформ, но они не выходили за рамки официальной политики.

В соответствии с тактическими задачами черносотенцы создавали свои отделы в городах и губерниях, объятых революцией. Наибольшее число отделов в промышленных районах приходилось на Владимирскую, Нижегородскую, Екатеринославскую, Московскую, Петербургскую, Курскую, Киевскую, Ярославскую губернии. Потерпев неудачу на заводах, в железнодорожных мастерских, на рудниках, монархисты сосредоточивали свои организации в сельской местности. Численность отделов и подотделов в уездах названных губерний колебалась от 1—3 до полутора десятков человек [8].

К губерниям с преобладанием крестьянского населения черносотенцы проявляли особое внимание, памятуя о событиях осени 1905 — весны 1906 г. В Астраханской, Бессарабской, Витебской, Вологодской, Волынской, Казанской, Калужской, Ковенской, Костромской, Подольской, Могилевской, Полтавской, Псковской, Саратовской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Херсонской и Черниговской губерниях отделы черносотенных организаций были многочисленны. Они располагались в уездах и особенно в селах. Количество сельских подотделов доходило в одной губернии до 20 [9].

В южных и западных районах (Волынская, Полтавская, Херсонская, Таврическая, Одесская, Минская и другие губернии) численность монархических организаций определялась несколькими тысячами в каждой, что объясняется пестрым национальным составом населения, среди которого черносотенцам было легче вести агитацию.

Общая численность помещичьих организаций, ничтожная в начале революции и в период ее подъема, к 1907 г., т. е. к моменту отступления революции, возросла до 150 тыс., а к концу 1907 г.— до 200 тыс. человек [10]. Однако процесс роста черносотенных организаций сопровождался постоянным оттоком масс из союзов и их отделов, хотя это официально не фиксировалось руководящими центрами этих организаций. Поэтому количественные

данные о составе организаций нельзя считать точной и стабильной величиной. Она резко колебалась и в ту, и в другую сторону в разные периоды конца 1906 — осени 1907 г., что является свидетельством низкой политической зрелости рядовых членов партии. Уже в июле 1907 г. признавалось, что «провинциальные союзники, изверившись в тактике и программе СРН, бегут из союза массами»; для сдерживания этого процесса были придуманы некоторые, в том числе и «устрашающие», мероприятия.

Тактика черносотенных партий, направленная на практическую борьбу с революцией, встречалась с большими трудностями. Недаром они потерпели неудачу в первой избирательной кампании.

В период первой российской революции черносотенцам не удалось развратить и сбить с толку сколько-нибудь широкие слои населения[11].

[1] Известия русского собрания. 1906. № 10. С. 13.
[2] Пахарь. 1903. № 2. С. 23.
[3] РО ГБЛ. Ф. 126. Кн. 17. Л. 38.
[4] Там же. Кн. 14. Дневник А. А. Киреева. С. 39.
[5] Русское дело. 1905. 25 апр. С. 3.
[6] Союз русского народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1929. С. 33.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 109.
[8] ЦГАОР СССР. Ф. ДП 00. 1906. Д. 828.
[9] Там же.
[10] Там же. 1907. Д. 164.
[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 38.

С. А. СТЕПАНОВ

ПРОГРАММЫ ЧЕРНОСОТЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (1905—1907 гг.)

На современном этапе развития советской историографии наблюдается возросший интерес к истории политических партий. В ряде работ сопоставлялись и критически сравнивались программы непролетарских партий, в том числе и «Союза русского народа»[1]. Имеются специальные исследования, посвященные идеологии крайне правых[2].

Однако в большинстве случаев анализ ограничивался программами только одной организации — «Союза русского народа»; документы других черносотенных союзов не привлекались, не было попыток проследить определенную эволюцию выдвинутых черносотенцами программ. Все это позволяет считать данные вопросы требующими специального рассмотрения.

Первые помещичье-монархические организации начали возни-

кать по мере нарастания революционного кризиса в стране. В октябре 1900 г. группа петербургских чиновников, военнослужащих и представителей реакционной интеллигенции, встревоженная надвигающимися событиями, «признала желательным дать жизнь националистическому кружку». Идеологическая основа этого кружка — «православие, самодержавие, народность» — была намечена сразу [3]. Устав кружка, получившего название «Русское собрание», предусматривал: «а) изучение явлений русской и славянской народной жизни и ее настоящего и прошлого; б) разработку вопросов русской и вообще славянской словесности, художеств, народоведения и народного хозяйства... в) охранение чистоты и правильности русской речи» [4].

Славянофильские мотивы подчеркивались при открытии первого отдела «Русского собрания» в Харькове в 1903 г.: «Спасения надо искать в национальной идее. Мы не должны обезличиваться и продолжать тащиться на буксире Запада» [5].

Подчеркнуто просветительский характер организации никого не мог ввести в заблуждение. «Русское собрание» с первых шагов зарекомендовало себя в качестве добровольного охранительного органа. На еженедельных собраниях читались доклады, выдержанные в духе официальной народности.

Начавшаяся революция поколебала монопольное положение «Русского собрания» в правом лагере. В апреле 1905 г. в Москве одновременно возникли «Союз русских людей» и монархическая партия. «Союз русский людей» недвусмысленно заявил о том, что правые будут оказывать давление на верховную власть в случае ее колебаний перед революцией: «Союз входит к правительству с ходатайствами, согласно состоявшимся в его заседании постановлениям» [6]. Монархическая партия, в свою очередь, провозгласила, что время для реформ наступит только тогда, когда «Верховная власть восторжествует над внутренней смутой и доведет войну с внешними врагами до желанного, славного конца» [7]. Целью реформ должно было явиться «еще большее укрепление неограниченной Самодержавной Власти на Руси» [8].

Характерно, что среди правых сразу же наметились расхождения по вопросу о представительных учреждениях. Руководители «Союза русских людей», имея в виду только проектируемый законосовещательный орган, предлагали «без корысти выбирать по первому государеву призыву истинно достойных людей» [9]. В то же время их собратья из монархической партии заняли бескомпромиссную позицию: «Монархическая партия самым решительным образом отвергает всякое выборное учреждение, которое могло бы себе присвоить значение „представительства“ народа, „голоса“ или „мнения народа“» [10].

Особенно наглядно проявилась замедленная реакция крайне правых на стремительно разворачивающиеся события в период высшего подъема первой российской революции. За два дня до издания манифеста 17 октября монархическая партия выступила с развернутой политической программой. Если в Петергофе пол-

ным ходом шло обсуждение вопроса о превращении Булыгинской думы в законодательный орган, то монархическая партия считала достаточным несколько реорганизовать Государственный совет, куда «назначались бы государем исключительно такие верноподданные ему лица, которые, по мнению монарха, выдаются среди русского народа особыми заслугами» [11]. Но даже Государственному совету из подобранных самим царем сановников монархисты не решались доверить законодательные функции: «Члены этого государственного учреждения не должны, однако, ограничивать своими решениями государя» [12].

Разумеется, такие программы не способствовали росту численности монархических организаций. В декабре 1905 г. черная сотня была ничтожной по численности и не могла оказать серьезного содействия правительственным войскам в борьбе с революцией.

Прежде чем добиться роста численности монархических организаций (во многих случаях, правда, чисто номинального), черносотенцам пришлось создать партию, рассчитанную на привлечение широких слоев населения. Узость социальной базы «Русского собрания», «Союза русских людей», монархической партии не позволяла им выдерживать конкуренцию с крупнейшими буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Деятельность многочисленных крайне правых организаций («Белое знамя» в Нижнем Новгороде, «Союз законности и порядка» в Орле, «Патриотическое общество» в Тифлисе и т. п.), начавших плодиться осенью 1905 г. словно грибы после дождя, ограничивалась местными рамками.

Роль всероссийской черносотенной партии выпала на долю «Союза русского народа», созданного в Петербурге в ноябре 1905 года. Новая организация образовалась под эгидой «Русского собрания», а первая избирательная программа «Союза» рабски копировала программу «Русского собрания»: 7 из 14 пунктов были заимствованы дословно [13].

Как и «Русское собрание», «Союз русского народа» клялся в верности царскому самодержавию, православию, единству и неделимости России. Обе программы, рассматривая Россию в качестве аграрной страны, проводили утопическую идею ограждения страны от мировой капиталистической системы.

Националистическое начало, подчеркнутое даже в самом названии новой организации, нашло воплощение в шовинистических лозунгах. «Русской народности,— гласила программа „Союза",— собирательнице земли русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строе» [14].

В конце января 1906 г. «Союз русского народа» опубликовал свой устав и «Основоположения» [15] — своеобразный символ веры черной сотни. В «Основоположениях», пожалуй, явственнее, чем в каком-либо другом программном документе крайне правых, ощущается религиозный и славянофильский налет. Используя славянофильскую схему исторического развития, черносотенцы заявляли, что «соборное самодержавное начало» Древней Руси было на-

рушено Петром I и с тех пор стало «весьма близким к западноевропейскому императорскому абсолютизму, основанному не на нравственно-церковном и земско-государственном единении и общении царя с народом, а на праве сильного...»[16]. Отсюда, по убеждению крайне правых, вытекала желательность возвращения к идеализированным допетровским порядкам. Растерянность, овладевшая черносотенцами после издания манифеста 17 октября, сменилась своеобразным толкованием всех сделанных уступок, как шага к восстановлению единения царя и народа, «в течение двухсот лет терпеливо и самоотверженно жданному православным русским народом»[17].

Напыщенные формулировки «Основоположений» выглядели слишком ветхозаветными даже для черной сотни. Неудачным оказался и «наскоро составленный» устав [18]. По существу это был устав, приспособленный для нужд локальной организации, всех членов которой можно было без труда созвать на общее собрание [19]. Новый устав [20], зарегистрированный 7 августа 1906 г., отражал возросший масштаб деятельности «Союза русского народа». Изменялась структура организации, создавался Главный совет, руководивший местными отделами союза.

В сентябре 1906 г. впервые был созван съезд уполномоченных отделов «Союза русского народа», принявший новую избирательную программу. Ее краеугольным камнем оставался великодержавный шовинизм. Однако и здесь были внесены определенные коррективы. В «Основоположениях» «Союз русского народа» требовал от царизма ввести ограничительные меры по отношению к полякам, финнам, народам Кавказа и Закавказья. В новой программе из всех шовинистических лозунгов был выделен только антисемитизм, принявший в полном смысле этого слова зоологические формы. Антисемитизм был, по мнению черносотенцев, самым удобным способом отвлечения внимания народных масс от классовой борьбы. Крайне правым нельзя было отказать в известной гибкости при использовании националистических лозунгов. Натравливая одну часть населения на другую, черносотенцы не упускали случая опереться на реакционные националистические круги других народов.

В черносотенных газетах печатались воззвания сионистских организаций, а выдвинутая «Союзом русского народа» система ограничительных мер, как специально подчеркивалось в программе, «несомненно поддержала бы энергию евреев в деле скорейшего переселения в собственное царство»[21].

Одно время руководители «Союза русского народа» носились с мыслью о создании «мусульманского отдела» «Союза». Проект устава этой организации предусматривал, что филиалу православного союза «предоставляется право строить мечети». В качестве приманки в уставе фигурировало обещание, что «членам мусульманских отделов при союзе русского народа предоставляются все гражданские права наравне с русскими православными людьми»[22].

Потерпев сокрушительное поражение на выборах в I Думу,

черносотенцы осознали, что уход от острых вопросов лишает их последних шансов на успех. В новую избирательную программу был введен обширный раздел, посвященный аграрному вопросу. Как и состоявшийся в мае 1906 г. съезд «Совета объединенного дворянства», «Союз русского народа» предлагал открыть путь для перехода к хуторскому землевладению. Проблему малоземелья предлагалось решить при помощи переселенческой политики, улучшения мелкого кредита и т. п. Все предложения по аграрному вопросу исходили из тезиса, что «никакие меры, направленные к улучшению быта крестьян, не должны нарушать неприкосновенности земельной собственности»[23]. В этом проявилось истинное классовое лицо «Союза русского народа», многие руководители которого были активными деятелями «Совета объединенного дворянства».

В разделе, посвященном рабочему вопросу, «Союз русского народа» обещал содействовать «возможному сокращению рабочего дня», добиваться государственного страхования рабочих на случай смерти, увечий, болезни и старости[24]. Претензии на беспристрастность в рабочем вопросе вообще были характерны для программ крайне правых союзов. Так, «Царско-народное общество» в Казани декларативно заявляло, что оно в одинаковой степени признает право на локаут за предпринимателями и право на забастовку за рабочими [25].

С осени 1906 г. черносотенцы начинают активнее применять дифференцированный подход к различным классам и группам населения. Появляются первые монархические организации, рассчитанные на привлечение конкретной социальной группы. Одной из таких организаций был созданный в Киеве «Союз русских рабочих». Цели «Союза» были сформулированы следующим образом: «Союз противодействует забастовкам всех видов, ведущим к разорению рабочего класса, промышленности...»[26]. Одновременно с этим «Союз» обещал защитить рабочих от произвола при расчетах, увольнениях, «оказывать содружескую помощь членам своим, утерявшим вследствие болезни или по другим каким-либо причинам способность к труду»[27].

Согласно уставу, управление «Союзом русских рабочих» должно было осуществляться самими рабочими. Однако на деле эта организация была филиалом «Союза русского народа» и других монархических союзов.

Такая же участь ждала и общество «Двуглавый орел», рассчитанное на учащуюся молодежь. В задачу общества входило: «Противодействовать всеми законными способами влиянию лиц, обществ, партий, союзов, ведущих Россию своим учением к анархии и нравственному растлению»[28].

«Двуглавый орел», действовавший в Киеве, не сумел завоевать авторитета среди учащейся молодежи. В дальнейшем черносотенцы изменили приемы агитации среди студенчества, перейдя к созданию внешне беспартийных «академических» организаций.

Какую бы социальную демагогию ни использовали в своих про-

граммах черносотенцы, они неизменно оставались на правом фланге реакции. Единственной партией, с которой черносотенцы соглашались совместно действовать на выборах в I Думу, была партия правого порядка.

Печальный опыт поражения на выборах заставил черносотенцев пересмотреть свою жесткую позицию. Во время следующей избирательной кампании в ряде городов были созданы коалиционные комитеты правых партий. «Все русские, национальные партии,— говорилось на собрании такого комитета в Киеве,— начиная от октябристов и кончая крайними правыми, несмотря на все различия их программ, основу имеют общую... Кто за Россию и против революции — тот наш. А до частностей его программы в минуту борьбы с общим смертельным врагом нам нет дела»[29].

Вместе с тем в рядах крайне правых были и противники каких-либо соглашений с октябристами. В период третьеиюньской монархии как раз по этому вопросу между черносотенцами возникли серьезные разногласия.

Все изложенное позволяет сделать следующие выводы. Программы крайне правых союзов отражали интересы и идеологию помещичьего класса. Характерной их чертой была безудержная демагогия, маскировавшая подлинную классовую сущность. Опыт первой российской революции показал, что подобного рода помещичьи программы не получили ни малейшей поддержки со стороны масс и потерпели полное банкротство.

[1] *Комин В. В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России: Факультативный курс лекций для студентов исторического факультета педагогического института. Калинин, 1970. Ч. 1; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России, Начало XX в.— 1920 г. М., 1977; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; *Сысоева Е. К.* Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции: По материалам Москвы и Московской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; *Бажин А. А.* Борьба партии большевиков против черносотенного движения в годы первой русской революции (1905—1907): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

[2] *Степанов С. А.* Идеология черносотенных союзов и организаций // Проблемы истории СССР. М., 1982. Вып. 12.

[3] Список членов Русского собрания с приложением исторического очерка собрания. СПб., 1906. С. 1.

[4] Там же. С. 1—2.

[5] Праздник русского самосознания. Харьков, 1903. С. 28.

[6] Устав союза русских людей. М., 1906. С. 3.

[7] Московские ведомости. 1905. 22 апр.

[8] Там же.

[9] Воззвание «Союза русских людей» от 14 апреля 1905 г. // ЦГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 118. Л. 1 об.

[10] Московские ведомости. 1905. 18 мая.

[11] Там же. 15 окт.

[12] Там же.

[13] Сборник программ политических партий в России. СПб., 1906. С. 13—16, 52—55.

[14] Там же. С. 14.

[15] Устав и Основоположения союза русского народа. М., 1906.

[16] Там же. С. 10.

[17] Там же. С. 11.
[18] Русское знамя. 1907. 18 сент.
[19] Устав и Основоположения союза русского народа. С. 4.
[20] Устав общества под названием союз русского народа. СПб., б. г.
[21] Сборник программ политических партий в России. С. 17—20.
[22] ЦГАОР СССР. Коллекция документов о «Союзе русского народа».
[23] Сборник программ политических партий в России. С. 23.
[24] Там же. С. 26—27.
[25] ЦГАОР СССР. Коллекция документов о «Союзе русского народа».
[26] Устав союза русских рабочих людей. Киев, 1907. С. 3.
[27] Там же.
[28] Устав киевского патриотического общества молодежи под именем «Двуглавый орел». Екатеринослав, 1910. С. 1.
[29] Киевлянин. 1906. 20 нояб.

Б. Д. ГАЛЬПЕРИНА

ЧАСТНЫЕ СОВЕЩАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ — ЦЕНТР СПЛОЧЕНИЯ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ РОССИИ

В марте—апреле 1917 г., когда у власти находилось буржуазное правительство Львова—Гучкова—Милюкова, Временный комитет Государственной думы представлял собой некое подобие верховной власти, которому с формальной точки зрения как бы было подотчетно и Временное правительство. Поэтому и контрреволюционная сущность комитета не афишировалась открыто. Положение резко изменилось после Апрельского кризиса. Политическое поражение лидера кадетской партии П. Н. Милюкова и лидера партии октябристов А. И. Гучкова, выявившееся в ходе кризиса, заставило лидеров комитета занять более четкую позицию. А сам Милюков стал смотреть на Временный комитет и на созывавшиеся при нем частные совещания членов Думы как на трибуну, которую можно противопоставить не только Совету, но и эсеро-меньшевистской части Временного правительства. Уже совещание членов Думы всех четырех созывов, проведенное в день 11-летнего юбилея открытия I Государственной думы, 27 апреля 1917 г., привлекло значительное внимание к совещаниям Думы как своеобразному форуму общественного мнения. Этот «капитал», нажитый с помощью кадетов и даже меньшевиков и эсеров, и решили теперь использовать руководители Временного комитета Государственной думы, к которым открыто присоединился Милюков, в своей борьбе против дальнейшего развития революции. Так в условиях первого кризиса Временного правительства родилась идея регулярного созыва частных совещаний членов IV Государственной думы.

Их деятельность уже давно привлекала внимание советских

историков, а в 1932 г. вышел в свет сборник «Буржуазия и помещики в 1917 г.», подготовленный на основе материалов частных совещаний. Вместе с тем сравнение этой публикации с подлинными протоколами совещаний, хранящимися в ЦГИА СССР, показывает, что в книгу не была включена не только стенограмма заседания 5 июня 1917 г., но и ряд принципиально важных выступлений на других заседаниях (С. И. Шидловского, И. И. Дмитрюкова и др.). В последующем изложении мы будем опираться и на неопубликованную часть фонда частных совещаний.

Чтобы показать, что Временный комитет и частные совещания членов IV Думы действительно являлись центром сплочения и выражения мнения правых контрреволюционных сил, проанализируем состав ораторов на заседаниях с 4 мая по 20 августа 1917 г.[1] по их партийной принадлежности (после 20 августа публичные заседания членов Государственной думы не проводились) (см. табл. 3).

Основную массу ораторов на совещаниях дали октябристы (35 ораторов), вдвое больше, чем кадеты, и почти половину от общего числа ораторов (84 человека). Второе место занимали кадеты. На 12 совещаниях выступили 16 ораторов. Правда, на четырех из них представители партии не выступали. Больше всего кадетов выступило на первом из совещаний, 4 мая, когда основной доклад делал П. Н. Милюков.

Все это закономерно отражает привычную картину контрреволюционного лагеря, как она рисуется нам при общем анализе источников и литературы. Но далее начинаются неожиданности. 31 оратор принадлежал к партиям, которые стояли правее кадетов и даже октябристов: 10 прогрессистов, 9 националистов, 5 представителей бывшей «партии центра» и 7 откровенно правых. Даже если присоединить прогрессистов к кадетам, то соотношение составит 26 к 56! Таким образом, общий тон в частных совещаниях в массе задавали бывшие октябристы и представители более правых партий, а не кадеты, хотя они во многом и влияли на ход прений.

Сказанное не означает какого-либо выведения кадетов «за рамки» буржуазно-помещичьей контрреволюции в 1917 г. Наоборот, участие кадетов в частных совещаниях членов Государственной думы показывает их блокирование с самыми ярыми противниками подлинно демократических преобразований. Приведенные факты подтверждают вывод о том, что контрреволюция в 1917 г. соединилась с кадетами, «пряталась» за них. Позиция кадетской партии, особенно в мае—августе, означала идеологическое оформление самой махровой буржуазной и помещичьей контрреволюции.

Данные табл. 3 дают основание и для некоторых других выводов. Так, в мае и июне состоялось по четыре частных совещания, а в июле и августе — по два. В мае выступили 30 ораторов, в июне — 22, в июле — 19, в августе — 13. Это отражает падение влияния Временного комитета как учреждения по мере того, как в конце июля было объявлено о созыве Государственного совещания в Москве, а в августе крупная буржуазия перешла к другим, более независимым от формальных учреждений и более конспиративным

ТАБЛИЦА 3

Партийный состав ораторов на частных совещаниях Государственной думы *

Бывшие фракции Думы	4.V	12.V	20.V	27.V	3.VI	5.VI	16.VI	28.VI	2.VII	18.VII	1.VIII	20.VIII	Всего
Меньшевики				1									1
Кадеты	3	1		2	2		2		2	1	2	1	16
Октябристы	4	1	2	2	2	4	2	4	3	4	2	5	35
Прогрессисты		1	2		1		1	1	2	2			10
Националисты	1	2	1	1	1			1	1	1			9
Центр			2						1		2		5
Правые		1	1	2			1			1		1	7
Мусульманская группа									1				1

* Составлено на основе изучения стенографических отчетов 12 заседаний, хранящихся в ЦГИА СССР (Ф. 1278. Оп. 5. Д. 292—302).

формам борьбы с революцией. Май—июнь дают нам 52 оратора, а июль—август — 32. В то же время именно 18 июля состоялось одно из самых «знаменитых» частных заседаний членов Государственной думы, где нападки и клевета на революцию и ее вождей, на Советы и рабочий класс были наиболее злобными. Как известно, это выступление вызвало широкую волну возмущения рабочих и солдат.

Однако и до того частные совещания выражали точку зрения организующейся контрреволюции. На заседании 4 мая 1917 г. А. И. Гучков, только что ушедший в отставку с поста военного министра, бросал в лицо Совету рабочих и солдатских депутатов следующие обвинения. «Когда правительство,— говорил он,— вынуждено управлять страной, находящейся в таких тяжелых условиях, как условия внешней войны и внутреннего хаотического брожения и грандиозного переустройства, то именно в этих условиях как никогда требуется вся полнота власти наверху и такая же полнота повиновения внизу. Если же внизу повинуются по этой формуле, которая у нас установилась: „постольку, поскольку это хочется", то тогда несомненный развал правительственной власти неизбежен, а за ним последует и развал всех тех жизненных органов, всех тех ячеек, из которых слагается весь этот большой и сложный

государственный механизм народного хозяйства. Именно эта организованная анархия, эта анархия, вошедшая в систему, ставшая методом управления и основным источником развала страны, эта анархия, конечно, наиболее болезненно и тягостно отражалась на том сложном и хрупком организме, с которым мне приходилось иметь дело,— на армии и флоте»[2]. Эта мрачная картина имела своего точно рассчитанного адресата — эсеро-меньшевистских вождей Петроградского Совета. Именно к ним обращался Гучков с призывами и угрозами. Ибо если они не остановят процесс дальнейшего развития революционного движения, победит социалистическая революция, которая будет означать конец всему старому государству, в том числе и партиям меньшевиков и эсеров.

До высот настоящей трагедии возвышался голос Гучкова, когда он предрекал близкую гибель всего капиталистического строя, если уже сейчас, в начале мая, не поставить предел развитию революции. «Когда начнет расстраиваться и замирать работа нашей промышленности, а потом и совсем приостановится, когда появится у нас массовая безработица, когда и в армию и в страну будут поступать предметы первой необходимости в уменьшающейся прогрессии, когда разрушительная работа отразится, наконец, на важнейшей отрасли нашей промышленности — сельскохозяйственной, когда разруха захватит и железные дороги вследствие угрожающего нового кризиса с дровяным топливом, тогда, господа, мы получим опять ту картину, которую мы имели два месяца назад. Только кризис этот будет много острее и результаты его для государства — более гибельны. И как бы не произошло то, о чем только вчера говорил на одном собрании представитель социалистической партии, как бы не произошел народный бунт — бунт, поднявшийся из глубины народных желудков. Но на этот раз бунт будет направлен не только против представителей власти, которая, как и старая власть, будет сочтена виновницей народного бедствия, но против всех общественных классов, которые играют руководящую роль в нашей народнохозяйственной жизни»[3].

Как видим, изобретение угрозы «костлявой руки голода» как средства давления на руководителей Советов принадлежит не Рябушинскому, а Гучкову, хотя он не употребил прямо этого выражения. Если по отношению к эсеро-меньшевистскому руководству Петроградского Совета и министрам-социалистам речь Гучкова носила характер угрозы, то для капиталистов и помещиков она являлась своеобразной программой, руководством к организации саботажа и экономической борьбы против рабочего класса и революции.

12 мая на закрытом заседании совещания доклад об экономическом положении страны делал А. А. Бубликов. Классовая направленность этого доклада хорошо видна из следующих слов оратора. «Ведь сейчас,— говорил он,— величайшей популярностью пользуется мысль, что за результаты войны, за тяготы, ею принесенные, должны расплачиваться более или менее сильные экономически, мощные верхние классы населения —

это буржуи. Иначе говоря, поставлен во всю ширь, в полном масштабе столь любезный русскому народу вопрос о перераспределении благ. Этот вопрос всегда был русским людям дороже вопроса о создании благ. Основное свойство русской души, ее стихийное стремление к насаждению справедливости на земле, оно всегда влекло нас к устранению несправедливого распределения благ в стране путем разделения того, что есть наверху, а не путем приближения низов к этому благоденствующему верхнему слою» [4]. За высокомерным сарказмом Бубликова скрывался страх собственника за свои награбленные богатства, стремление любой ценой отстоять высокие прибыли капиталистов, нажившихся на войне.

20 мая И. Н. Ефимов заявлял, что по всей стране «существует революционная анархия» [5]. В. В. Шульгин же посвоему излагал программу революционного пролетариата, который-де говорит буржуазии: «Нет, господа капиталисты, тут нас не проведешь! Предприятие-то мы возьмем, но вас цепочкой к ним прикуем и принудительной повинностью вы будете в этих предприятиях хозяйничать. И эти господа, объявивши свободу стачек, хлебнувши свободы в полной мере, хотят основываться на рабском труде. Вот где мы, во власти какой психологии мы находимся. Господа, причины здесь сложные. Одна причина, я бы сказал, это все-таки значительное невежество в социальных вопросах. Ведь этим людям твердили бог знает сколько лет, что все дело в капиталистах, и никто никогда не догадался им сказать, что если все разделить и переделить, то все-таки Россия будет бедная страна и все-таки роскошно жить не придется. Такие простые истины не проповедовались. Их нужно сейчас говорить впервые, как новые открытия» [6].

П. Н. Милюков, выступая 3 июня на совещании с докладом о внешней политике России, не жалел слов, чтобы бросить тень на большевистскую партию: обвиняя ее в «ведении германской интриги», выдвигал прямые обвинения против В. И. Ленина в связях с Германией. То, что говорил здесь «в своем кругу» лидер кадетской партии и экс-министр иностранных дел, скоро официально повторят Керенский и Переверзев, Терещенко и Некрасов. «Русское общество,— вещал Милюков,— должно сплотиться для борьбы с опасностью того большевизма, который, правда, один договаривает свои мысли до конца, но который умеет внушить свои мысли очень многим людям, не знающим их происхождения и не понимающим, куда эти мысли идут» [7]. Если такие вещи позволял себе Милюков, то что говорить о В. М. Пуришкевиче! «Великий полководец всех времен Наполеон Бонапарт говорил,— заявлял Пуришкевич,— есть только два способа привести взбунтовавшуюся армию в порядок: один — распустить ее до последнего человека, другой — залить ее морем крови. Распустить армию мы не можем, ибо она стоит перед внешним врагом, залить кровью виновных и всех не нужно, а нужна кровь. Все это придется открыто говорить о тех, которые

подстрекают народные толпы, кто подстрекает армию к эксцессам и беспорядкам, и до тех пор, пока Военное министерство и военный министр не станут на эту здоровую точку зрения, которая во все времена приводила армию в порядок, до тех пор и порядка в русской армии не было, не будет и быть никоим образом не может» [8].

Пуришкевич так разошелся, что даже М. В. Родзянко вынужден был, прервав его, заявить: «Член Думы Пуришкевич, Вы заходите слишком далеко...» [9].

Итак, несмотря на различную партийную принадлежность, в выступлениях ораторов стирались грани между кадетами, националистами, черносотенцами. Всех их объединяли ненависть к революции и ее органам: Советам и комитетам, стремление к твердой власти. Не случайно, что именно в адрес Временного комитета Государственной думы приходят письма и телеграммы от религиозных обществ, землевладельцев различных губерний, мелких собственников, домовладельцев и реакционно настроенных частных лиц с жалобами на захваты их земель, сельскохозяйственного инвентаря, на деятельность земельных комитетов [10].

Еще более злобными и контрреволюционными стали выступления членов частного совещания Государственной думы в июле и августе 1917 г. Нет возможности приводить их измышления по адресу Советов, относительно требований рабочих, разложения армии. Однако именно в августе значение частных совещаний как легального контрреволюционного центра начинает падать. Дума, как учреждение, тесно связанное со старым царским строем, окончательно дискредитировала себя в глазах широких народных масс. Требования о ее роспуске стали повсеместны. К тому же на смену частным совещаниям Государственной думы и ее Временного комитета стали подниматься новые организации контрреволюционной буржуазии и помещиков. Это прежде всего совещание общественных деятелей в Москве. Затем Государственное совещание, названное большевиками органом коронации контрреволюции. Помощь корниловским заговорщикам была первым практическим делом не только правых сил, но и кадетов. В конце августа к активной конспиративной деятельности против революции переходит А. И. Гучков. В сентябре 1917 г. формирование конспиративных контрреволюционных организаций усиливается.

Все это привело к тому, что частное совещание членов Государственной думы от 20 августа стало последним. После поражения контрреволюционного корниловского мятежа буржуазия скоро начала готовить вторую корниловщину, собирать силы для разгрома революции и установления военной диктатуры. В этих условиях она уже не обращала внимания на Государственную думу, официальное упразднение которой 7 октября прошло уже при равнодушии как слева, так и справа. Обильный материал, который оставили после себя частные совещания членов Государ-

ственной думы, стал обвинительным актом против контрреволюционных замыслов и политики русской буржуазии и помещиков. Недаром В. И. Ленин уже в мае 1917 г. назвал частные совещания организующейся контрреволюцией [11].

[1] Непролетарские партии в России: Урок истории. М., 1984. с. 241—242.
[2] Буржуазия помещики в 1917 г. М.; Л., 1932. С. 4—5.
[3] Там же. С. 7.
[4] Там же. С. 31.
[5] Там же. С. 68.
[6] Там же. С. 70.
[7] Там же. С. 109.
[8] Там же. С. 126.
[9] Там же. С. 128.
[10] ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1380, 1383, 1385, 1386, 1387, 1394, 1213.
[11] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 34.

В. П. ФЕДЮК

КОНФЕРЕНЦИЯ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ В МАЕ 1918 г.

Майская 1918 г. конференция была последним кадетским форумом, решения которого позволяют понять эволюцию политического поведения кадетов — от попыток играть роль правительственной партии в рамках системы буржуазной демократии к поддержке диктаторских режимов Деникина и Колчака.

В исторической литературе достаточно обстоятельно проанализированы решения майской кадетской конференции по вопросам международной ориентации [1]. В данной статье предпринята попытка показать значение этой конференции для формирования кадетской откровенно реакционной тактики.

Конференция проходила в Москве с 26 по 29 мая 1918 г., заседания ее носили полулегальный характер. Декретом от 28 ноября 1917 г. кадеты были объявлены партией врагов народа. Тогда же был арестован ряд представителей кадетского руководства, но уже в марте 1918 г. они были выпущены на свободу. До лета 1918 г. Советская власть не применяла по отношению к кадетам репрессивных мер. В провинции продолжали существовать, хотя и в значительно ослабленном виде, местные кадетские организации. В Москве, куда с весны 1918 г. переместился руководящий центр кадетской партии, регулярно заседало бюро ЦК, действовали районные комитеты.

Конференцию кадетское руководство обставило атрибутами конспирации, но при ближайшем рассмотрении они носят явно нарочитый, театральный характер. «Нелегальная» конференция про-

ходила по хорошо известному адресу — в помещении партийного клуба в Брюсовом переулке. Резолюции, принятые на ее заседаниях, на следующий день появлялись на страницах буржуазных газет. Создавая партии репутацию гонимой, кадетское руководство пыталось поднять вес предпринимаемых им акций в глазах буржуазной общественности и иностранных представителей.

Из 28 губернских комитетов, куда предварительно были посланы приглашения, своих представителей на конференцию прислали только 20 [2]. В середине апреля 1918 г. кадетский ЦК направил в провинцию своих представителей, для того чтобы выяснить имеющиеся на местах силы и возможности. Донесения этих эмиссаров рисуют картину быстро прогрессирующей деградации провинциальных кадетских организаций. Большинство партийных отделов в губернских городах признало невозможной какую-либо активную деятельность [3]. Связей с уездами губернские комитеты, как правило, не имели. Кадетские организации в уездах и волостях в основной своей массе были созданы летом 1917 г. путем искусственного насаждения сверху. В новой ситуации они оказались наименее жизнеспособными. Из 36 приглашенных на майскую конференцию уездных организаций на ней было представлено лишь 17. В справках, составленных по донесениям вернувшихся из провинции эмиссаров ЦК, положение дел в уездах суммировалось следующим образом: «Надо считать несомненным, что все уездные организации, наспех сколоченные специально для выборов, прекратили свое существование» [4]. Из 37 провинциальных комитетов, приславших в Москву своих делегатов, 25 представляли ближайшие к ней губернии, а всю Сибирь, например,— единственный делегат из Томска. Безусловно, гражданская война к весне 1918 г. уже отсекла от центра страны обширные районы, но и с учетом этого майская конференция не дотягивала до уровня всероссийской.

С докладом о внутреннем положении и ближайших перспективах перед делегатами конференции выступил П. И. Новгородцев. Это само по себе примечательно, так как Новгородцев считался в ЦК правым, причем одним из наиболее непримиримых. В 1917 г. внутрипартийные разногласия между правыми и левыми имели для кадетов следствием «тактическую лихорадку» со значительной амплитудой колебаний. После свержения Временного правительства традиционные споры получили новое направление. Речь на этот раз шла о наиболее эффективных путях борьбы против Советской власти. Что предпочесть — блок с эсерами под лозунгом Учредительного собрания или союз с правыми для реставрации монархии? Разногласия по этому вопросу не успели зайти далеко, ибо надежды как на левую, так и на правую комбинацию рухнули почти одновременно. В январе 1918 г. Учредительное собрание было разогнано, а спустя непродолжительное время стало известно о падении калединского режима на Дону, поражении Добровольческой армии под Екатеринодаром и смерти Корнилова.

Идея Учредительного собрания быстро теряла популярность среди кадетов. Накануне майской конференции ЦК принял

на пленарном заседании специальную резолюцию, в которой говорилось, что Учредительное собрание старого состава «не было бы в состоянии осуществить принадлежащих ему функций... и потому возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным». В противовес этому был выдвинут лозунг «установления в той или иной форме сильной единоличной власти, способной восстановить национальное единство» [5]. Это свидетельствовало о сдвиге вправо в политическом сознании кадетов. «В нашей среде,— писал позднее член кадетского ЦК Л. А. Кроль,— ясно вырисовывалось новое ответвление — национал-либералов. Это либеральное течение естественно легко мирилось с монархией» [6].

Однако на конференции слово «монархия» не звучало. Причина подобного умолчания крылась в новой тактической линии, провозглашенной в докладе П. И. Новгородцева. Суть ее состояла в создании «объединенного национального фронта» с привлечением как правых, так и левых политических групп [7]. Себе же кадеты отводили здесь роль «национального центра». Таким образом, майская конференция отразила тенденцию, которая позднее, в годы гражданской войны, нашла проявление в деятельности межпартийных контрреволюционных объединений.

Расчеты на создание единого антисоветского фронта побуждали кадетов к осторожности в формулировках. ЦК исключил из первоначального проекта резолюции по докладу Новгородцева указание на то, что «цели партии носят правый характер» [8]. Таким же жестом в сторону мелкобуржуазной демократии было отсутствие в документах конференции упоминания о монархии. Тем не менее это не означало возврата к «левой ориентации», доказавшей свою несостоятельность уже в 1917 г. Монархизм легко уживался у кадетов с демократической фразеологией. В ходе предварительного обсуждения повестки дня предстоящей конференции ЦК отказался от мысли ставить вопрос об изменении параграфа 13 программы партии, который с марта 1917 г. провозглашал идеалом государственного устройства парламентскую республику. Мотивировалось это тем, что, если монархия будет конституционной, кадеты смогут принимать участие в государственной жизни, оставаясь республиканцами; если же правые создадут монархию «неприличную», республиканизм будет выражением кадетской оппозиции [9].

Поиск наиболее действенных средств борьбы против Советской власти доминировал и при обсуждении вопроса о международной ориентации. С докладом на эту тему перед делегатами конференции выступил М. М. Винавер. Германофильские настроения, появившиеся в кадетской партии после краха корниловской авантюры, еще более усилились, когда провал первых антисоветских выступлений поставил под вопрос возможность реставрации дооктябрьских порядков силами внутренней контрреволюции. Весной 1918 г. это привело к прямому расколу партии. Киевские кадеты вступили в прямое сотрудничество с немцами, ок-

купировавшими Украину, и организационно обособились от ЦК, создав свой руководящий центр — Главный комитет. На прогерманских позициях стояли организации Ярославской, Казанской губерний. С другой стороны, ряд кадетских комитетов Украины, например харьковский и черниговский, продолжали придерживаться традиционной союзнической ориентации.

Сильная германофильская группа имелась и в самом ЦК. При таком положении дел трудно понять без дополнительных объяснений то единодушие, с каким делегаты майской конференции поддержали резолюцию по докладу Винавера, подтверждавшую верность союзникам [10].

В вопросах международной ориентации политика кадетов имела своеобразное двойное дно. На майской конференции был заслушан специальный доклад Н. И. Астрова о поведении членов партии в районах, захваченных германскими войсками. Принятая по докладу резолюция запрещала местным кадетским комитетам какое-либо сотрудничество с немцами, особо оговаривая, что и в оккупированных районах партийные организации должны продолжать работать по директивам ЦК [11].

Речь, таким образом, недвусмысленно шла о поведении киевской группы. Тем не менее конкретный адрес не был указан. Более того, на заседании бюро ЦК 14 мая 1918 г. было принято решение, позволявшее отделам партии на оккупированных территориях создавать свои главные комитеты, действующие самостоятельно [12]. По ходатайству бюро пленум ЦК 17 мая 1918 г. принял решение не выносить положение дел на Украине на обсуждение конференции под предлогом недостаточной информации по этому вопросу. Таким образом, формально осуждая, ЦК фактически одобрил сотрудничество с оккупантами.

Косвенное одобрение прогерманского курса прозвучало и в выступлении М. М. Винавера: «Надо открыто сознаться,— говорил он,— что для свержения большевиков ориентация на Германию действительно является наилучшим, наиболее скорым и решительным средством» [13].

В докладе и в принятой по его итогам резолюции подчеркивалось, что соглашение с Центральными державами неприемлемо прежде всего по политическим соображениям [14]. Так решенный на первый взгляд в пользу союзников вопрос о международной ориентации фактически ставился в зависимость от исхода противоборства на фронтах мировой войны. Подобная постановка была приемлема и для германофилов. Не случайно после германского наступления на Марне летом 1918 г. группа петроградских кадетов обратилась через корреспондента одной из берлинских газет к правительству Германии с призывом организовать поход на Москву для свержения Советской власти [15].

Кадетское руководство ради сохранения свободы рук пыталось всеми силами избежать вынесения на конференцию вопросов, требовавших однозначного решения. В апреле 1918 г. французское дипломатическое представительство обратилось к ка-

детам с предложением высказать свое отношение к десанту войск Антанты в Советскую Россию. Речь шла, другими словами, о прямом призыве интервентов. Бюро ЦК сочло это возможным, но вынесло окончательное решение на пленарное заседание 17 мая [16]. После оживленных дебатов большинство членов ЦК склонились к согласию на французское предложение. Но так же как это уже имело место в отношении ситуации на Украине, вопрос о союзническом десанте было решено на конференцию не выносить, а «устроить после нее беседу с докладом о Мурмане» [17]. Умолчание оставляло возможность внесения корректив в тактический курс в случае изменения политической конъюнктуры.

Все конкретные шаги, предпринимавшиеся кадетами с октября 1917 г., диктовались стремлением уничтожить победившую пролетарскую революцию. Разногласия же в сфере тактики сводились к стремлению поставить на выигрышную карту. В. И. Ленин писал: «Кто вдумывается в политическую жизнь, тот не может не видеть, что кадеты с правыми эсерами и с меньшевиками сговариваются меж собой о том: русско-немецкий или русско-японский Корнилов «приятнее», коронованный или республиканский Корнилов лучше и вернее раздавит революцию» [18].

Примечательно, что эти ленинские строки были опубликованы в «Правде» как раз накануне майской конференции. В ее решениях, несмотря на их в большинстве случаев половинчатый характер, нашел проявление политический курс, взятый кадетами на вооружение в годы гражданской войны. Ставка на интервенцию и диктатуру была последней надеждой кадетов, и крах этих расчетов был и крахом кадетской контрреволюции.

[1] *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России, 1917—1920 гг. М., 1968; *Он же.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России, Начало XX в.— 1920 г. М., 1977; *Соловьев О. Ф.* Великий Октябрь и его противники: О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 — июль 1918). М., 1968; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром, Октябрь 1917 — 1920 гг. М., 1982.

[2] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 621. Д. 8.

[3] Там же. Д. 1033. Л. 9; Д.1030. Л. 9; *Кроль Л. А.* За три года. Владивосток, 1921. С. 44—45.

[4] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1030. Л. 10.

[5] Там же. Д. 717. Л. 1.

[6] *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 15.

[7] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 721. Л. 10.

[8] Там же. Д. 700. Л. 7.

[9] *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 15.

[10] По Л. А. Кролю, резолюция была принята при одном голосе против. Согласно воспоминаниям П. П. Юренева, против голосовало четыре делегата. См.: *Кроль Л. А.* Указ. соч. С. 46; *Юренев П. П.* В 1918 году // М. М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937. С. 132.

[11] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 723. Л. 1.

[12] Там же. Д. 621. Л. 6. [13] Там же. Д. 622. Л. 4. [14] Там же. Д. 623. Л. 5.

[15] *Гессен И. В.* В двух веках // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 23. С. 406.

[16] ЦГАОР СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 621. Л. 9—14.

[17] Там же. Д. 700. Л. 6.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 360—361.

НЕОНАРОДНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ

Н. Д. ЕРОФЕЕВ

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ ПАРТИИ ЭСЕРОВ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В обстановке революционной ситуации начала XX в. интенсивно шел процесс образования различных политических группировок. Классы и другие общественные слои, готовясь к открытой борьбе, совершенствовали свое идеологическое и политическое оружие. В январе 1902 г. официально заявила о своем образовании партия социалистов-революционеров. В нашей литературе эта партия правильно характеризуется как партия мелкобуржуазная, неустойчивая в идейном, политическом и тактическом отношениях, организационно рыхлая. Но эти оценки слишком общи, они распространимы на мелкобуржуазные партии как тип. В приложении к партии эсеров не все из них и не на всех этапах истории партии получили пока достаточное конкретно-историческое раскрытие. Сказанное прежде всего относится к периоду от зарождения партии до февраля 1917 г. Этап, предшествующий первой революции, исключения не составляет. Неизученным остается и вопрос о численности и составе партии в этот период. А это вопрос существенный, поскольку с ним связаны в значительной мере количественная и качественная характеристики партии как определенной социальной и политической величины.

Неисследованность до сих пор этого вопроса объясняется не только тем, что действительно научное изучение партии эсеров началось сравнительно недавно. Проанализировать статистику по любому вопросу, особенно при современных технических возможностях, не так уж и сложно. Трудность заключается в том, что нужные статистические данные в готовом для обработки виде отсутствуют, более того, необходимо проделать кропотливую предварительную работу по выявлению, анализу и систематизации самих этих данных. Каких-либо сведений по этому вопросу, исходящих от самой партии эсеров, найти пока не удалось. Есть все основания предполагать, что из-за крайне низкого уровня организационного состояния партии и ее нелегального по-

ложения никакого учета партийных кадров в рассматриваемый период у эсеров не велось. В обрисованной ситуации остается лишь одно — обратиться к документам политического сыска и попытаться на их основе, естественно при соответствующем критическом толковании этих документов, в какой-то мере решить поставленную исследовательскую задачу.

Чтобы придать большую целенаправленность поискам и сузить в известной степени возможность внесения неточностей в конечный результат еще на предварительной стадии работы, необходимо было прежде всего выяснить более или менее определенно вопрос о том, сколько и какие конкретно организации входили в состав партии эсеров перед первой революцией. В немногочисленной литературе, затрагивающей этот вопрос, наблюдается известное расхождение. А. И. Спиридович в своей работе «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники» (Пг., 1918) называет 53 организации, М. И. Леонов — 62 [1]. Данные М. И. Леонова приводятся и А. Д. Степанским в книге «Непролетарские партии России: Урок истории» (М., 1984. С. 33). К сожалению, авторы не указывают источники, которыми они пользовались. Анализ документов, которые были в нашем распоряжении [2], дает несколько иные результаты.

Так, в одном из докладов, представленных руководством эсеровской партии Амстердамскому конгрессу II Интернационала, состоявшемуся в середине августа 1904 г., перечислена лишь 41 организация (16 комитетов и 25 групп) [3]. Однако эти цифры нельзя признать окончательными, поскольку доклад готовился наверняка не позже первой половины 1904 г., а значит, те организации, которые образовались во второй половине года не могли быть учтены. Для выявления общей картины обратимся к разделу «Из партийной деятельности» 59 номеров центрального органа партии эсеров газеты «Революционная Россия», которые вышли до начала первой революции. За период с 1902 по 1904 г. включительно в них называются 54 организации. Эта цифра фактически не отличается от цифры, приводимой Спиридовичем, поэтому на ней, казалось бы, можно было и остановиться. Однако одно обстоятельство заставило усомниться в том, что названная цифра отражает действительное положение дел в интересующем нас вопросе.

Подавляющее большинство организаций поименовано в газете в связи с изданием и распространением ими листовок, причем некоторые из них упоминаются всего лишь один-два раза. Это побудило приглядеться к этим организациям более пристально, посмотреть, в частности, какое отражение они нашли в документах политического сыска. В результате оказалось, что 14 организаций в документах сыскных органов или совсем не упоминаются, или отмечается, что до 1905 г. в этих местах сорганизованных эсеров не было. Эти факты говорят о том, что если в данных местах и возникало нечто подобное организации эсеров, то это объединение носило кружковый характер и, по-видимому, исчерпывало себя и свои си-

лы изданием одной-двух прокламаций. Относить его к организациям партийным, по нашему мнению, было бы неправильно [4]. Организации, о которых идет речь, следующие: вологодская, орхангельская, ярославская, орловская, елецкая, пинская, александровская, херсонская, группа эсеров в Крыму, тифлисская, батумская, азовская, местная группа сибиряков, рижская. Организациями подобного рода являются 13 из 53, названных Спиридовичем. Пять таких организаций фигурируют в эсеровском докладе Амстердамскому конгрессу: азовская, елецкая, орловская, тифлисская и херсонская. Таким образом, партийными можно считать среди названных «Революционной Россией» лишь 40 организаций, А. И. Спиридовичем — 40, в докладе Амстердамскому конгрессу — 36.

После критического рассмотрения и сопоставления сведений различных источников мы пришли к заключению, что относительно удовлетворительный ответ на вопрос о количестве эсеровских партийных организаций к 1905 г. можно получить, дополнив уточненный список доклада Амстердамскому конгрессу следующими семью организациями: северо-западный областной комитет, пермская, уфимская, сибирский областной союз, красноярская, бакинская и заграничный комитет. Таким образом, перед первой российской революцией в партии эсеров было не 53 организации и тем более не 62, а лишь 43 (см. табл. 4, 5).

Исходя из представления о партии как сумме ряда организаций, рассмотрим вопрос о численности и составе каждой из 43 организаций и партии эсеров в целом. Базу данных для подсчета составили сведения, почерпнутые из документов политического сыска департамента полиции. Эти сведения не являются, конечно, абсолютно точными, но не следует игнорировать и обстоятельство, способствовавшее повышению их качества. Эсеровский террор направлялся в значительной мере против чинов охранного ведомства, и эти чины не только в целях государственной, но и личной безопасности были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы иметь об эсерах надежную информацию. Информация эта получалась по разным каналам. Значительная доля ее поступала через внутреннюю центральную и местную агентуру. По нашему мнению, составить общую картину об эсерах на основе этой информации, решить хотя бы приблизительно поставленную исследовательскую задачу вполне возможно.

Заграничный съезд эсеров, состоявшийся в июле 1903 г., выражая резко возросшие террористические настроения в партии вследствие вскрывшейся во время всеобщей стачки на юге России неспособности эсеров установить прочные связи с массами и оказывать серьезное влияние на их движение, а также факта поражения этой стачки, высказался за усиление террора. Департамент полиции, поставленный в известность об этом решении своей агентурой, не замедлил отреагировать. Уже в августе особый отдел разослал циркуляр губернским жандармским управлениям и охранным отделениям с предписанием к 1 ноября представить сведения обо всех эсерах, известных этим органам. На каждое лицо

должна была быть составлена отдельная справка с указанием возраста, вероисповедания, сословной принадлежности, занятия, семейных, родственных и революционных связей, места проживания, когда и по какому политическому делу привлекалось это лицо, какое понесло наказание.

Ответы местных полицейских органов на этот циркуляр составили объемистое, десятитомное дело, озаглавленное «Сведения о лицах, принадлежащих к партии социалистов-революционеров» [5]. В девяти томах, со второго по десятый, собраны справки на 1834 лица. Они сгруппированы не по регионам или эсеровским организациям, а по алфавитному принципу. Во втором томе, например, находятся справки на лиц, фамилии которых начинаются с «А» и «Б», в третьем — с «В» и «Г» и т.д. Некоторые местные полицейские органы посчитали достаточным выслать вместо справок общие списки с минимальными сведениями об указанных в них лицах. Такие списки были присланы из Харькова, Курска, Витебска, Иркутска, Уфы и Севастополя. В общей сложности эти списки охватывают 202 человека. Они собраны в первом томе вместе с сообщениями одних полицейских органов о том, что они выслали требовавшиеся от них справки и в каком количестве, а других — что эсеров в подведомственном им регионе не наблюдается. Ответы последнего типа были получены от 26 губернских жандармских управлений.

Ряд местных полицейских органов циркуляр поставил в затруднительное положение, поскольку они просто не знали, кто такие эсеры. За дополнительными разъяснениями по этому вопросу в департамент полиции обращались, например, начальники Новгородского и Курляндского губернских жандармских управлений. Среди заведующих местных сысков были и такие, которые в своем исполнительном рвении дошли до того, что зачислили в эсеры всех причастных так или иначе к противоправительственной деятельности, в то время как действительных эсеров в их регионах в то время не было. Такого характера сведения поступили от Новгородского, Костромского, Ярославского и ряда других ГЖУ. В результате в число эсеров попали, с одной стороны, отдельные либералы, контактировавшие с революционной средой, например Д. И. Шаховской, И. П. Белоконский, с другой — большевики В. В. Воровский, М. И. Калинин. Департамент полиции, знакомясь с поступавшими сведениями, вынужден был признать, что существует «неясность» относительно «общих и основных признаков тех революционных групп, борьба с которыми является насущной задачей политического розыска». С целью выправить положение в октябре 1903 г. был разослан на места дополнительный циркуляр с подробными указаниями, в чем заключается сущность социал-демократов и эсеров, каковы различия между ними.

Смутные представления об эсерах даже в полицейских кругах свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период эта партия как антиправительственная сила сколько-нибудь серьезного значения не имела. Вместе с тем эти представления, найдя соответствую-

ТАБЛИЦА 4

Численность и сословный состав партии эсеров перед первой российской революцией

Организация	Сословие						
	Мещане	Крестьяне	Дворяне и чиновники	Духовенство	Купцы и почетные граждане	Сословие не выяснено	Всего
Петербургская	68	30	60	4	34	20	216
Московская	54	22	50	8	31	28	193
Тверская	3	12	2	—	1	5	23
Тульская	3	1	1	—	—	26	31
Нижегородская	—	—	—	—	—	26	26
Брянская	11	6	—	—	—	—	17
Саратовская	35	52	15	6	12	19	139
Самарская	5	5	6	2	—	—	18
Казанская	4	6	2	—	—	11	23
Астраханская	?	?	?	?	?	?	?
Пензенская	5	6	7	5	2	1	26
Тамбовская	14	29	14	6	3	—	66
Минская	26	—	1	—	2	—	29
Виленская	10	—	—	—	1	5	16
Витебская	32	2	2	—	7	1	44
Двинская	13	—	1	—	1	—	15
Гомельская	20	–	—	—	1	6	27
Белостокская	10	–	—	—	1	4	15
Смоленская	20	—	6	—	4	3	33
Северо-Западная область	15	—	—	—	1	3	19
Киевская	250	38	89	7	30	2	416
Полтавская	10	3	1	1	—	1	16
Харьковская	38	2	29	8	7	4	88
Екатеринославская	133	12	3	—	1	32	181
Черниговская	8	1	7	—	2	—	18
Волынская	9	—	2	—	1	3	15
Бердичевская	18	1	—	—	—	1	20
Елизаветградская	5	1	—	—	—	1	7
Воронежская	11	8	8	—	1	—	28
Курская	3	—	4	—	—	23	30
Одесская	396	32	26	1	19	5	479
Николаевская	10	4	2	—	3	3	22

ТАБЛИЦА 4 (окончание)

Численность и сословный состав партии эсеров перед первой российской революцией

Организация	Сословие						
	Мещане	Крестьяне	Дворяне и чиновники	Духовенство	Купцы и почетные граждане	Сословие не выяснено	Всего
Кишиневская	45	5	12	—	10	3	75
Севастопольская	4	—	1	—	—	2	7
Бакинская	1	1	1	—	—	3	6
Пермская	18	6	5	1	5	2	37
Екатеринбургская	7	5	5	—	6	1	24
Уфимская	12	1	12	—	2	2	29
Томская	5	2	4	—	1	20	32
Красноярская	4	1	—	—	1	4	10
Сибирский областной союз	—	—	—	—	—	3	3
Васильсурская	2	9	2	—	—	2	15
Заграничный комитет	31	2	27	—	3	54	117
Итого	1368	305	407	49	193	329	2651
% к выявленным	58,9	13,1	17,5	2,1	8,3		

щее документальное отражение, в значительной степени понижают качество рассматриваемых документов как источника, обязывают относиться к ним крайне осторожно. Однако и при таком подходе избежать неточностей нельзя, поскольку в настоящее время представители различных направлений освободительного движения пофамильно неизвестны и потому полностью отделить неэсеров от эсеров невозможно. Стремясь сделать хотя бы что-то в этом отношении, лиц, обозначенных в анализируемом источнике, мы сгруппировали не по алфавитному принципу, а по выясненным сорока трем эсеровским организациям. В итоге 206 человек оказались отсеянными, так как они значатся по населенным пунктам, где эсеровских партийных организаций не было. В числе таких пунктов оказались, в частности, Ярославль (53 человека), Кострома (35 человек), Псков (22 человека), Новгород (19 человек). В конечном итоге общая численность партии эсеров, по нашим подсчетам, составляла 2651 человек. Результаты исследования численности и состава партии эсеров накануне первой революции см. табл. 4—8.

ТАБЛИЦА 5

Социальный состав партии эсеров перед первой российской революцией

Организация	Лица умственного труда			Лица, занятые физическим трудом			Социальная принадлежность выявлена	Социальная принадлежность не выявлена	Всего
	Студенты, учащиеся	Интеллигенция, служащие	Всего	Рабочие	Крестьяне	Всего			
Петербургская	93	50	143	34	—	34	177	39	216
Московская	85	68	153	18	—	18	171	22	193
Тверская	—	10	10	13	—	13	23	—	23
Тульская	12	10	22	9	—	9	31	—	31
Нижегородская	—	16	16	—	—	—	16	10	26
Васильсурская	2	5	7	—	8	8	15	—	15
Брянская	3	—	3	7	—	7	10	7	17
Саратовская	27	41	68	51	—	51	119	20	139
Самарская	1	6	7	—	—	—	7	11	18
Казанская	10	4	14	8	—	8	22	1	23
Астраханская	?	?	?	?	?	?	?	?	?
Пензенская	20	2	22	—	—	—	22	4	26
Тамбовская	5	22	27	5	21	26	53	13	66
Минская	—	10	10	13	—	13	23	6	29
Виленская	5	—	5	3	—	3	8	8	16
Витебская	15	13	28	9	—	9	37	7	44
Двинская	—	3	3	—	—	—	3	12	15
Гомельская	1	24	25	2	—	2	27	—	27
Белостокская	2	3	5	4	—	4	9	6	15
Смоленская	16	4	20	—	—	—	20	13	33
Северо-Западная область	1	18	19	—	—	—	19	—	19
Киевская	136	112	248	143	—	143	391	25	416
Полтавская	—	4	4	1	1	2	6	10	16
Харьковская	29	31	60	9	—	9	69	19	88
Екатеринославская	20	38	58	56	—	56	114	67	181
Черниговская	2	5	7	—	—	—	7	11	18
Волынская	2	8	10	3	—	3	13	2	15
Бердичевская	—	7	7	7	—	7	14	6	20
Елизаветградская	—	2	2	1	—	1	3	4	7
Воронежская	1	20	21	2	—	2	23	5	28

ТАБЛИЦА 5 (окончание)

Организация	Лица умственного труда			Лица, занятые физическим трудом			Социальная принадлежность выявлена	Социальная принадлежность не выявлена	Всего
	Студенты, учащиеся	Интеллигенция, служащие	Всего	Рабочие	Крестьяне	Всего			
Курская	2	20	22	1	—	1	23	7	30
Одесская	93	211	304	138	4	142	446	33	479
Николаевская	—	9	9	8	—	8	17	5	22
Кишиневская	20	23	43	23	—	23	66	9	75
Севастопольская	—	1	1	—	—	—	1	6	7
Бакинская	—	3	3	—	—	—	3	3	6
Пермская	1	20	21	1	—	1	22	15	37
Екатеринбургская	—	11	11	2	2	4	15	9	24
Уфимская	1	20	21	4	—	4	25	4	29
Томская	18	11	29	—	—	—	29	3	32
Красноярская	—	5	5	—	—	—	5	5	10
Сибирский областной союз	—	3	3	—	—	—	3	—	3
Загран. ком.	23	68	91	—	—	—	91	26	117
Итого	646	941	1587	575	36	611	2198	453	2651
% к выявленным	29,39	42,81	72,2	26,16	1,63	27,8	100		

ТАБЛИЦА 6

Профессиональный состав эсеров-дворян

Профессия	Организация				
	Киевская	Одесская	Петербургская	Московская	Всего
Студент, учащийся	48	7	36	24	115
Служащий	4	2	3	3	12
Интеллигент без указания профессии	9	5		4	22
Учитель	5	—	—	5	10
Врач	4	2	—	1	7
Акушерка, повивальная бабка, фельдшер	5	—	—	—	5
Присяжный поверенный,	2	2	—	—	4

ТАБЛИЦА 6 (окончание)

Профессия	Организация				
	Киевская	Одесская	Петербургская	Московская	Всего
помощник присяжного поверенного					
Литератор, журналист	2	—	1	2	5
Художник	—	—	3	—	3
Инженер	—	—	—	2	2
Чертежник	1	—	—	—	1
Корректор	1	—	—	—	1
Военнослужащий (поручик, капитан)	1	2	4	—	7
Агроном	1	—	—	—	1
Ветеринарный врач	—	—	—	1	1
Профессиональный революционер	2	—	—	1	3
Статистик	—	2	—	—	2
Акцизный чиновник	—	1	—	—	1
Домохозяйка	2	1	—	—	3
Занятие не установлено	2	2	9	7	20
Итого	89	26	60	50	225

ТАБЛИЦА 7

Сословный состав рабочих-эсеров

Организация	Мещане	Крестьяне	Сословие не выяснено	Всего
Киевская	111	27	5	143
Одесская	101	22	15	138
Екатеринославская	26	8	22	56
Кишиневская	20	2	1	23
Минская	13	—	—	13
Харьковская	2	—	7	9
Петербургская	6	28	—	34
Московская	3	15	—	18
Тверская	—	12	1	13
Саратовская	17	22	12	51
Итого	299	136	63	498
% от выявленных	68,7	31,3		

ТАБЛИЦА 8 Профессиональный состав рабочих-эсеров

Профессия	Организации										Всего
	Киевская	Одесская	Екатеринославская	Кишиневская	Харьковская	Минская	Московская	Тверская	Петербургская	Саратовская	
Портной, швея, модистка и т. п.	74	21	16	3	2	8	—	—	1	1	126
Сапожник, кожевник, заготовщик, шорник и т. п.	12	4	1	2	—	4	—	2	—	—	25
Столяр, плотник, маляр, стекольщик и т. п.	21	24	8	13	—	1	—	—	—	3	70
Папиросница, коробочница, наклейщица этикеток и т. п.	4	1	2	1	—	—	—	—	—	—	8
Печатник, переплетчик и т. п.	7	6	11	1	—	—	3	—	—	—	28
Рабочий на мельнице, булочник, разносчик и т. п.	—	—	5	—	1	—	—	—	—	—	6
Ювелир, часовщик, гравер	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	6
Слесарь	9	6	1	2	3	—	—	—	5	—	26
Токарь	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Фабрично-заводской рабочий без указания специальности	—	—	1	—	1	—	1	—	10	—	13
Рабочий железнодорожных мастерских без указания специальности	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	20
Рабочий без указания специальности и предприятия	14	69	10	1	2	—	14	11	18	27	166
Итого	143	138	56	23	9	13	18	13	34	51	498

[1] *Леонов М. И.* Аграрная программа эсеров в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 12.

[2] Революционная Россия. 1902—1904. № 3—59; ЦГАОР СССР. Ф. 5805. Н. В. Чайковский. Оп. 2. Д. 115. Списки местных организаций п.с.-р. и уполномоченных заграничного комитета п.с.-р.; Д. 120. Доклад п. с.-р. и уполномоченных заграничного комитета п.с.-р.; Д. 120. Доклад п.с.-р. Амстердамскому конгрессу 1904 г.; Ф. 102. ДП 00. 1898. Д. 80. Л. А — Я. Социалисты-революционеры; 1903. Д. 2222. Т. 1—10. Сведения о лицах, принадлежащих к партии социалистов-революционеров; Д. 2415. Социалисты-революционеры; 1904. Д. 2389. Социалисты-революционеры; 1905. I отд. Д. 104. Ч. 1—10. Социалисты-революционеры; Д. 106. Ч. 1—21. Сведения по губерниям и областям; II отд. Д. 9. Ч. 1—51. Сведения по губерниям и областям; Д. 80. Ч. 1—69. Социалисты-революционеры; Ч. 1—68. О предоставлении отчетов революционного движения в империи и списков анархистов, социалистов-революционеров, боевых дружин, а также наблюдение за лицами этих категорий по губерниям.

[3] ЦГАОР СССР. ДП 00. 1907. Д. 240. Л. 30 об.

[4] Думается, что наш подход в данном случае принципиально не расходится с позицией, которая формально провозглашалась руководством эсеровской партии. Согласно этой позиции, не все организации, называвшие себя эсеровскими, следовало считать структурными подразделениями партии. В первом, неопубликованном проекте программы партии эсеров, в частности, говорилось: «В местностях, где нет еще комитетов, лица, разделяющие в основных чертах ее программу и желающие систематически работать в духе этой программы, приглашаются партией самостоятельно образовывать местные кружки и группы с.-р. Усилившись и завязав тесные сношения с партией, такие группы по соглашению с ЦК могут превратиться в ее местные комитеты, уполномоченные представлять партию на местах и действовать от ее имени. До тех же пор они выступают как независимые, связанные лишь идейно с партией группы или как вспомогательные органы ближайших к ним местных комитетов (ЦГАОР СССР. ДП 00. 1903. Д. 150. Л. 4.).

[5] ЦГАОР СССР. ДП 00. 1903. Д. 2222. Т. 1—10.

М. И. ЛЕОНОВ

ПАРТИЯ ЭСЕРОВ В 1905—1907 гг.: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА, СОСТАВ, ЧИСЛЕННОСТЬ

С точки зрения углубления представления о расстановке сил внутри революционно-демократического лагеря анализ структуры, социального состава и численности партии эсеров в революции 1905—1907 гг. является несомненно важным. Он дает возможность выявить социальные слои, составлявшие эту партию, степень сплоченности ее рядов, пределы, до которых она выросла «из узкой оболочки интеллигентской группы» [1]. Поставленные здесь вопросы затрагивались в дореволюционной отечественной историографии [2], рабфтах советских ученых [3], исследованиях современных буржуазных историков [4].

Следует отметить: организационные проблемы мало заботили эсеров. Лишь в 1906 г. на 1-м съезде была определена в общих чертах организационная схема партии. Она была таковой: съезд

и совет партии, Центральный комитет с действующими при нем автономной боевой организацией, рабочей, крестьянской, военной, литературно-издательской и т. д. комиссиями. Далее шли так называемые местные организации: областные, губернские, уездные, окружные, районные, городские, затем первичные партийные группы [5].

Организационная структура была чрезвычайно аморфной. Все годы революции постоянно раздавались жалобы первичных, городских, губернских, областных организаций на недостаток активных работников, на съездах и конференциях выносились резолюции о невозможности совместной работы с аграрными террористами, оппозиционерами, анархическими элементами, экспроприаторами, но положение не менялось. Актуальные проблемы, вызывавшие расхождения, обсуждались келейно — партийные «верхи» всеми силами противодействовали «выносу сора» из избы, замазывали разногласия «словами, фразами и фразами» [6]. Принятые решения центральных органов часто являлись совершенно неожиданными для местных организаций, как было, например, с призывом ЦК эсеров в июле 1906 г. начать повсеместно вооруженное восстание [7]. Постановления ЦК не доходили до многих организаций. Черниговский губернский комитет, возглавлявший довольно значительную организацию, в течение многих месяцев не имел контактов ни с областным комитетом, ни с ЦК; так же обстояло дело у читинского комитета [8]. ЦК, в свою очередь, не мог получить ответы не только от многих городских и губернских комитетов, но и от областных. Дисциплина была крайне слабой. Попытки вышестоящих органов навести хотя бы видимость порядка наталкивались на решительное противодействие, вызывали обвинения в «генеральстве» и т. д. [9] Организационная аморфность была порождена социальной базой партий. В. И. Ленин подчеркивал, что мелкий собственник, мелкий хозяйчик «не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» [10].

География эсеровских организаций показана в табл. 9.

Прежде чем обратиться к анализу таблицы, сделаем ряд замечаний. Приведенные сведения о численности характеризуют кульминацию развития партии эсеров в годы революции. В тех случаях, когда источник определяет численность в пределах «от» и «до», взято среднеарифметическое. Следует иметь в виду, что некоторые организации в отчетах называли свою численность весьма округленно, другие — с точностью до одного человека. Полученная путем сложения данных источников суммарная цифра, конечно, не может претендовать на абсолютную точность.

В начале революции большинство комитетов и групп размещалось в губернских городах. Почти все комитеты, в том числе и оба областных, располагались в Европейской России, преимущественно в Поволжье, на Урале, Юге и Западе. Наиболее крупными считались организации Петербурга, Москвы, Саратова, Киева, Екатеринослава и Одессы.

ТАБЛИЦА 9

Территориальное размещение, количество организаций и численность партии эсеров в 1905—1907 гг. *

Регион	Тип организации						Численность
	Областная	Губернская, приравненная	Уездная, городская	Областная	Губернская, приравненная	Уездная, городская	
	Количество к началу 1905 г.			Количество к концу 1906 — началу 1907 г.			
Европейская часть России	2	23	36	8	61	293	58 945
Кавказский край	—	1	3	2	7	30	3713
Сибирь	—	—	2	2	6	19	1187
Средняя Азия	—	—	1	1	4	13	550
Великое княжество Финляндское	—	—	—	—	—	1	—
итого	2	24	42	13	78	356	64 395

* Составлено по материалам подготовленного к печати перечня эсеровских организаций и их численности в годы первой российской революции.

Выявить с достаточной точностью численность партии эсеров накануне 1905 г. не представляется возможным. Сами эсеры учета не вели, сводки жандармских управлений, собранные в 1903—1904 гг., недостаточно репрезентативны [11]. Е. К. Брешко-Брешковская в конце 1904 г. оценивала численность активных членов партии в «несколько сот молодых людей» [12]. В. М. Чернов в 1908 г. на 1-й общепартийной конференции говорил: «До «революции» мы были ничтожной кучкой» [13]. Это прямо перекликается с ленинской оценкой [14]. Среди активных членов преобладала молодежь.

Основная часть эсеровских организаций в конце 1906 — начале 1907 г. находилась в Европейской России: в 48 из 50 губерний имелись губернские комитеты, в 254 уездах из 504 — группы. В Кавказском крае, Средней Азии и Сибири организационное строительство быстрыми темпами пошло только с 1906 г. В национальных районах господствовал тип городской организации при практическом отсутствии сельской.

Особое место занимали столичные организации. В Петербурге накануне революции существовало 6 районных комитетов, в апреле 1907 г. в 11 районах, по данным «Труда», насчитывалось более 6 тыс. членов партии [15]. В Москве, организация которой накануне 1905 г. слыла в эсеровских верхах образцовой, число организованных рабочих, по партийным источникам, менялось так: январь 1905 г. — 500 человек, ноябрь 1905 г.—1300—1500 человек, 1906 г.—1500—3000 человек, июнь 1907 г.—1000 человек [16]. Организацию лихорадило. Дело кончилось тем, что даже

сверхтерпимый эсеровский ЦК принял решение о ее роспуске.

Помимо столичных, ЦК считал сильнейшими городские организации Севастополя, Брянска, Баку, Екатеринослава, Николаева. Обычно в губернских и промышленных городах насчитывалось 120—300 членов партии. Крупные организации размещались в промышленно развитых городах Центрального, Южного, Уральского промышленного районов — там, где сосредоточивались большие массы рабочих, где был наибольшим размах стачечной борьбы.

Из губернских выделялись организации витебская, владимирская, воронежская, нижегородская, харьковская, в которых, согласно отчетам комитетов, было от 4243 до 2027 членов. Типичными для Европейской России были губернские организации с числом членов от 700 до 1 тыс., а для Кавказского края, Сибири и особенно Средней Азии — более малочисленные (100—200 членов). От Нижегородской губернии до Царевского уезда Астраханской губернии на востоке и от Смоленской до Киевской губерний на западе располагался район, где размещалась основная масса эсеровских крестьянских организаций и организованных крестьян.

Именно здесь находились крупные организации, занятые преимущественно аграрной пропагандой. Этот район отличался самыми низкими размерами наделов и наиболее высокими ценами на землю и арендной платой за нее, здесь имело место широкое развитие земледелия, а интенсивность применения наемного труда в сельском хозяйстве была наименьшей; доля беднейших крестьян была высокой, а доля зажиточных низкой [17]. Это был район крупных выступлений малоземельного, главным образом общинного, крестьянства. Напротив, в нечерноземных губерниях Центрального промышленного района, Севера Европейской России сельские организации, за небольшим исключением, были малозначительными.

Уездная организация чаще всего насчитывала 40—80 человек, группа уездного города — 10—20 человек, первичная организация в городе («кружок», «группа») и в сельской местности («крестьянское братство») — 7—15 человек.

Первый и, насколько нам известно, единственный учет количества членов был предпринят эсерами в ноябре 1906 г. на 2-м Совете партии. Он носил прикидочный характер. Было заявлено, что «число членов в это время было не менее 50 000» ; считалось, что еще 300 тыс. находятся под влиянием эсеров [18].

Имеющиеся в нашем распоряжении отчеты местных организаций дали, как видно из таблицы, большее число. Поскольку мы не располагали отчетами 10 губернских организаций (в основном малозначительных), можно предположить, что эсеры насчитывали в своих рядах в конце 1906 — начале 1907 г. несколько более 65 тыс. членов. Существенное превышение над цифрами Совета партии эсеров сложилось, во-первых, за счет более полного учета, во-вторых, за счет того, что сведения, которыми

мы оперировали, отражают кульминацию развития партии эсеров в годы революции.

Основную массу составляли «пассивные», по выражению многих отчетов, элементы. Членами партии объявляли рабочих, регулярно посещавших портийные митинги, гимназистов, много было «попутчиков» [19]. На 1-м съезде предлагалось называть членами партии всех, «работающих под контролем организации» [20]. На практике дело обстояло именно так. Курский комитет, например, рекомендовал зачислять в братства всех, «за исключением кулаков и мироедов и других врагов трудового народа» [21]. Если до определенного момента лидерам партии удавалось избегать освещения глубочайших внутренних противоречий, то к концу революции в эсеровской печати начали звучать голоса о «полном отсутствии организованности», о том, что «не разберешь, где обыватель, где партийный человек» [22]. По определению «Известий» пензенского комитета, к концу 1906 г. многие организации походили на «авгиевы конюшни» [23].

Хотя состав партии эсеров не оставался постоянным, проследить его изменение на протяжении 1905 — 1907 гг. не представляется возможным. Имеющиеся в нашем распоряжении показатели относятся к концу 1906 — началу 1907 г., т. е. ко времени максимума включения в ряды партии эсеров рабочих и крестьян. В 21 губернской организации, согласно отчетам, было 21 752 члена: рабочих — 9394 (43,2%), крестьян — 9835 (45,2%), интеллигентов — 2521 (11,6%). Эти данные, по нашему мнению, достаточно репрезентативны.

В земледельческих губерниях крестьяне составляли от двух третей (Псковская) до половины (Самарская, Саратовская, Пензенская) численности организаций. В организациях Смоленской, Тульской, Вятской губерний рабочих и крестьян было примерно поровну. В организациях Кавказского края крестьян было значительно меньше (21,5%), зато существенно больше интеллигентов.

В партию эсеров шли преимущественно те рабочие, которые были связаны с деревней, которые верили, что крестьянин — тот же рабочий, те, кому была близка крестьянская жажда земли [24]. Среди рабочих-эсеров «зачастую нельзя было даже во время митингов найти лиц, настолько популярных в массе, чтобы можно было провести их в председатели» [25]. При выборах в Советы рабочих депутатов, в Государственную думу рабочие на тех предприятиях, где эсеры вроде бы преобладали, часто голосовали за социал-демократов [26]. Пролетарская сознательность побеждала мелкобуржуазную стихийность. Передовые авторитетные кадровые рабочие были социал-демократами. Воздействие эсеров на пролетариат являлось преходящим. В. И. Ленин подчеркивал, что «„революционная" мелкобуржуазная партия к солидной и упорной пролетарской работе не способна,— при малейшей перемене настроения она совсем исчезает с горизонта рабочих предместий» [27].

В крестьянские организации шли в первую очередь молодые люди. А. И. Пеленкин среди видных эсеровских деятелей — крестьян Валуйского уезда Воронежской губернии называл бедняка М. В. Карпова, середняков И. Ф. Драбкина, Я. И. Кузнецова, Е. Ключинцева [28]. Примерно так же, судя по мемуарам, обстояло дело и в других местах.

В первичные сельские организации, группы уездных городов шла интеллигенция, близко стоявшая к массам по происхождению, характеру деятельности, имущественному положению: фельдшеры, агрономы, земские служащие и т. д. Особенно большую роль играли народные учителя [29]. В губернских городах в ряды партии эсеров вступала в первую очередь демократическая интеллигенция.

В целом партия эсеров включала в себя демократические слои, преимущественно те, которые прямо или опосредованно были связаны с мелкотоварным крестьянским хозяйством и остро ощущали гнет остатков крепостничества. Наличие в ее составе примерно равного количества крестьян и рабочих, значительного— демократической интеллигенции, с одной стороны, затушевывало ее истинную мелкобуржуазную сущность, создавало видимость представительства «трудового народа», с другой — свидетельствовало о неспособности стать партией класса; включение в ее состав большого числа рабочих и крестьян говорило о наметившейся эволюции «группы народничествующих интеллигентов» в трудовическую партию, эволюции, не получившей своего завершения.

Беда эсеров — «невозможность созидать массовую партию, невозможность стать партией *класса*»; объективно они были «только *крылом* крестьянской демократии, несамостоятельным, неравным придатком, „группой при" трудовиках, а не самодовлеющим целым» [30]. Лицо партии эсеров определяла интеллигенция, рабочие лишь в единичных случаях попадали в городские комитеты, а крестьяне в уездные [31]. Конфликты между рабочими и крестьянскими, союзами, с одной стороны, и интеллегентскими городскими, губернскими, областными комитетами — с другой, были заурядным явлением.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 144.

[2] *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Пг., 1918. Вып. 2. Партия социалистов-революционеров; Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1914. Т. 3, кн. 5.

[3] *Мещеряков В. Н.* Партия социалистов-революционеров. М., 1922. Ч. 1, 2; *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975. *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902—1914 гг. Л., 1983; и др.

[4] *Hildermeier M.* Die Socialrevoltionäre Partei Russland: Agrarensocialismus und Modernisierng in Zarenreich. Köln; Wien. 1978.

[5] Временный организационный устав партии социалистов-революционеров // Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С. 288 — 290.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 165.

[7] ЦГАОР СССР. ДП ОО. 1967. Ф. 102. Оп. 237. Д. 9. Т. 2. Л. 27; ДП 00 1905. Оп. 233. Д. 20. Ч. 3. Л. 26.
[8] Партийные известия. 1907. № 5.С. 3 — 5; ЦГАОР СССР.ДП 00. 1907. Ф. 102. Оп. 237. Д. 9. Ч. 63. Л. 108—110.
[9] Протоколы первой общественной конференции п.с.-р., Август 1908. Париж, 1908. С. 77.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.
[11] ЦГАОР СССР. ДП 00. 1905. Ф. 102. Оп. 231. Д. 2222. Ч. 2 — 10.
[12] Там же. ДП 00. 1906. Ф. 102. Оп. 234. Д. 117. Т. 1. Л. 178[а].
[13] Протоколы первой общепартийной конференции п.с.-р. С. 96.
[14] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 349.
[15] Труд. 1907. № 12.
[16] R'apport du Parti Socialiste R'évolutionnaire du R'ussie au gongress Socialiste International de Stutgart. Gard, 1907. P. 57, 62, 63; ЦГАОР СССР. ДП 00. 1907. Ф. 102. Оп. 237. Д. 9. Ч. 34. прод. Л. 2.
[17] *Ковальченко И. Д. Бородкин Л. И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX — XX веков: (Опыт многомерного анализа) // История СССР. 1979. № 1. С. 78.
[18] R'apport... P. 249.
[19] ЦГАОР СССР. ДП 00. 1907. Ф. 102. Оп. 237. Д. 9. Ч. 42. Л. 5.
[20] Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. С. 221 — 222.
[21] ЦГАОР СССР. ДП 00. 1905. Ф. 102. Оп. 233. Д. 999. Ч. 45. Л. 7.
[22] Партийные известия. 1906. № 3. С. 3.
[23] Известия, издаваемые пензенским комитетом партии социалистов-революционеров. 1907. № 3. С. 4.
[24] Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. М., 1930. С. 56—57, 71—72.
[25] *Воронов А. Ф.* Рабочая организация: (Заметки пропагандиста) // Знамя труда. 1909. № 16. С. 6.
[26] *Чернов В. М.* Прошлое и настоящее. СПб., 1906. С. 15 — 16.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 345.
[28] ЦГАЛИ.Ф. 1744. Оп, 1. Д. 48. Л. 49 — 51.
[29] R'apport... P. 74, 102; ЦГАОР СССР. ДП 00. 1907. Ф. 102. Оп. 237. Д. 9. Ч. 63. Л. 108.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 165, 166.
[31] *Hildermeier M.* Op. cit. S. 221.

А. Ф. ЖУКОВ

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ТЕРРОР В ТАКТИКЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ В ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Разнообразные формы классовой борьбы, в том числе и такие, как политический террор, довольно широко распространились в первые годы XX в., в том числе и в период первой российской революции. Тогда же четко определилось и отношение В. И. Ленина, большевиков к этой форме тактики как средству борьбы преимущественно мелкой буржуазии. В подготовительных

документах ко II съезду РСДРП, в «Проекте резолюции о терроре» В. И. Ленин писал: «Съезд решительно отвергает террор, т. е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы...» [1].

Индивидуальный террор был свойствен ряду мелкобуржуазных партий, в том числе большинству неонароднических, например, «Дашнакцутюн», Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), а также «Гнчак», Революционной украинской партии и др.

Наиболее широкое распространение этот вид тактики получил в деятельности партии эсеров, вожди которой попытались теоретически обосновать ее приоритет, эсеров-максималистов, анархистов.

Среди неонароднических революционных групп в конце XIX в. единого взгляда на тактику, в том числе и на индивидуальный террор, не было. Не сразу признала его как тактику и создававшаяся партия эсеров, но еще в ходе ее образования эсеры заявили о себе рядом террористических актов. До образования партии стала создаваться Боевая организация эсеров как специальный орган для осуществления крупных актов так называемого «центрального террора».

Уже в № 3 «Революционной России» в статье «Неотложные задачи», которая представляла собой попытку сформулировать «практическую программу-минимум», ставился и решался вопрос об индивидуальном терроре. В ней, в частности, говорилось, что, «признавая в принципе неизбежность и целесообразность террористической борьбы, партия оставляет за собой право приступить к ней тогда, когда... она признает это возможным» [2]. Таким образом, был сделан серьезный шаг в сторону официального признания террора. Затем последовали и другие публикации.

Началом применения индивидуального террора как тактики партии является подготовленное Боевой организацией покушение С. В. Балмашева на министра внутренних дел Сипягина 2 апреля 1902 г. После него проповедь индивидуального террора становится одним из важнейших направлений пропаганды эсеров. Характерна статья «Террористический элемент в нашей программе», опубликованная сначала в «Революционной России» [3], а затем выпущенная отдельным изданием. Несмотря на оговорку, что террор — это всего лишь одно из средств борьбы, что он должен быть организован и подконтролен, в ней было заявлено, что террористические акты должны быть поддержаны партией, которая регулирует их и берет на себя «нравственную ответственность за них».

Таким образом, индивидуальный террор теперь официально был признан одной из действенных форм борьбы партии. Обещание организации и контроля осталось обещанием. Боевая организация действовала автономно от партии, была совершенно бесконтрольна, что породило азефовщину. Индивидуальным террором захлестнуло местные организации.

До начала революции (в 1902—1904 гг.) эсерами было совершено 6 актов, а наиболее широкое распространение террор получил в годы революции. Так, по сведениям эсеров (далеко не полным), в 1905 г. был совершен 51 террористический акт, в 1906 г.— 78, в 1907 г.— 62 и 1908 г.— 3 [4].

Пропагандируя индивидуальный террор, эсеры выдвигали самую разную аргументацию. Он рассматривался как средство, устрашающее царское самодержавие, ему приписывалась роль эксцитативная (возбуждающая народные массы), объявлялся он и средством дезорганизации правительства, оправдывали его неуязвимостью и неуловимостью революционеров-террористов, против которых правительство якобы бессильно. Но в целом четкой линии у эсеровской партии не было. Так, в прокламации, выпущенной по поводу покушения на Сипягина, заявлялось, что оно совершено потому, что эсеры лишены возможности мирным способом противодействовать правительству. Условием прекращения террора выставлялись требование созыва всенародного Земского собора и возможность «мирными и культурными способами сдерживать произвол властей» [5].

1-й съезд партии эсеров (29 декабря 1905 г.— 4 января 1906 г.) в резолюции о тактике партии и политическом терроре заявил о необходимости продолжать индивидуальный террор, а прекращение его связывал с завоеванием политических свобод [6]. О том, что понимали эсеры под «политическими свободами», можно судить по их линии в первой российской революции. Так, после манифеста 17 октября 1905 г. эсеры приняли решение о прекращении террора и роспуске Боевой организации. Но это не означало, что эсеры отказались от неверной тактики, они лишь всерьез восприняли маневр царя как победу революции и были ослеплены конституционными иллюзиями. Затем на основании решений 1-го съезда эсеры заявили о возобновлении террора, а в мае 1906 г. приняли решение приостановить его в связи с открытием I Государственной думы. После роспуска Думы индивидуальный террор был начат вновь. После выборов во II Государственную думу 2-й (Экстренный) съезд партии (февраль 1907 г.) решил временно ослабить террор, так как эсеры стали «парламентской партией». После третьеиюньского переворота они на основании решений 1-й конференции и 4-го Совета (июль—август 1908 г.) заявили о возобновлении террора.

Но следует иметь в виду, что эта линия — линия верхушки партии и она далеко не всегда совпадала с мнением и деятельностью местных организаций. Последние не считались с решениями о прекращении террора, а решение 1908 г. о возобновлении террора не было выполнено.

Сторонниками индивидуального террора являлись и эсеры-максималисты. Их расхождения с эсерами, которые обусловили раскол, касались не только теоретических вопросов: какой должна быть программа — программой-минимум или программой-максимум, но и тактических вопросов, в частности инди-

видуального террора. Различия во взглядах на террор касались прежде всего целей и границ его применения. Максималисты заявляли, что для них вопрос террора, практика его подчиняются принципу, а у эсеров — наоборот [7]. Показательным было и то, что созданию организации максималистов непосредственно предшествовал террористический акт, осуществленный ими против П. А. Столыпина, когда при взрыве на его даче на Аптекарском острове пострадало около 100 человек.

По мнению максималистов, индивидуальный террор как нельзя лучше выражал существо их «психологической теории» революции. Они заявляли, что один террористический акт при всеобщей тишине пробуждает подражание в десятках, а несколько таких актов возбуждают уже сотни. «Только таким путем,— считали они,— и получается наконец массовая террористическая борьба» [8]. Кроме того, по их мнению, индивидуальный террор хорош и тем, что «разрушает в сознании народа организацию политической власти» [9].

Эсеры-максималисты возводили террор в абсолютное средство борьбы. Признавая, что разным периодам общественной жизни должна соответствовать различная тактика, они вместе с тем заявляли, что индивидуальный террор будет применяться ими всегда: и накануне революции, и во время ее, и в случае поражения революционной республики [10], и против царского самодержавия, и в условиях буржуазной республики [11]. Будет меняться только широта акций. Если единичный террор уже потерял свое «устрашающее, организующее и экситативное значение», то это не значит, что от него нужно отказаться. Просто нужно перейти к террору массовому [12].

Максималисты заявляли, что они признают и другие формы борьбы, в том числе и массовые — стачки, вооруженное восстание, но были убеждены, что «крупные» террористические акты приведут к победе социальной революции. И в революции 1905—1907 гг. они оставили след лишь террористическими актами и экспроприациями.

Пропагандой индивидуального террора и террористическими актами внесли свою лепту в дезорганизацию революционного движения в 1905—1907 гг. и анархисты. Отрицая государственность и организацию рабочих, анархисты не смогли ни выработать общих взглядов, ни наладить совместных действий. Их группы и группочки, существовавшие в России, претендовали на чистоту анархической идеи, вели полемику друг с другом.

Первый печатный орган российских анархистов «Хлеб и воля», издававшийся в Лондоне при участии П. А. Кропоткина в 1903—1905 гг., пытался выработать программу и тактику анархизма. В декабре 1904 г. на совещании было решено, что в России следует добиваться социалистической революции. Определялись формы борьбы, как массовые — всеобщая стачка, так и индивидуальный террор. «Хлебовольцы» заявляли, что для них партийный террор как централизованный неприемлем, ибо «лишает его характера

борьбы народа»[13]. В материалах их съезда (октябрь 1906 г.) утверждается: «мы вовсе не думаем, чтобы террор мог служить средством для изменения существующего порядка...», но, заявляли участники съезда, он может иметь агитационное значение, способствуя развитию возмущения народа[14]. Необходимо обратить внимание на неопределенность: «мы... не думаем». Но они признавали право каждого на террористический акт как проявление чувства совести или же самозащиту.

В противовес террору партийному, контролируемому они выдвигали «разлитый», массовый как выражение свободы личности. Было и еще отличие — анархисты признавали и так называемый «экономический индивидуальный террор», понимая под ним покушения на хозяев предприятий, мастеров и др., не связанных с государственной машиной.

Но это в теории. А на практике террор анархистами применялся широко и многообразно. Екатеринославские анархисты за год с небольшим совершили 70 терактов[15]. Течение «безначальцев», по словам «Буревестника», «всю свою тактику строит на убеждении в чудодейственной силе террора»[16]. Сами «безначальцы» заявляли: «Блажен тот, кто бросит бомбу в Земский собор в первый же день открытия его заседаний»[17]. Так называемая «Боевая интернациональная группа анархистов-коммунистов» публично предлагала услуги для организации экономических и террористических актов и других боевых дел[18]. Были и примеры «безмотивного» террора. Решили бросить бомбу в министерский поезд, а узнав, что министр не едет, бросили ее в обыкновенный вагон 1-го класса, расценивая это как акцию против буржуазии[19].

Деятельность анархистов в первой российской революции не оставила значительного следа, так как сводилась к действиям индивидуалистическим и поддержки масс не получила. Более того, она способствовала дальнейшему падению их и так небольшого влияния.

В. И. Ленин еще в работе «Что делать?» показал, что терроризм является порождением беспомощности и беззаботности в теории, что он является результатом преклонения «перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением»[20]. Уже с первых шагов эсеровской партии В. И. Ленин подверг суровой критике теоретические и тактические взгляды эсеров. В работе «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?» в числе причин, обусловливающих непримиримое отношение к эсерам, Ленин назвал включение ими в программу проповеди террора как метода политической борьбы[21]. В. И. Ленин показал, что психология террориста — это психология интеллигента, не имеющего глубоких корней в революционной массе, психология бунтаря, не верящего в рабочее движение. Она основана на субъективистском мировоззрении, из которого следует возможность осуществления «крупных» политических сдвигов по воле ге-

роев-одиночек, непонимание роли объективных условий в созревании революционной ситуации.

Марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы, а требует исторического рассмотрения этих форм борьбы и не зарекается ни от одной из них [22]. Это относится и к террору.

Так, в проекте резолюции, предложенной большевиками IV (Объединительному) съезду РСДРП, «О партизанских выступлениях» боевые действия в форме террора рекомендовались против насильников правительства и активных черносотенцев, но при условиях: «1. считаться с настроением широких масс; 2. принимать во внимание условия рабочего движения данной местности; 3. заботиться о том, чтобы силы пролетариата не растрачивались понапрасну» [23].

Эсеры и другие мелкобуржуазные партии и во время революции, пренебрежительно относясь к массовой борьбе, отрывали террор от массового революционного движения, рассматривая его как особое, самодовлеющее средство.

Возвращаясь позже, в 1916 г., к урокам революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин писал: «Только массовое движение можно рассматривать как действительную политическую борьбу. Только в прямой, непосредственной связи с массовым движением могут и должны принести пользу и индивидуальные террористические действия. В России террористы (против которых мы всегда боролись) совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 г., когда дело наконец дошло до массового движения, до восстания,— когда нужно было помочь *массе* применить насилие,— тогда-то как раз «террористы» и *отсутствовали*. В этом ошибка террористов» [24].

Коммунисты не отрицают необходимости революционного насилия на определенных этапах развития общества для осуществления назревших социальных перемен. Но борьба против отживающего общественного строя — это революция, совершаемая классом, широкими народными массами, а не бунт отчаявшихся личностей. И в теории, и на практике коммунисты отрицают индивидуальный террор как средство достижения политических целей. И противное не может доказать никто, не фальсифицируя истины, не скатываясь ко лжи, не разоблачая себя.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 251.
[2] Революционная Россия. 1902. №3.
[3] Там же. № 7.
[4] Памятная книжка социалиста-революционера. Париж, 1914. Вып. 2. С. 6.
[5] *Спиридович А. И.*Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 118.
[6] Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С. 314.
[7] *Нестроев Гр.* Максимализм и максималисты перед судом Виктора Чернова. Париж, 1910. С. 71.
[8] Воля труда: Сб. статей. М., 1907. С. 41.

[9] Там же.
[10] Там же. С. 3.
[11] *Нестроев Гр.* Указ. соч. С. 71.
[12] *Нестроев Гр.* Из дневника максималиста. Париж, 1910. С. 10.
[13] Хлеб и воля. 1904. № 9. С. 2.
[14] Русская революция и анархизм. Лондон, 1907. С. 2.
[15] Буревестник. 1907. № 6/7. С. 29.
[16] Там же. 1908. № 9. С. 2.
[17] Безначалие. 1905. № 2/3. С. 12.
[18] Анархист. 1907. № 1. С. 40.
[19] Приложение к Буревестнику. 1907. № 6/7. С. 10.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 75.
[21] См.: Там же. С. 375.
[22] См.: Там же. Т. 14. С. 1 — 2.
[23] Там же. С. 10.
[24] Там же. Т. 49. С. 312 — 313.

Д. Б. ПАВЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ ЭСЕРОВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Вопрос об оценке эсеровского террора в период первой российской революции и выявлении места данного способа борьбы в тактике эсеров является для исследователей одним из ключевых в общей характеристике этой партии. Те авторы, по мнению которых террор всегда занимал в эсеровской тактике центральное место, пишут о «заговорщическом» характере партии, отсутствии у эсеров связи с массовыми формами революционной борьбы [1]. Более сбалансированная оценка ПСР, возобладавшая в работах советских историков последних лет, основывается, в частности, на более реалистическом подходе к террористической тактике партии на различных этапах ее существования.

Ленинские оценки террора эсеров, как и всей деятельности этой партии, проникнуты историзмом. Как показал А. Л. Афанасьев, вождь пролетарской партии, много раз резко критиковавший эсеровскую террористическую тактику в предреволюционный период, в годы самой революции не высказывался таким образом. Причину этого Афанасьев справедливо видит, во-первых, в изменении характера партии эсеров, превращении ее из «интеллигентской террористической группы», какой она, по словам Ленина, была в предреволюционные годы, в левое крыло крестьянской демократии и, во-вторых, в том, что террор в этот период перестал быть для эсеров самодовлеющим средством борьбы, отойдя на второй план перед агитационно-пропагандистской и организаторской работой в массах [2].

Осенью 1901 г., незадолго до образования партии эсеров, по инициативе Г. А. Гершуни и Е. К. Брешковской была создана Боевая организация (БО) ПСР, которой за предреволюционные годы удалось совершить 4 крупных террористических акта [3]. Если первый из этих актов был совершен организацией, формально не входившей в партию, то после убийства Сипягина ЦК официально признал БО партийным органом. В связи с началом террористических выступлений с лета 1902 г. в центральном органе (ЦО) партии стали появляться извещения о произведенных террористических актах, а также статьи с обоснованием необходимости применения этой формы борьбы. В июне 1902 г. в «Революционной России» (№ 7) была опубликована переизданная затем отдельной брошюрой статья «Террористический элемент в нашей программе». Статья указывала на «необходимость и неизбежность» террора как средства самозащиты в условиях, когда «разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым». В этой связи в статье определялись и функции БО, которая должна была стать «охранительным отрядом, освобождая местные комитеты партии от проклятой обязанности отвлекаться от своего главного дела для самозащиты и обуздания насильников».

Кроме средства самозащиты статья выделяла террор как устрашающее и дезорганизующее прави-ельство средство борьбы, а также указывала на его агитационное действие. «Если террористический акт поражает человека, от которого пострадали тысячи людей,— отмечалось в ней,— то он вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд этих тысяч людей на революционеров и смысл их деятельности». Основной акцент в статье, учитывая уже прозвучавшую к тому времени в социал-демократической прессе критику террора, был сделан на его подчиненности и скоординированности с другими формами революционной деятельности партии и его непосредственной связи с массовым движением. «Мы первые будем протестовать против всякого однобокого, исключительного терроризма,— указывали авторы статьи.— Отнюдь не заменить, а лишь дополнить и усилить хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда». «Революционизирование масс,— заключали они,— вот наше постоянное, основное дело, как партии социально-революционной... Террор же — одно из временных, преходящих технических средств, за которое мы боремся отнюдь не ради его самого, а лишь исполняя тяжелый долг, вытекающий из трижды тяжелых условий современной русской жизни»[4].

Аналогичные идеи высказывались и в целом ряде других статей эсеровского центрального органа [5].

Необходимо отметить, что содержание статьи явилось своего рода компромиссом между различными воззрениями на террор, которых придерживались образовавшие партию группы. По свидетельству, данному судебно-следственной комиссии по делу Азефа (ССК) В. М. Черновым, статья была составлена таким обра-

чтобы «не вызвать распадения еще слабо сплоченных партийных элементов», большинство из которых были далеки от безоговорочного признания террористических форм борьбы [6].

Разногласия по вопросу о целесообразности применения террора продолжали оставаться в партии на всем протяжении ее существования. Среди эсеров всегда были и сторонники активного использования террора при всех обстоятельствах, и люди, отрицавшие необходимость его применения. Точку зрения последних на 2-м съезде партии в 1907 г. выразил И. А. Рубанович, заявивший о стремлении «оставить такие приемы, как террор»[7]. Однако в годы первой революции господствующим в партии являлось среднее направление, признававшее важность и необходимость террора, но лишь в определенных общественно-политических условиях, и отрицавшее универсальный характер этой формы борьбы. Этой точки зрения придерживались такие признанные партийные авторитеты, как М. Р. Гоц, Г. А. Гершуни, В. М. Чернов. «Предосторожности», с которыми, по выражению ССК, вопрос о терроре «проводился через центральный орган» эсеров [8], выразились главным образом в том, что в упомянутой статье был смазан вопрос о дезорганизующем правительство значении отдельных террористических актов. Между тем именно на это делали ставку лидеры партии, санкционируя деятельность БО. Не случайно «Революционная Россия», извещая о состоявшемся покушении на Сипягина, определенно предлагала правительству «подчиниться или удалиться»[9], а позднее, выдавая желаемое за действительное, так же преувеличенно расценивала последствия убийства Плеве [10].

Несмотря на компромиссный характер статьи, в ней прозвучало главное: отныне террор как система борьбы становился неотъемлемой частью эсеровской тактики; кроме того, со всей определенностью формулировалась и другая цель террора — его агитационное действие.

Как вскоре показала практика, расчет на террор как способ дезорганизовать правительственную машину не оправдывал себя. В лучшем случае эти выступления в условиях отсутствия массового движения могли вызвать временное замешательство в правительственном лагере и ни в коем случае не приводили к ожидаемым уступкам с его стороны. Скоро это осознали сами эсеры, и в сентябре 1904 г., комментируя убийство Плеве, «Революционная Россия» вынужденно писала: «Плеве или Святополк-Мирский... не безразлично ли, в сущности, это?.. Что, по существу дела, изменилось? Ровно ничего»[11]. Это заставило руководителей партии, не отказываясь от террористической тактики, несколько изменить систему аргументации в пользу необходимости ее применения. И главным аргументом все в большей степени становилось «агитационное» действие террора. Одновременно расширялся и смысл этого понятия. Если раньше в терроре эсеры видели один из способов «переменить взгляды людей на революционеров и смысл их деятельности», то уже в мае 1903 г. «Революционная Россия» писала о том, что террор «в высшей степени поддерживает

дух борцов... и пробуждает к деятельности... даже малоактивные... элементы общества»[12]. В этом именно смысле стало главным образом оцениваться значение отдельных террористических актов. «Слишком ясно...— писал Чернов в 1906 г.,— что при несвоевременности введения в огонь масс террористический метод борьбы есть и будет незаменимым оружием для нанесения ударов врагу и увеличения интенсивности движения»[13].

По мнению эсеров, всё в террористическом акте — начиная с выбора места и времени его проведения и кончая некоторыми деталями вооружения террориста — должно было в максимальной степени быть направлено на его агитационное воздействие. Приостановки террора, осуществлявшиеся уже в ходе революции, производились именно в те моменты, когда, по мнению ЦК партии, террор мог утерять роль возбудителя масс.

Таким образом, тактический план партии эсеров в предреволюционные годы, с точки зрения ее руководителей, заключался как в ведении агитационно-пропагандистской работы, осуществляемой низовыми партийными организациями, так и в организации актов центрального террора, которые должны были революционизировать массы, способствовать быстрому количественному росту партии, а попутно вносить свой вклад в дезорганизацию правительственного аппарата, его устрашение и т. д. Именно так и понималась эсерами связь террора с массовым движением. «Мы высказываемся за террористическую борьбу и приветствуем все, что так или иначе, возбуждая революционное настроение масс, ведет к прямой и непосредственной борьбе с правительством...— писал в 1904 г. один из эсеровских публицистов, кн. Д. А. Хилков,— мы не только не разделяем того мнения, будто бы террор вреден делу «массовой борьбы», а напротив того, полагаем, что в современной России... ни о какой серьезной массовой работе при отсутствии террора нельзя и говорить» [14].

Таким образом, уже в предреволюционные годы, на начальном этапе существования партии, эсеры стремились использовать террор главным образом как способ вызвать массовое движение, с которым и связывали надежды на победоносную революцию. Вместе с тем взгляд на террор как на сильнейшее агитационное средство приводил к тому, что он в период становления партии становился ее главным тактическим средством. Подтверждается это и тем отношением к террору, которое бытовало в партии эсеров, и системой его финансирования сравнительно с другими отраслями партийной работы. Достаточно сказать, что только на убийство Плеве было истрачено 75 тыс. руб., что приблизительно на треть больше суммы трат партии на издательскую деятельность в течение 1902 и 1903 гг.[15] БО никогда не получала отказа, свидетельствовал ССК партийный казначей А. А. Аргунов, «сокращали литературу и другие дела, но этого дела, боевого, никогда не сокращали»[16]. Преувеличенное значение, которое придавалось террору, рождало среди членов партии своеобразный культ этого средства борьбы. В. М. Зензинов в сво-

их воспоминаниях пишет, что, по распространенному в партии убеждению, революционный террор являлся «апогеем, высшей точкой приложения революционной энергии», а «отношение к террору у эсера было почти благоговейное»[17].

Насколько удалось эсерам с помощью террора революционизировать массы? Убийства видных царских чиновников, конечно, не могли пройти незамеченными и вызывали известный общественный резонанс. Однако этот резонанс носил характер скоропреходящей сенсации и не мог стать возбудителем массового революционного движения. Что касается общественных сил, наиболее чутко реагировавших на террористическую деятельность партии, то это были, как признавали сами эсеры, главным образом буржуазно-либеральные круги [18]. Вместе с тем эффектные террористические выступления способствовали росту популярности партии и притоку в нее революционно настроенной молодежи. Однако, привлеченные героизмом террористов, молодые эсеры шли в партию по большей части не для «серой, будничной» агитационно-пропагандистской работы, а исключительно для участия в боевых выступлениях. «Мы беспрестанно встречаемся... с требованиями со стороны совсем юных товарищей,— писала Брешковская в 1907 г.,— предоставить им возможность заняться исключительно боевой деятельностью в смысле личного выступления. Они равнодушно относятся ко всякой другой работе... и готовы отложить в сторону и пропаганду, и издательство, и великую организационную работу — и сидеть и ждать, когда появится спрос на их боевую готовность»[19].

В целом террор не имел и не мог иметь серьезного агитационного значения, а следовательно, был и нецелесообразен. Попытки эсеров подменить агитационно-пропагандистскую работу террором в предреволюционные годы объективно наносили вред не только самой партии, но и всему революционному движению. В этот период террористические покушения, по словам В. И. Ленина, «не могли всколыхнуть и не всколыхнули затишья. Они *действительно* были не боле, как единоборством»[20]. Сталкиваясь с этим на практике, эсеры вынуждены были с горечью констатировать, что массы еще «недостаточно сознательны» и «не понимают» агитационного воздействия террора [21].

Убеждение в «эксцитативном» действии террора было характерно для эсеров на всем протяжении существования партии. Сохранялось оно и в годы первой российской революции, хотя смысл и задачи боевой деятельности эсеров претерпели некоторые изменения.

По словам В. И. Ленина, следствием начала революции был «быстрый рост сознательности всех классов, выразившийся в громадном усилении крайних партий»[22]. Стала быстро расти и партия эсеров: в период революции ее численность выросла более чем в 30 раз и превысила 60 тыс. человек. Именно эта революционно настроенная масса новых членов партии и стала в значительной степени определять характер ее боевой деятельности.

Основным тактическим лозунгом эсеров в первой половине 1905 г. был лозунг вооруженного восстания, который звучал и со страниц центральной эсеровской печати, и в прокламациях, воззваниях, издававшихся местными партийными организациями. Так, один из февральских (1905 г.) номеров ЦО эсеров, констатируя, что «гражданская война началась», предлагал отбросить «сомнения и предубеждения против всяких боевых средств» и немедленно использовать все виды вооруженной борьбы: от массового выступления с оружием в руках до «партизанско-террористической» борьбы «по всей линии» включительно [23]. Такая решительная позиция заставила эсеров несколько пересмотреть задачи своей боевой деятельности — наряду с продолжением центрального террора предлагалось начать и массовый террор [24]. Исходя из этого, при местных эсеровских организациях с лета 1905 г. стали образовываться боевые группы, имевшие целью «как защиту восставших от внутреннего врага... (от всей полицейской правительственной организации), так и нападение на этого врага при всяком удобном случае»[25].

Следствием этого явилось то, что боевая работа партии вышла из-под контроля ЦК и стала достоянием широких партийных масс. В отдельных случаях боевые дружины эсеров продолжали действовать вопреки решениям различных высших партийных инстанций.

Так, несмотря на объявление ЦК о временном прекращении террора в октябре 1905 г. в связи с появлением манифеста 17 октября, местные боевые дружины продолжали наращивать террористическую борьбу, один из пиков в развитии которой пришелся на декабрь 1905 г. И это было правильной тактикой в условиях прокатившихся по ряду городов страны вооруженных восстаний. Аналогичная ситуация сложилась и весной—летом 1906 г., когда по решению состоявшегося в апреле 1-го Совета партии террор было решено временно прекратить в связи с работой I Государственной думы.

В результате в годы революции лицо эсеровского террора в основном определяли не разрозненные, оторванные от массовой революционной борьбы акты БО, а деятельность местных летучих боевых отрядов и боевых дружин. Что же конкретно было сделано ими за время революции? На основе изучения данных, опубликованных в 1914 г. в 11-м выпуске журнала «Памятная книжка социалиста-революционера», их расширения и уточнения за счет сведений, почерпнутых из архивов, эсеровских периодических и непериодических изданий, мемуарной литературы и других источников получилась следующая картина. За время с 1 января 1905 г. по 31 декабря 1907 г. эсерами было произведено 233 террористических акта (за период собственно революции — с 9 января 1905 г. по 3 июня 1907 г.— 220 актов), причем в 1905 г.— 59 актов, в 1906 г.— 93, в 1907 г.— 81. Жертвами эсеровского террора стали 242 человека, из которых 162 были убиты и 80 ранены. Основное количество жертв приходится на средних и низших служащих

различных репрессивных органов самодержавия (служащих полиции, охранки, судебных органов, военных).

Попытка соотнести эсеровские боевые выступления с проявлениями массового движения в годы первой революции — с забастовочным движением в городах и революционными крестьянскими выступлениями [26] — свидетельствует о невозможности однозначной оценки эсеровского террора. С одной стороны, налицо ряд фактов совпадения пиков эсеровского террора с рабочим движением, причем в такие ответственные моменты, как декабрьские вооруженные восстания 1905 г. и события середины 1906 г., когда, по словам Ленина, вновь произошло «обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы»[27]. Вместе с тем эсеровский террор в большинстве случаев шел за массовым движением и в целом его наибольшее распространение относится к 1906—1907 гг., когда революция начала идти на убыль. Поэтому, с одной стороны, эсеровский террор в годы революции объективно являлся составной частью массовых революционных выступлений, но, с другой стороны, в целом шел в арьергарде революционной борьбы.

Указанная двойственность положения эсеровского террора в годы первой революции всецело основывалась на двойственности задач, которые ставили перед собой эсеры, применяя эту форму борьбы. С одной стороны, логика революционной борьбы заставила эсеровских теоретиков признать необходимость «превратить террор единичный в террор массовый», ориентированный на непосредственные нужды вооруженной борьбы, но одновременно в партии продолжали культивироваться взгляды на террор как агитационное средство. На практике это приводило к тому, что боевые дружины партии пытались сочетать в своей деятельности боевую подготовку масс к вооруженному восстанию с проведением террористических актов с целью «раскачки» масс, воспитания в них «необходимого духа борьбы»[28] и т. д., причем деятельность последнего рода неизменно оставалась в центре внимания этих дружин.

В итоге теоретически неверное понимание места террора в общественно-политической борьбе в сочетании с традиционным для эсеров неумением правильно оценить сложившуюся обстановку (не случайно, что их партия, в целом активно выступая в течение большей части 1905 г., по решению своего руководства отказалась от участия в Декабрьском восстании) привело к тому, что деятельность эсеровских боевых формирований не слилась с движением масс, хотя нередко являлась составной частью этого движения. Стремление «слить» «революционный терроризм и массовое движение», высказанное эсерами еще в начале революции и получившее одобрительную оценку В. И. Ленина[29], так, по существу, и не было осуществлено.

Разочарование в ходе боевой работы на местах, обнаружившееся в эсеровской среде уже в конце 1906 г., в дальнейшем привело эсеров к возврату к прежней террористической тактике.

[1] *Шугрин М. В.* Борьба В. И. Ленина и большевистской партии против тактики заговора и индивидуального террора партии эсеров (социалистов-революционеров)//Учен. зап. Карельского пед. ин-та. Петрозаводск, 1957. Т. 4.
[2] *Афанасьев А. Л.* В. И. Ленин об эволюции и деятельности партии социалистов - революционеров в 1905 —1907 гг.//Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 262—263.
[3] Членами БО были убиты: 2 апреля 1902 г. министр внутренних дел Д. С. Сипягин, 6 мая 1903 г.— уфимский губернатор Н. М. Богданович и 15 июля 1904 г.— министр внутренних дел В. К. Плеве. Террористический акт против харьковского губернатора кн. И. М. Оболенского (29 июля 1902 г.) не увенчался успехом.
[4] Революционная Россия. 1902. № 7. С. 2—5.
[5] Там же. 1903. № 24. С. 1—2; № 26. С. 4.
[6] Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б. м., 1911. С. 11.
[7] Протоколы второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1907. С. 91.
[8] Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. С. 11.
[9] Революционная Россия. 1902. № 6. С. 6.
[10] Там же. 1905. № 77. С. 1.
[11] Там же. 1904. № 52. С. 3, 4.
[12] Там же. 1903. № 24. С. 2.
[13] Бюллетень ЦК ПСР. 1906. № 1. С. 10.
[14] *Хилков Д. А.* Террор и массовая борьба (Женева), 1904. С. 26, 32. В 1905 г. брошюра Хилкова была включена в 4-ю книжку теоретического органа партии «Вестник русской революции».
[15] 145 тыс. франков, что по курсу 1900-х годов равнялось 58 тыс. руб.
[16] Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. С. 12.
[17] *Зензинов В. М.* Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 270, 271.
[18] Революционная Россия. 1903. № 24. С. 2; Партийные известия. 1906. № 3. С. 3.
[19] Там же. 1907. № 7. С. 2.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 359.
[21] Протоколы второго (экстренного) съезда партии социалистов-революционеров. С. 18.
[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 3.
[23] Революционная Россия. 1905. № 59. С. 1, 2.
[24] Там же. № 69. С. 6— 7.
[25] Там же. С. 7.
[26] См.: *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956. С. 43.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 4.
[28] Революционная Россия. 1905. № 69. С. 5.
[29] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 278—279.

М. В. СПИРИНА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭСЕРОВ ОБ ЭКОНОМИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

(ПО РАБОТАМ В. М. ЧЕРНОВА 1905—1914 гг.)

К преобразованию окружающей действительности эсеры подходили с точки зрения выработанного ими «нравственного идеала» в соответствии с народнической субъективной социологией. Противопоставляя свою концепцию марксистскому подходу к действительности, В. М. Чернов подчеркивал: «В нашем мировоззрении огромную, определяющую роль, роль верховного критерия оценки реальной действительности и направления действенной практики играет наш социологический идеал»[1].

Представление о социалистическом строе эсеры формулировали в общих чертах, воздерживаясь, как и другие социалистические партии, объединенные во II Интернационале, от его детализации, уделяя основное внимание разработке программы, путей и способов перехода к социализму. В. М. Чернов писал, что К. Маркс своим анализом буржуазного общества «установил принципиальные основы того будущего, социалистического общества, которое одновременно является для нас... и общественно-этическим идеалом... и научным предвидением»[2]. Представления эсеров об экономике социалистического общества базировались, с одной стороны, на достижениях русской социалистической мысли народнического направления XIX в., а с другой стороны, отражали определенный этап развития западноевропейской социалистической мысли, в первую очередь марксизма.

С социализмом эсеры связывали прогресс человечества, всестороннее гармоничное развитие личности, обеспечение материального благосостояния, воплощение в жизнь вековых чаяний трудового народа о свободе, равенстве и братстве. В экономическом плане они рассматривали социализм «как способ планомерной организации всего производства обществом и для общества»[3].

Ряд выдвигавшихся эсерами принципов и черт экономической организации будущего общества — уничтожение частной собственности на основные средства производства, и прежде всего на землю, обобществленное, планомерно развивающееся производство, отсутствие анархии и конкуренции, коллективная форма организации труда, отсутствие эксплуатации человека человеком — отражали представление о социализме социал-демократических партий, объединенных II Интернационалом, в состав которого входили и эсеры. Чернов писал: «Конечные требования революционного социализма международны: они общи для всех современных национальностей и государств»[4].

Приняв общесоциалистические принципы II Интернационала, эсеры, однако, как сами черты социализма, так и предпосылки со-

циализма и пути перехода к нему рассматривали под углом зрения своей народнической концепции понимания действительности. В противовес давно выдвинутому марксистами принципу государственного централизованного руководства социалистической экономикой эсеры предлагали автономию экономических единиц, отдавая предпочтение федеративной системе организации хозяйственного и административного устройства. Они рассматривали социалистическое общество как союз самоуправляющихся производственных ассоциаций в промышленности, сельскохозяйственных общин и широкой сети всевозможных видов кооперации, удовлетворяющих все потребности трудящихся масс [5]. Эта схема несла на себе отпечаток одного из принципов общинного социализма — самоуправления обособленных общин. Вместе с тем В. Чернов не отрицал преобразующей роли «народно-трудового» государства в создании социалистического строя. Хотя, по его мнению, сильно подвинется вперед децентрализация, «но все-таки и после социальной революции непосредственно мы не можем представить себе возникновение нового хозяйственного строя вне всяких государственных форм на основе чисто добровольного соглашения и свободной гармонии индивидуальных воль»[6]. Вопрос о границах и формах преобразующей роли государства окажется в будущем, после Октябрьской революции, дискуссионным и породит прямо противоположные точки зрения в левонароднических партиях левых эсеров, «народников-коммунистов», «революционных коммунистов».

Из всего комплекса представлений эсеров об экономике социализма хотелось бы остановиться на вопросе о понимании ими места и роли потребления в будущем обществе, поскольку эти взгляды явятся исходной теоретической базой для разработки экономической программы построения социалистического общества для левонароднических партий в Советской России, в частности найдут свое завершение в концепции уравнительно-потребительного коммунизма партии революционного коммунизма.

Раскрывая специфику эсеровского понимания социализма, в статье «Производство против потребления» (1907 г.) В. Чернов писал: «Экономическая же сторона нашего идеала характеризуется именно сознательным и целесообразным подчинением производства организованному общественному потреблению»[7].

Из верной посылки о том, что в отличие от капитализма, целью которого является производство прибавочной стоимости, целью социалистического производства становится удовлетворение всесторонних потребностей трудящихся, В. Чернов делал ложный методологический вывод, будто при социализме осуществится «идеальный» примат потребления над производством. С этих методологических позиций эсеры выступали против марксизма, исходящего из принципа исторического материализма о примате производства над распределением и потреблением при анализе любого способа производства. Следовательно, народнический ха-

рактер представлений об экономике социалистического общества нашел свое выражение в потребительном подходе к ее сущности. «Социалистический строй, рассматриваемый экономически,— подчеркивал В. М. Чернов,— есть не что иное, как колоссальная потребительная организация» [8].

Теоретические истоки потребительного подхода к экономике социалистического общества — идеология народничества. Известно, что рассмотрение потребления и распределения самостоятельно, независимо от производства,— это альфа и омега всей экономической позиции мелкобуржуазного социализма народников конца XIX — начала XX в. В. И. Ленин вскрыл порочность методологического приема либеральных народников, показав источник этой ошибки, идущей еще от Сисмонди и состоявшей в том, что экономисты-народники считали, будто «производство зависит от естественных законов, тогда как потребление определяется распределением, зависящим от воли людей»[9], в то время как «распределение» и «потребление» полностью зависят от условий и характера производства.

Один из теоретиков эсеровской партии И. Иванов-Разумник рассматривал «примат распределения над производством» как «принцип русского социализма». Соглашаясь с этим, В. Чернов писал: «В известном смысле можно говорить о примате распределения над производством в нашем миросозерцании»[10]. Примат распределения для удовлетворения потребностей трудящихся над производством как методологический принцип народнического подхода к действительности нашел проявление во всей концепции мелкобуржуазного социализма эсеров, в их понимании не только характера будущего строя, но и капитализма, путей и способов перехода к социализму.

Важную черту социалистического общества эсеры видели в нетоварном характере экономики, что соответствовало общепринятому представлению социалистов того времени. Уничтожение частной собственности на средства производства, планомерное ведение крупного обобществленного производства должны привести, согласно их пониманию, к уничтожению товарного производства. Обобществить производство — это поставить его, по мнению Чернова, «на совершенно новый фундамент хозяйства непосредственного общественного»[11].

Согласно эсеровской концепции социализма, механизм планомерности общественного производства должен был действовать через всесторонний учет потребления, который ляжет в основу определения количественных пропорций между различными отраслями экономики. Эсеры считали, что вопросы изучения и учета потребления должны находиться в центре внимания социалистов. «Теория, динамика и статика потребления для нас есть особая, хотя и почти еще не написанная глава политической экономики»,— подчеркивал В. М. Чернов, причем попытки буржуазных теоретиков предельной полезности проникнуть в глубь ее являлись, по его мнению, хотя и неудачными, но весьма поучительными [12].

Потребительный подход обусловил характер эсеровской модели социализма. «Сложная форма производительных ассоциаций, группирующихся вокруг потребительной, как вокруг своего естественного центра и рациональной основы...»[13], где производство будет организовано «на началах демократического самоуправления и автономии»[14], а не государственной централизации,— таков прообраз будущего строя в представлении В. М. Чернова.

На том основании, что в социалистическом обществе потребителями будут сами производители, Чернов считал, что «организация рабочих как производителей в известных отношениях будет подчинена организации рабочих как потребителей»[15]. Как производители рабочие будут распадаться на специальные группы по профессиям, а как потребители они будут сливаться в неразрывное целое — в территориальное объединение, группы различных размеров. «На этих различных группах по принципу децентрализации будет лежать обязанность учета и организации удовлетворения различного рода потребностей»[16].

Система управления народным хозяйством будущего общества Чернову представлялась в следующем виде. Профессиональные союзы «на второй день после социальной метаморфозы явятся естественными органами для управления ходом работ будущего общества». Кооперативы вместе с муниципиями будут заниматься вопросами «учета и расценки общественных потребностей», а следовательно, и регулированием сложного механизма распределения производительных сил по различным отраслям производства. Преобразованная на социалистических началах политическая организация страны, по мнению В. М. Чернова, должна осуществлять высший контроль и синтезирование интересов потребления и интересов производства.

Отвергая анархистское отношение к государству, Чернов писал о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели в будущем отмирание государства и противопоставляли этот процесс «анархистской импровизации уничтожения государства». В будущем обществе государству В. М. Чернов отводил роль центра, координирующего деятельность органов самоуправления. Он писал: «В будущем обществе центральные государственные учреждения будут играть ту крупную роль, которая естественно принадлежит им, как высшим координирующим органам народного самоуправления»[17].

Противопоставляя эсеровскую концепцию социализма марксизму, Чернов подытоживал: «Такова наша точка зрения в некоторых пунктах, поддерживающая отдельные тезисы марксизма, но втягивающая их в особое логическое сочетание, в котором... вопросы распределения и потребления не отодвинуты на задний план вопросами производства, но выдвинуты во всю меру своего удельного веса»[18].

Тем не менее влияние марксизма сказалось и на формировании у эсеров понятия об общем характере социально-экономических преобразований. Так, программой социально-революционного переворота эсеры считали «обобществление труда, собственности

и хозяйства, уничтожение вместе с частной собственностью самого деления общества на классы; уничтожение классового, принудительного, репрессивного характера общественных учреждений при сохранении развития их нормальных культурных функций, т. е. планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу»[19].

В то же время народнический подход к созданию социалистической экономики проявился в том, что в представлении эсеров все сколько-нибудь серьезные попытки конкретнее поставить и научно разработать вопросы социалистического преобразования общества, встающие сразу же после социальной революции, могли быть решены при рассмотрении экономических вопросов «под углом широкой народнохозяйственной потребительной точки зрения»[20]. Это нашло выражение в намеченной эсерами последовательности обобществления различных отраслей хазяйства, когда на первое место выдвигалось распределение. Чернов исходил из того, что социализации, т. е. обобществлению, фабрично-заводской промышленности должна предшествовать социализация распределения продукта, т. е. замена обмена, торговли и конкуренции «организованным доставлением» продукта потребителю[21]. В свою очередь, это предполагает систематический учет и оценку различных потребностей населения и его производительных сил, «распределение производительных сил между отдельными отраслями народного труда в соответствии с потребностями, установление таким путем гармонического соотношения, равновесия между разными отраслями производства». Организация планомерного производства требует создания множества учреждений и всестороннего развития «статистики потребления»[22].

Из эсеровского понимания социалистического идеала и основных черт социалистической экономики вытекало их специфическое представление о ведущей роли распределения и потребления в самом ходе социалистических преобразований. В. М. Чернов считал, что, чем ближе победа социализма, тем больше должны будут выдвигаться на первый план вопросы распределения и потребления[23]. Выделение этих вопросов народничеством обусловило и особое понимание эсерами предпосылок и путей перехода к социализму.

Таковы основные черты социалистической экономики в представлении эсеров, которые после Октябрьской революции послужат теоретической базой для разработки левонародническими партиями программы построения социалистической экономики.

[1] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. Пг., 1918. С. 97. Цитирую ранние работы Чернова по этому его сочинению, изданному позже.
[2] *Чернов В. М.* Социалистические этюды М., 1908. С. 280.
[3] *Чернов В. М.* Пролетариат, трудовое крестьянство и революция. Пг., 1917. С. 51.
[4] *Чернов В. М.* Социалистические этюды. С. 22.
[5] *Гусев К. В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 48—50.

[6] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. Пг., 1918. С. 88.
[7] *Гусев К. В.* Указ. соч. С. 97.
[8] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. С. 98.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 195.
[10] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. С. 97.
[11] Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. Париж, 1906. С. 150.
[12] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. С. 98.
[13] Там же. С. 99.
[14] *Чернов В. М.* Упразднение народничества // Заветы. 1914. № 6. С. 108.
[15] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. С. 100.
[16] Там же.
[17] *Чернов В. М.* Социалистические этюды. С. 46.
[18] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. С. 102.
[19] Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. С. 358.
[20] *Чернов В. М.* Основные вопросы пролетарского движения. С. 99.
[21] Там же. С. 102—103.
[22] Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. С. 150, 151.
[23] *Чернов В. М.* Упразднение народничества. С. 109.

А. Л. АФАНАСЬЕВ

ЭСЕРОВСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИБИРИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

(ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, РАЗМЕЩЕНИЕ)

Первые эсеровские группы возникли в Сибири еще в 1902—1904 гг. Основными источниками формирования и пополнения организаций ПСР были городские мелкобуржуазные слои (интеллигенция, учащиеся, студенты) и рабочие. Главными направлениями деятельности эсеров в период революции 1905—1907 гг. являлись агитационно-пропагандистская и организационная работа среди названных городских слоев населения и в меньшей степени среди солдат.

В период нарастания и высшего подъема революции 1905—1907 гг. борьба передовых представителей рабочего класса пробудила политическую активность широких народных масс, в том числе тех слоев, которые служили социальной опорой ПСР. В связи с этим эсеровские группы постепенно росли численно и расширяли свое влияние. К концу 1905 г. завершается формирование организаций в наиболее развитых губернских и областных центрах Сибири (Иркутск, Томск, Красноярск, Омск), где были созданы комитеты ПСР. Тогда же впервые стали действовать группы эсеров на некоторых станциях Сибирской железнодорожной магистрали. Общее число организаций ПСР в Сибири увеличилось с 5 в январе до 10 в декабре 1905 г. (см. табл. 10).

Источников, позволяющих со всей определенностью судить о численности эсеровских групп и комитетов, нами не обнаружено. Поэтому ограничимся общей оценкой. Иркутская организация

ПСР насчитывала до 100 членов. Остальные (красноярская, томская, омская и др.), по-видимому, были меньше.

В период отступления революции демократические мелкобуржуазные слои и связанные с ними по происхождению, средствам материального обеспечения, быту и мировоззрению отряды и слои рабочих проявили бо́льшую политическую активность, чем в 1905 г. В связи с этим в Сибири, как и по России в целом, наблюдался заметный рост количества и численности эсеровских организаций. На апрель 1907 г. они действовали по меньшей мере в 21 населенном пункте. В их числе были четыре организации с числом членов от 100 и более (см. табл. 11).

ТАБЛИЦА 10

Динамика роста организаций ПСР в Сибири в период 1905—1907 гг. *

Местонахождение	Форма организации			
	Январь 1905 г.	Декабрь 1905 г.	Июль 1906 г.	Апрель 1907 г.
Тобольская губерния				
Курган	—	—	группа	группа
Тюмень	—	—	группа	группа
— Тобольск	—	—	группа	«организация»
Омский уезд Акмолинской области				
Омск	группа	комитет	комитет	комитет
Томская губерния				
Новониколаевск	—	группа	группа	группа
— Барнаул	—	—	группа	группа
Томск	группа	комитет	комитет	комитет
Тайга	—	—	—	группа
Мариинск	—	группа	—	—
Енисейская губерния				
Ачинск	—	—	группа	группа
— с. Ужур Ачинского уезда	—	—	группа	—
Красноярск	группа	комитет	комитет	комитет
— Минусинск	—	—	группа	комитет
— Енисейск	—	—	—	группа
Канск	—	—	группа	группа
— с. Рыбинское Канского уезда	—	—	—	группа

ТАБЛИЦА 10 (окончание)

Динамика роста организаций ПСР в Сибири в период 1905—1907 гг. *

Местонахождение	Форма организации			
	Январь 1905 г.	Декабрь 1905 г.	Июль 1906 г.	Апрель 1907 г.
Иркутская губерния				
Нижнеудинск	—	группа	—	—
Черемхово	—	—	группа	группа
Иннокентьевская	—	группа	группа	группа
Иркутск	группа	комитет	комитет	комитет
Забайкальская область				
Верхнеудинск	—	—	—	комитет
Чита	группа	группа	группа	комитет
Оловянная	—	группа	—	группа
Борзя	—	—	—	группа
Итого по Сибири организаций	5	10	16	21

* Составлено по: *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 2-е изд., доп. Пг., 1918. С. 252, 412—414; *Вегман В.* 1905 год в Новониколаевске // 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 196; *Токарев А.* На станции Оловянная // 1905. Революционное движение на Дальнем Востоке. Владивосток, 1925. С. 32—33; Политическая каторга и ссылка. М., 1934. С. 290, 371, 700; Газета «Забайкальский рабочий» в 1905—1906 гг. Чита, 1955. С. 136, 141; *Копылов Д. И.* Из истории общественно-политического движения в учебных заведениях Тобольской губернии в 1905—1907 гг. // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 96, 97; Сибирские партийные известия. 1907. 5 июля. С. 5—8; 2 авг. С. 9; 30 сент. С. 13—14; Знамя труда. 1907. 1 июля. С. 22; 12 июля. С. 20—21; Партийные известия. 1907. 5 янв. С. 10; 15 февр. С. 6; Летучий листок. 1906. Июль; ЦГАОР СССР. Ф. ДП 00. 1905. 2 делопроизводство. Д. 80. Ч. 37. Л. 7; Д. 1800. Ч. 51. Л. 34; 1907. Д. 9. Ч. 36. Л. 105—109, 115, 122—123, 126—127; Ф. 1741. № 14789, 34836; Гос. архив Иркутской области. Ф. 600. Оп. 1. Д. 58. Л. 27; Д. 79. Л. 82—83; Д. 135. Л. 93, 112; Д. 150. Л. 304; Д. 240. Л. 19—24; Гос. архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 63. Л. 207; Д. 1024. Л. 34; Д. 1429. Л. 27; Гос. архив Томской области. Ф. 411. Оп. 1. Д. 161. Л. 29, 42. Губернии и населенные пункты перечислены в таблице с запада на восток. В графе «Местонахождение» знаком «—» помечены поселения, находящиеся в стороне от железной дороги. В графе «Форма организации» прочерк означает отсутствие в данное время оформленной организации.

В 1906—1907 гг. влияние эсеров среди рабочих, в том числе среди наиболее передового отряда сибирского пролетариата — рабочих железнодорожных мастерских и депо, расширилось. Объективной причиной этого было изменение качественного состава участников рабочего и революционного движения. Многие рабочие — социал-демократы и сочувствующие им — были арестованы или высланы. В то же время в движении приняли участие немало людей, не имевших развитого классового сознания. Субъективные причины крылись в недовольстве рабочих засильем меньшевистской линии в тактике некоторых сибирских организаций РСДРП (объединявших боль-

ТАБЛИЦА 11

*Организации ПСР в Сибири в сравнении с организациями РСДРП (конец 1906—начало 1907 г.)**

Местонахождение	Численность (наличие) организаций	
	ПСР (апрель 1907 г.)	РСДРП (декабрь 1906 г.)
Тобольская губерния		
Курган	+	260
Тюмень	+	+
— Ишим	—	+
— Тобольск	+	55
Омский уезд Акмолинской области		
Омск	100	300
Томская губерния		
— Каинск	—	60
Новониколаевск	+	180
— Барнаул	+	140
— Бийск	—	20
Томск	Около 300	225
Тайга	Не менее 12	65
Анжерск	—	30
Енисейская губерния		
Боготол	—	29
Ачинск	+	—
Красноярск	160	390
— Минусинск	+	—
— Енисейск	+	—
Канск	+	45
— с. Рыбинское Канского уезда	+	—
Иланская	—	50
Иркутская губерния		
Тайшет	—	15
Нижнеудинск	—	76
Зима	—	50
Черемхово	+	40
Иннокентьевская	+	40
Иркутск	Свыше 30	270
Слюдянка	—	20
Забайкальская область		
Мысовая	—	40
Верхнеудинск	Свыше 20	100
Хилок	—	40
Могзон	—	15
Чита	Около 170	250
Оловянная	20	40

ТАБЛИЦА 11 (окончание)

Местонахождение	Численность (наличие) организаций	
	ПСР (апрель 1907 г.)	РСДРП (декабрь 1906 г.)
Борзя	12	17
Сретенск	—	17
Итого по Сибири:		
членов партии	Свыше 824	Свыше 2879
организаций	21	31
в том числе:		
организаций в населенных пунктах, в которых находились главные железнодорожные мастерские и крупные депо	12(57%)	19(61%)
организаций в населенных пунктах, удаленных от железной дороги	5(23,8%)	5(16%)

* Составлено по: организации ПСР: ЦГАОР СССР. Ф. ДП 00. 1907. Д. 9. Ч. 63. Л. 105—109, 115, 122—123, 126—127; Знамя труда. 1907. 1 июля. С. 22; 12 июля. С. 20—21; Сибирские партийные известия. 1907. 5 июля. С. 5—8; 2 авг. С. 9; 30 сент. С. 13—14; Партийные известия. 1907. 15 февр. С. 6; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1429. Л. 27; *Копылов Д. И.* Указ. соч. С. 97; организации РСДРП: Извещение о III Общесибирской конференции РСДРП (декабрь 1906 г.) // Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции. 1906—1907 гг.: Документы и материалы. М., 1963. Ч. 3. С. 322; Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. Новосибирск, 1958. С. 457; *Тофорова Г. С.* Революционная деятельность и организационное укрепление западносибирских организаций РСДРП накануне и в годы первой русской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1976. С. 7—8, 16. В графе «Численность (наличие) организаций» знак «+» означает, что организация существовала, но нет сведений о ее численности.

шевиков, меньшевиков, примиренцев), симпатиях части трудящихся в период усилившихся политических и экономических репрессий к партии, представители которой совершали акты возмездия по отношению к проводникам карательной политики царизма, подвергаясь при этом жестоким преследованиям со стороны властей. В связи с этим рабочие стали составлять более значительную часть сибирских эсеров, увеличилось число организаций ПСР с преобладанием рабочих.

На основании отчетов сибирских эсеровских организаций, написанных в основном в апреле 1907 г. и сохранившихся в материалах 3-го Сибирского областного съезда ПСР (23—28 апреля 1907 г.) или опубликованных в 1907 г. в эсеровских нелегальных газетах, можно с известной степенью точности судить о социальном составе, местонахождении и численности комитетов и групп ПСР на апрель 1907 г.

По социальному составу существовало два типа организаций (см. табл. 11). Первый — в населенных пунктах, где находились

главные железнодорожные мастерские или крупные депо. В таких местах рабочие (главным образом железнодорожных мастерских и депо) составляли, как правило, не менее 50% эсеров. Это Красноярск (из 160 членов организации рабочих — 110 человек (69%), в том числе рабочих мастерских и депо — 80 человек (50%)); Омск (из 100 членов организации рабочих — 50, в том числе мастерских и депо —33 человека); Чита (рабочие, большинство которых трудилось в мастерских и депо, составляли примерно половину всех эсеров); Верхнеудинск (20 рабочих, в основном деповских, составляли не менее половины членов местной организации ПСР). А в небольших пристанционных поселках (Тайга, Иннокентьевская, Оловянная, Борзя) эсеровские группы состояли почти исключительно из железнодорожных рабочих, в основном деповских.

Второй тип организаций ПСР существовал в административно-торговых и культурных центрах, слабо развитых в промышленном отношении. Такие организации подразделялись на два подтипа:

1) с преобладанием полупролетарских категорий рабочих, главным образом приказчиков: в Иркутске (после полицейских разгромов, коснувшихся в основном непролетарской части организации, в последней состояло по меньшей мере 27 рабочих, составлявших не менее половины всех иркутских эсеров, из них 20— приказчики), в Ачинске (приказчики и подобные им категории рабочих составляли более половины членов организации), в Черемхове (небольшая местная группа состояла из рабочих, в основном приказчиков);

2) с преобладанием мелкобуржуазных слоев: в Томске (в организацию входили преимущественно студенты, учащиеся, интеллигенты), Минусинске.

Автору удалось установить лишь одну оформленную группу ПСР, действовавшую весной 1907 г., в сельской местности Сибири: в селе Рыбинском Канского уезда Енисейской губернии. Она состояла, предположительно, из крестьян и сельских интеллигентов. Эсеры вели работу среди крестьян также через местные беспартийные крестьянские союзы. Так, под их руководством находился Минусинский крестьянский союз Енисейской губернии, действовавший в уездном городе Минусинске и ряде волостей. Кроме того, в отдельных селах Сибири действовали кружки ПСР.

Преимущественно «городской» характер местонахождения организаций эсеров в Сибири объясняется тем, что местные эсеры располагали менее благоприятными возможностями для работы в деревне, чем эсеры Европейской России. Программа ПСР пользовалась в сибирской деревне меньшей популярностью, поскольку аграрный вопрос не стоял здесь столь остро, как в центре; движение сибирского крестьянства было сравнительно слабо и неразвито; связь городских эсеров с деревней затрудняли и большая отдаленность значительной части мест крестьянских выступлений, и плохо развитая сеть путей сообщения огромных сибирских губерний.

Исходя из социального состава перечисленных выше организаций ПСР, можно предположить, что весной 1907 г. рабочие — включая представителей полупролетарских отрядов (приказчики и т.п.) — составляли не менее половины членов ПСР в крае.

В. И. Ленин считал вполне понятным тот факт, что в капиталистической России в эпоху обостренного движения против крепостнических пережитков «часть рабочих идет за левонародниками, называющими „социализмом" смелые *крестьянские* (по существу вполне и безусловно *буржуазные*) требования...» [1]. Отметим при этом, что в 1906—1907 гг. в Сибири значительно большее число рабочих участвовало не в эсеровских, а в классово-пролетарских организациях РСДРП. В последних на конец 1906 г. состояло около 3 тыс. членов партии, более половины которых были рабочими. В эсеровских же организациях участвовало всего около 1 тыс. человек (см. табл. 11).

Мы не располагаем абсолютными данными о проценте рабочих в организациях РСДРП или ПСР по всей Сибири. Сопоставим сравнимые данные о местонахождении тех и других с целью попытаться выявить их социальный состав. По ряду организаций РСДРП и ПСР известно, что в тех из них, которые находились в населенных пунктах, в которых располагались главные железнодорожные мастерские или крупные депо, рабочие этих предприятий составляли большую или по крайней мере весьма значительную часть членов организаций. В то же время в комитетах и группах, находившихся в населенных пунктах, расположенных в стороне от Сибирской железнодорожной магистрали, рабочие, как правило, составляли незначительный процент участников. Организации РСДРП действовали на всех 19 станциях, где имелись главные железнодорожные мастерские и крупные депо. Эти 19 комитетов и групп составляли 61% всех социал-демократических организаций Сибири. Организации ПСР — лишь на 12 из них (57% эсеровских организаций). В то же время у эсеров был больший, чем у социал-демократов, процент организаций, находившихся в стороне от железной дороги (см. табл. 11). Исходя из этого, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что процент рабочих в сибирских организациях РСДРП был выше, чем в организациях ПСР, что было типичным и для других регионов страны.

Комитеты и группы эсеров закономерно уступали организациям РСДРП в Сибири, как и по России в целом, по численности (примерно в 3 раза), степени влияния на массы, последовательности в борьбе за демократию. Вместе с тем группы ПСР действовали в отдельных населенных пунктах «глубинки», где не было сколько-нибудь заметного слоя рабочих и социал-демократических организаций. Эсерам удалось вовлечь в революционное движение определенную часть представителей мелкобуржуазных слоев, а также рабочих, сторонившихся ранее «политики». Объективно это расширяло фронт борьбы с царизмом.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 251.

Н. А. МАЙДУРОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭСЕРОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ СРЕДИ КРЕСТЬЯН В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

(1910—1914 ГГ.)

В годы нового революционного подъема эсеровские группы существовали во всех крупных городах Западной Сибири. Наибольшую активность (особенно в начале нового революционного подъема) проявляли организации Омска, Тюмени, Томска, Новониколаевска.

Жандармские документы свидетельствуют, что в течение 1910—1912 гг., а также в начале 1913 г. социалисты-революционеры Омска имели партийный комитет, поддерживали связь с рядом организаций Сибири и центра страны. В Омск поступала эсеровская нелегальная литература, центральный орган партии журнал «Знамя труда». Эсеры Омска имели большую нелегальную библиотеку, насчитывавшую до 600 наименований запрещенных изданий, выпускали листовки [1]. Об издательской деятельности омских социалистов-революционеров неоднократно сообщалось в «Знамени труда» [2].

Эсеровские организации других городов также получали нелегальную литературу из-за границы, поддерживали связи с центральными органами партии. В 1910 г. тюменские социалисты-революционеры сумели наладить издание подпольной гектографированной газеты «Трудовой листок», выпускали прокламации. Печатали листовки и эсеры Томска и Новониколаевска [3].

Часть изданных в годы нового революционного подъема прокламаций была обращена непосредственно к крестьянам, например листовки 1911 г. омских и туринских эсеров «Крестьяне», «19 февраля», «К крестьянам». Другие прокламации в той или иной степени затрагивали крестьянский вопрос, как издания омских и новониколаевских эсеров 1911 и 1914 гг. «К молодежи», «К трудящимся».

Так, в листовке «19 февраля» разъяснялись причины, заставившие царизм пойти на отмену крепостного права в России; говорилось о сохранении экономической зависимости крестьян от помещиков; крестьянство призывалось к активной борьбе, «которая сметет с лица русской земли и дворянскую нечисть, и их чиновничьих прихвостней» [4]. В прокламации «К молодежи» содержалась резкая критика мероприятий правительства по разрушению крестьянской общины: «Вместо земли народ получил закон 9-го ноября, грубо нарушающий весь уклад крестьянской жизни,

явно способствующий экспроприации крестьян в пользу кулаков-мироедов» [5].

Выпущенная социалистами-революционерами нелегальная литература распространялась в селах и деревнях Западной Сибири. В ночь на 19 февраля 1911 г. в с. Липовском, деревнях Петровой, Чернышовой и Рычаг Туринского уезда Тобольской губернии была разбросана листовка «К крестьянам»; эсеры Тюмени распространяли в деревне свою газету «Трудовой листок»; связь с крестьянством поддерживали и другие организации социалистов-революционеров [6]. Нередко в селах обнаруживалась эсеровская литература, отпечатанная центральными издательствами. Так, в сентябре 1911 г. при обыске у писаря с. Колыванского Змеиногорского уезда эсера Петра Горшкова было изьято 28 запрещенных брошюр [7].

Эсеры Западной Сибири вели также устную пропаганду среди крестьян. В октябре 1911 г. один из жандармских агентов доносил о том, что член организации социалистов-революционеров писарь Ульянов ведет активную работу в с. Белозерском Барнаульского уезда [8]. В с. Алексеевском Акмолинского уезда антиправительственную пропаганду среди односельчан вел в 1911—1912 гг. Александр Трущенков. Акмолинский уездный начальник с тревогой сообщал прокурору омского окружного суда, что вокруг Трущенкова организовалась группа крестьян до 60 человек. При обысках, произведенных у Трущенкова и наиболее активных членов кружка, была обнаружена нелегальная литература и переписка компрометирующего характера, на основании которых жандармское управление предположило принадлежность А. Трущенкова к партии социалистов-революционеров [9].

Анализ архивных документов свидетельствует, что наиболее активное участие в пропагандистской работе на селе принимали учителя, служащие волостных правлений, землеустроительных органов, чины управления Алтайского округа, работники кооперации. На основании подсчетов автора вырисовывается следующая картина революционной деятельности социалистов-революционеров в деревне (см. табл. 12; приведенные в таблице сведения, безусловно, не могут считаться полными).

Агитационно-пропагандистская работа социалистов-революционеров не проходила бесследно. Под ее воздействием, а также в результате революционной деятельности социал-демократов, крестьяне все чаще приходили к мысли о необходимости уничтожения существующего строя. В архивах сохранилось немало свидетельств о высказываниях и пропаганде самих крестьян против «особы государя-императора». Так, крестьянин Ефим Ложнов из с. Шаховского Барнаульского уезда, будучи на базаре в июне 1910 г., говорил: «Вы вот тут бедствуете, а мы сделаем, что всем бедным будет хорошо, уберем государя-императора». В 1911 г. к ответственности был привлечен Михаил Дракко, пропагандировавший среди крестьян с. Малого Бащелака Бийского уезда учение об отрицании власти царя и существующего

ТАБЛИЦА 12

Революционная пропаганда эсеров в западносибирской деревне в 1910—1914 гг.

Формы	Количество установленных фактов				
	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г. (янв.—июнь)
Распространение изданий социалистов-революционеров	8	12	4	1	2
Случаи устной пропаганды	—	5	5	—	1

государственного строя. Подобной же пропагандой занимались крестьяне Кузнецкого и других уездов. В 1912 г. в Кузнецком уезде упорно распространялись слухи о перемене в этом году образа правления в России. Волостной писарь Иван Андреев в 1913 г. давал читать крестьянам Ординской волости Барнаульского уезда тетрадь с революционными песнями, призывающими к ниспровержению существующего строя [10].

Нередко под влиянием революционной агитации эсеров жители сел и деревень отказывались платить подати, выступали против местных властей. В результате революционно-демократической пропаганды представителей этой партии в 1912 г. крестьяне сел Веселоярского, Шелковниковского, Лаптева Лога, Топольного и Ново-Покровской волости отказались от ремонта дорог и намеревались отказаться от этой повинности и в 1913 г. [11].

Таким образом, в годы нового революционного подъема в селах Западной Сибири велась как устная, так и печатная пропаганда социалистов-революционеров. Несмотря на утопичность, мелкобуржуазность ряда пропагандируемых эсерами идей, их работа имела положительное влияние на революционно-демократическое воспитание крестьян.

[1] Гос. архив Омской области (ГАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 526. Л. 34, 189; Д. 59. Л. 3.
[2] Знамя труда. 1911. № 35. С. 19; № 36. С. 29.
[3] Гос. архив Тюменской области (ГАТюм.О). Ф. И-239. Оп. 1. Д. 84. Л. 121; Д. 85. Л. 119; Гос. архив Томской области (ГАТО). Ф. 36. Оп. 77. Д. 405. Л. 154; Ф. 159. Оп. 1. Д. 165. Л. 31; ЦГАОР СССР. Ф. 102. 00. Оп. 1914. Д. 9. Ч. 81. Л. Б, 1.
[4] ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 510. Л. 109.
[5] Там же. Д. 417. Л. 309. Наряду с этим некоторые прокламации содержали ошибочные идеи о необходимости всеми силами беречь и укреплять крестьянскую общину, о ведущей роли молодежи в революционной борьбе. См.: Там же; ЦГАОР СССР. Ф. 102.00. Оп. 1911. Д. 95. Ч. 2. Л. Г, 2 об.
[6] ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 178. Л. 217; ГАТюм. О. Ф. И-239. Оп. 1. Д. 85. Л. 119.
[7] ЦГАОР СССР. Ф. 102. 7 д-во. Оп. 1911. Д. 2481. Л. 2,6, 7; Ф. 102.00. Оп. 1911. Д. 9. Ч. 81. Л. Б, 57 об.
[8] Там же. Л. 65 об.

[9] ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 423. Л. 28, 56, 67, 69, 71.
[10] *Самосудов В. М.* Революционное движение в Западной Сибири (1907—1917 гг.): Документальное пособие к спецкурсу. Омск, 1971. С. 103, 104; ГАОО. Ф. 190. Оп. 3. Д. 20. Л. 1; Д. 507. Л. 1.
[11] ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Д. 2678. Л. 3.

Л. Г. ПРОТАСОВ

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЭСЕРОВ ЗА АРМИЮ В 1917 г.

Изучение истории борьбы за армию в 1917 г. в конечном счете сводится к изучению борьбы политических партий России — самого цельного, самого полного и оформленного выражения политической борьбы классов [1]. Русская армия была одной из основных сфер партийно-политического противоборства во всех российских революциях, особенно между Февралем и Октябрем. «Борьба за влияние на армию,— говорилось в обращении Военной организации при ЦК РСДРП(б) к солдатам 25 мая 1917 г.,— окрашивает всю классовую борьбу текущего момента» [2].

История деятельности эсеров в армии, путь этой мелкобуржуазной партии от апофеоза к утрате влияния и большинства массовых приверженцев среди солдат весьма поучительны, как часть совокупного и все более значимого опыта Октябрьской революции. Не случаен и повышенный интерес западной историографии к «эсеровскому феномену». Ее излюбленный мотив — поиски «демократической» альтернативы реальному ходу революции в России, доказательств необязательности или даже случайности прихода к власти большевиков. В противоположность большевикам («безответственным демагогам», «экстремистам» и т. п.) мелкобуржуазные, в частности эсеровские, лидеры обычно предстают в таком изображении как бескорыстные поборники широкой демократии, как жертвы собственного нежелания или неумения решительно обуздать анархию в армии. Все это далеко от понимания подлинных причин политического банкротства эсеровской партии в вооруженных силах России.

Характерно, что саму армию (точнее, ее солдатское большинство) буржуазные авторы подают как пассивный объект межпартийной борьбы, не видя ни реальных социальных конфликтов в ней, ни прогресса политического сознания солдат. Даже такой последовательный объективист, как А. Уайлдмэн, в своей серьезной монографии «Конец русской императорской армии» общий смысл классовых противоречий и побудительный мотив революционного процесса в армии сводит к антагонизму между... образованными и необразованными общественными классами [3].

При всех достижениях советской историографии Великого Октября эсеровский сюжет разработан до сих пор далеко не полно и в общем и в конкретном планах. Деятельность эсеров в своеобразных условиях армейского общественного организма не отражена, например, в новейшей коллективной монографии «Непролетарские партии России: Урок истории». Нередко историки, сосредоточиваясь на исследовании борьбы большевиков против эсеров как главной контрбольшевистской силы в армии, упускают из виду позитивную разработку вопросов численности и состава эсеровских организаций, их политики и тактики в армии и др.

В данной статье подняты лишь отдельные вопросы борьбы эсеров за армию в 1917 г.

Каждая политическая партия в своей деятельности опирается на определенную социальную базу, которая обусловливает не только характер и масштабы, но и формы идейно-политической и организационной работы партии. Превращение армии после Февральской революции в один из главных (наряду с крестьянством) очагов эсеровского влияния нельзя объяснить только субъективными факторами. Примерно 2/3 общей численности солдат составляли крестьяне, в классовом отношении к ним примыкали городские и сельские ремесленники, мелкие торговцы, низшие служащие, интеллигенты, мобилизованные в армию. Не менее важны изменения в составе офицерства: за годы войны более чем вдвое сократился процент дворян и вырос удельный вес мелкобуржуазных элементов, особенно на низших этажах офицерского корпуса. Именно эта «родственная» партии эсеров прослойка дала ей значительные кадры пропагандистов, к тому же импонировавших солдатам своим демократизмом. В этом эсеры ощутимо превосходили большевиков, остро ощущавших нехватку интеллигентских сил в армии.

Другим каналом эсеровского проникновения в армию были полувоенные союзы земств, городов, военно-промышленные комитеты. Среди их почти 3 млн служащих было немало радикально настроенных элементов, после свержения царизма влившихся в ряды эсеров.

Очерчивая социальную базу партии эсеров в армии, отметим ряд обстоятельств. Во-первых, эсеры не упускали случая выдать свои политические цели и интересы за общенародные, общенациональные, используя для этого социалистические идеалы. Во-вторых, социальная база партии и ее социальный состав, конечно, не тождественны друг другу. Еще К. Маркс указывал, что идейные выразители мелкой буржуазии не обязательно должны сами принадлежать к этому классу: «Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа» [4]. Но у эсеров было просто разительное несоответствие между социальной ориентацией партии и классовой принадлежностью фукционеров. Среди 280 членов эсеровской

фракции Московского Совета солдатских депутатов, согласно их анкетам, было 149 служащих (53%), 72 рабочих (26%) и лишь 59 крестьян (21%). Наконец, в-третьих, классовая база эсеровской партии не была ни обособленной, ни неизмененной, ее грани были «размыты». В армии вообще не было почвы для той разобщенности, которая в обычной жизни отличала мелких собственников, привязывала их экономически к буржуазии. Огромное морально-психологическое воздействие на солдат оказывала затяжная война. Хотя верхи мелкой буржуазии были заинтересованы в военных прибылях, солдаты ощущали себя пушечным мясом и через эту призму воспринимали войну.

Впоследствии эсеровские публицисты пытались объяснить переход солдат к большевизму их «деклассированностью» [5], сложившейся у них за годы войны психологией потребления. Вырванные из своей социальной среды, солдаты, однако, не полностью порывали классовую связь, сохраняли мелкобуржуазный по преимуществу образ поведения. Вместе с тем было бы неверно выводить конкретные действия солдат прямо из экономических условий существования мелкого буржуа.

Таким образом, армия являла собой благоприятную среду для деятельности мелкобуржуазных партий. При всех идейно-тактических разногласиях эти партии политически так тесно контактировали, а их фланги были так растянуты, что соглашательский партийный блок впитывал в себя любые мелкобуржуазные предрассудки [6]. Чтобы разграничить базу эсеров и меньшевиков в армии, заметим, что к первым тянулись выходцы из крестьян, сельскойинтеллигенции, мелких торговцев, учащиеся, к меньшевикам — ремесленники, служащие, низы городской интеллигенции, часть рабочих, в основном мелких предприятий. Приверженность меньшевизму предполагала обычно более высокую, в сравнении с эсерами, теоретическую подготовку, в частности знакомство с марксизмом, разумеется, догматически понимаемым.

После Февральской революции в армии, как и во всей стране, сложился эсеро-меньшевистский соглашательский блок. Он основывался не только на общности тактических установок, но и на идейном сближении партий, одна из которых называла себя марксистской, другая — народнической. Эсеры, прежде обещавшие крестьянину немедленное введение социализма, теперь переняли меньшевистские идеи неподготовленности России к социализму, необходимости растянуть этап буржуазной демократии в стране [7]. В целом соглашательская пропаганда в армии велась с уклоном к меньшевизму при добавлении эсеровского варианта решения аграрного вопроса. Но после вхождения эсеровских лидеров в состав коалиционного Временного правительства лозунг «земли и воли» был уже не столько данью народническим традициям, сколько приманкой для солдат-крестьян.

Далеко не простой представляется проблема взаимодействия вождей партии и эсерствующих солдатских масс. Объявив крестьянство главным двигателем русской революции, эсеры

видели в солдатах его политический резерв. Их агитация в армии шла энергично, с размахом и поначалу давала обильную жатву. Но по существу, эсеровские вожди, как наглядно показало развитие революции, манипулировали солдатами в своих практических интересах. Это проявилось в затягивании империалистической войны, отсрочке решения вопроса о земле, подчинении солдат командной власти буржуазного офицерства.

В основе субъективных социально-психологических мотивов политического поведения эсеров, в том числе и в армии, было обычно стремление найти «третий путь» в революции, достичь общественной гармонии путем отказа всех классов от крайних требований. Отсюда и характерная вера в Учредительное собрание, которое якобы способно выразить общенародную волю. «Демократ,— писал К. Маркс,— представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма» [8]. Огромное численное преобладание мелкой буржуазии усиливало иллюзию ее определяющей политической роли. На самом деле все зависело от того, кто поведет за собой мелкую буржуазию: пролетариат или буржуазия.

В тщательном изучении нуждается организационная работа эсеров в армии. Историческим парадоксом выглядит почти безраздельное господство эсеров над умами солдат после свержения монархии — оно никак не соответствовало масштабам военной работы этой партии до Февральской революции. В основном солдатская революционность того времени была стихийной, беспартийной. В первые дни и недели свободы политическое размежевание среди солдат лишь намечалось, ибо они в своем подавляющем большинстве еще не разбирались в партиях. Массам казалось, замечает Х. М. Астрахан, что партийные разногласия заключаются не в понимании целей борьбы (все партии за социализм), а в средствах их достижения [9]. Эсеры обещали более легкий путь к социализму: не через борьбу с буржуазией, а через соглашение с ней, без новой революции. Непролетарскую массу такая перспектива устраивала, а отсутствие собственного политического опыта мешало разобраться в подлинной сущности партии. В мае 1917 г. В. И. Ленин отмечал, что солдаты-крестьяне пока не понимают, «чего *на деле* добивается каждая партия» [10].

Оценивая причины популярности эсеровской партии в армии, не следует игнорировать и того, что в первые месяцы революции (во всяком случае, до мая 1917 г., в период пребывания в оппозиции к буржуазному правительству) она не исчерпала еще своего демократического потенциала. Эсеры участвовали в демократизации армии, хотя и сдерживали ее размах, возглавляли большинство Советов и комитетов, различных других непартийных организаций в армии. Они активно использовали для саморекламы кампанию выборов делегатов от солдат-крестьян на Всероссийский съезд крестьянских депутатов в апреле—мае. Эсеры

инспирировали создание и доминировали в военно-крестьянских Советах Рязани, Тулы, Орла, Курска, Ярославля и других тыловых гарнизонов.

Эсеры располагали таким мощным средством пропагандистского воздействия, как пресса. В октябре они издавали 90 газет [11]. По существу, правоэсеровскую позицию выражали органы столичных Советов «Голос солдата» (Петроград) и «Солдат-гражданин» (Москва), большинство фронтовых газет. Эсеровская печатная продукция не встречала никаких препятствий распространению в действующей армии и тыловых частях.

Исследователи едины в том, что численность эсеровских рядов в армии была очень велика, но за отсутствием прямых данных оценивают ее по-разному. П. А. Голуб на основе эсеровских публикаций подсчитал, что только в организациях партии на Румынском, Юго-Западном и в 12-й армии Северного фронтов было около 210 тыс. эсеров [12]. Х. М. Астрахан, экстраполируя эти данные на всю действующую армию, полагает численность эсеровских организаций в ней близкой к 400 тыс. членов [13].

Оригинальную методику исчисления предложил В. И. Миллер. Сопоставляя число голосовавших за эсеров на выборах в Учредительное собрание с численностью отдельных фронтовых и армейских организаций, он выявил диапазон соотношений действительных членов партии и сочувствующих ей. В итоге, по мнению В. И. Миллера, число членов ПСР на фронте не намного превышало 250 тыс. и еще не более 10 тыс. было в эсеровских организациях флота [14].

Подобный метод, очевидно, нуждается в уточнении, но избирательная статистика и в самом деле может быть полезна при определении численности членов партии в армии. Если учесть, что на Юго-Западном и Румынском фронтах, где влияние эсеров было наибольшим, они собрали около 1082 тыс. голосов, а на всех остальных фронтах приблизительно 782 тыс. [15], то оценка В. И. Миллера представляется более точной, чем Х. М. Астрахана.

Еще сложнее установить общую численность эсеров в тыловых гарнизонах. Часто она была велика: в Риге — свыше 4 тыс. человек, в Перми — 3,5 тыс., в Екатеринбурге — свыше 2,5 тыс.; крупные военные организации эсеров имелись в Петрограде, Кронштадте, Москве, Казани, Саратове, Нижнем Новгороде и др. Впрочем, за этими эффектными цифрами скрывались раздутость, рыхлость эсеровских рядов, преобладание так называемых «мартовских эсеров». Не ставя перед собой четких, самостоятельных политических целей, партия эсеров мало заботилась о чистоте и сплоченности своих рядов. Спешно навербованные в партию солдаты часто держались пассивно или вовсе отходили влево от своих вождей.

Эсеры сравнительно поздно приступили к централизации своей военной работы: лишь в июле при ЦК была образована военная комиссия, только в сентябре в Петрограде состоялась 1-я общеармейская конференция военных организаций ПСР (на три месяца позже большевистской). Ход эсеровского партийного

строительства в армии показывает неосновательность мнения, будто эсеры пренебрегали низовым партийным звеном [16]. Пожалуй, именно успехи и активность низового аппарата в условиях быстрого роста эсеровского влияния позволяли обходиться без особой централизации военной работы до тех пор, пока не обнаружился ее кризис.

Уже после Октября, размышляя над причинами своего краха в армии, некоторые эсеровские лидеры сетовали на недооценку военной области. Один из руководителей военной комиссии ЦК партии — В. Ф. Соколов писал: «В то время как большевики работали в полках Петрограда и Москвы, мы более интересовались мирной организационной работой, весьма рьяно уйдя в административный аппарат... До самого ноября 1917 г. эсеровская военная комиссия была в состоянии анабиоза» [17]. С такой самооценкой можно согласиться в том, что деятельность большевиков сужала поле эсеровского влияния в армии, а затем стала теснить его. Но суть дела заключалась, конечно, не в отдельных субъективных ошибках и организационных просчетах, а в идейно-политической несостоятельности партии эсеров. Никакие организационные сверхусилия не могли компенсировать ненаучности самой народнической теории, отсутствия у эсеров исторической перспективы в обстановке развернувшейся пролетарской революции. Показательно, что в дни Октябрьской революции солдаты не поддержали правых эсеров в борьбе против Советской власти даже на тех отдаленных от центра фронтах, где еще сохранялись значительные очаги эсеровского влияния.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 137.
[2] Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции: Сб. документов. М., 1977. С. 165.
[3] *Wildman A. K.* The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers Revolt, March—April 1917. Princeton, New Jersey, 1980.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 148.
[5] Октябрьский переворот: Факты и документы. Пг., 1918. С. 18, 24; Большевики у власти: Социально-политические итоги Октябрьского переворота. М., 1918. С. 8, 9, 72 и др.
[6] Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 165.
[7] *Протасов Л. Г.* Армия в политических концепциях меньшевиков и эсеров в 1917 г.// Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982. С. 212.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 151.
[9] *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 году: Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973. С. 77.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 50.
[11] *Астрахан Х. М.* Указ. соч. С. 242.
[12] *Голуб П. А.* Партия, армия и революция. М., 1967. С. 54.
[13] *Астрахан Х. М.* Указ. соч. С. 233.
[14] *Миллер В. И.* К истории борьбы непролетарских партий за армию в 1917 г.// Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. С. 251.
[15] *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 418.

[16] Сомнение в обоснованности такого мнения ранее высказали И. М. Ионенко и Р. С. Цейтлин в статье «Борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями в гарнизонах Казанского военного округа». См.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 243.

[17] *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного собрания // Октябрьская революция. М.; Л., 1926. С. 350—351.

В. В. КАНИЩЕВ

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРЕОБЛАДАНИЯ ЭСЕРОВ В ГОРОДСКИХ СОВЕТАХ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА ВЕСНОЙ 1917 г.

Оценивая роль Советов, возникших весной 1917 г., В. И. Ленин писал, что «С.Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства» [1]. Вместе с тем после Февральской революции сложилась такая своеобразная политическая ситуация, когда во главе большинства Советов оказались мелкобуржуазные партии, которые не считали Советы революционной властью и сознательно занимали позицию «наблюдения» за буржуазным Временным правительством и органами буржуазной власти на местах. Причины преобладания в большей части Советов именно этих партий глубоко и всесторонне раскрыты в работах В. И. Ленина [2], постоянно анализируются историками Октября [3]. Однако они чаще всего рассматриваются в общероссийском плане или на примере столичных Советов. Поэтому есть необходимость специального изучения причин преобладания мелкобуржуазных партий в Советах отдельных регионов страны, что позволило бы точнее и детальнее представить соотношение общего, российского и особенного, регионального во взаимодействии между Советами и массами, партиями и классами на начальном этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В этой связи основная задача данной работы видится в том, чтобы выяснить условия и факторы, способствовавшие весной 1917 г. приходу к руководству городскими Советами Центрального Черноземья мелкобуржуазных партий, прежде всего эсеров.

Сохранившиеся документы весны 1917 г. не содержат сведений о первоначальном партийном составе Советов городов Черноземного Центра. Думается, что дело не в сохранности документов. Скорее всего, бóльшая часть депутатов Советов, избранных в первых числах марта 1917 г., не имела четкой партийной принадлежности или вовсе была беспартийной. Это связано с тем, что полити-

ческая ориентация масс в то время во многом не определилась и носила характер «революционной беспартийности»[4].

Первоначально только в исполкомах городских Советов ЦЧР просматривалось более или менее четкое партийное размежевание. В начале марта 1917 г. в исполкоме Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов было 67% эсеров, 20% меньшевиков, 13% большевиков[5]. В исполкоме Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов второго созыва (май 1917 г.) среди 60 членов было лишь 3 большевика[6], большинство в исполкоме и Совете, видимо, имели эсеры. Во всяком случае, среди делегатов от Орловского Совета на II Всероссийский съезд Советов наряду с одним большевиком был один эсер[7], что свидетельствовало о сохранении сильного влияния социалистов-революционеров в этом Совете вплоть до осени 1917 г. Весной это явление, судя по всему, было еще большим.

Партийный состав Советов рабочих и солдатских депутатов Центрального Черноземья вырисовывался постепенно. Вероятно, по этой причине точные данные о партийной принадлежности депутатов этих Советов относятся к лету, а то и к осени 1917 г. В Воронеже на июльских перевыборах Совета рабочих и солдатских депутатов 66% мест получили эсеры, 10% — большевики, 6% — меньшевики, 14% — беспартийные[8]. О партийном составе Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов можно судить по результатам перевыборов, проходивших 30 сентября — 1 октября 1917 г. Тогда эсеры получили 44% депутатских мест[9]. Учитывая, что перевыборы проходили в условиях явного падения авторитета эсеров в массах, можно утверждать, что весной—летом 1917 г. их представительство в местном Совете было значительно шире. Показателем преобладания эсеров в Курском Совете рабочих и солдатских депутатов служит тот факт, что даже на II Всероссийский съезд Советов этот Совет делегировал трех эсеров[10]. Вплоть до осени 1917 г. руководящую роль эсеры, вероятно, играли и в Лебедянском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Один из двух делегатов, избранных этим Советом на II Всероссийский съезд Советов, был эсером[11]. О сильном влиянии эсеров в Советах Черноземного Центра свидетельствует и то обстоятельство, что даже в рабочем поселке Бежица, где находился очень крупный Брянский завод, на июньских перевыборах Совета рабочих депутатов эсеры получили 30% мест в составе Совета и 40% — его исполкома[12].

Основной социально-политической причиной, обусловившей преобладание мелкобуржуазных партий в Советах в первые послефевральские месяцы, было пробуждение к активной политической жизни громадных непролетарских слоев трудящихся, а также политически незрелых отрядов рабочего класса, являвшихся носителями мелкобуржуазной психологии. Это обстоятельство оказывало на ход выборов в Советы в различных частях страны неоднозначное воздействие, которое порой не замечается историками. В промышленных районах решающее значение имело то, что «гигант-

ская мелкобуржуазная волна», по выражению В. И. Ленина, «заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»[13]. В непромышленных районах, к каковым относился Черноземный Центр, важнейший причиной прихода к руководству Советами эсеров и меньшевиков явилось преобладание среди избирателей полупролетарских и мелкобуржуазных слоев населения, которые сами были носителями мелкобуржуазной психологии. Так, в Тамбове из 11,5—12 тыс. участников выборов Совета рабочих депутатов от учреждений и предприятий города в марте—апреле 1917 г. по меньшей мере 7,5 тыс. относились к полупролетарским элементам (приказчикам, низшим почтово-телеграфным служащим, трактирной и учрежденческой прислуге), мелким производителям (портным и сапожникам) и «новым» средним слоям (служащим, интеллигенции, студентам). Представители этих слоев избрали 63% членов Тамбовского Совета рабочих депутатов[14]. Причем организаторы выборов ставили своей целью «организацию солдат и нецензовых элементов населения», т. е. всех трудящихся города, за исключением небольшого числа зажиточных мелких хозяев. Представители «третьего элемента» (городские и земские служащие) вообще рассматривались «как лица, наравне с рабочими у станков продающие свой труд капиталу»[15].

Моршанский Совет рабочих депутатов, созданный в марте 1917 г., в приветствии Московскому Совету сообщал, что объединяет 10 тыс. железнодорожников, заводских рабочих, приказчиков и ремесленников[16]. Промышленных рабочих в Моршанске было не более 3,3 тыс.[17] Среди местных железнодорожников пролетарских элементов было очень мало. Бо́льшая часть их жила в окрестных селах и имела связь с землей. Поэтому можно утверждать, что большинство избирателей Моршанского Совета составляли представители непролетарских слоев трудящихся.

Аналогичная картина наблюдалась и в других городах Центрального Черноземья. В Острогожске избирателями были прежде всего мелкие производители (сапожники, портные, шубники и др.), торговые служащие, служащие общественных организаций[18]. В Бутурлиновке основную массу избирателей Совета рабочих депутатов составляли сапожники-кустари, приказчики, служащие мельницы, учителя[19].

Приняв во внимание, что значительная часть рассматриваемых Советов избиралась солдатами, которые в массе своей являлись выходцами из крестьянства, несложно прийти к выводу, что подавляющее большинство избирателей Советов рабочих и солдатских депутатов Черноземного Центра составляли полупролетарские и мелкобуржуазные элементы населения. Вся эта масса непролетарских слоев трудящихся, естественно, тяготела к мелкобуржуазным партиям. В таких условиях преимущество получали эсеры, которые в большей мере, чем их основные партнеры по соглашательскому блоку — меньшевики, были связаны с массами[20]. Особенно привлекательной для мало сведущих в политике полупролетарских и мелкобуржуазных слоев населения была эсеровская

псевдореволюционная фразеология. Типичную для городов рассматриваемого региона характеристику отношения непролетарских слоев трудящихся к эсерам в послефевральские месяцы дал в своих воспоминаниях один из создателей большевистской организации в Трубчевске — П. С. Матвеев. Он писал: «(В это время) потянулись к политической жизни и наиболее активные текстильщики, швейницы. Они стали посещать клубы. Многим не искушенным в политике приглянулась группа эсеров. Ведь из их уст непрерывным потоком лилась „революционная“ фразеология: „В борьбе обретешь ты право свое“, „Мир — хижинам, война — дворцам“, „Социализация земли, трудовое начало и уравнительное землепользование“, „Всенародное учредительное собрание“ и т. д.» [21].

Немаловажную роль в победе непролетарских партий на первых выборах в Советы сыграла заметная мелкобуржуазность рабочего класса ЦЧР. Так, в Воронеже рабочие Воронежских и Отрожских железнодорожных мастерских голосовали прежде всего за эсеров, большинство рабочих крупного завода Столля отдали предпочтение эсерам и меньшевикам [22]. В Тамбове рабочие типографии губернского земства избрали в Совет видного деятеля местных эсеров С. М. Батманова [23].

Определенные преимущества мелкобуржуазным партиям давала система представительства в Советы. В Воронеже нормы представительства в Совет выглядели так: предприятия с числом рабочих свыше 300 человек посылают в Совет по одному депутату от каждых 300 выборщиков; предприятия с числом рабочих от 30 до 300 человек посылают одного депутата; более мелкие предприятия соединяются вместе и посылают представителей из того же расчета [24]. В положении о выборах в Курский Совет отмечалось: «количество депутатов должно избираться по расчету: 1 депутат от 200 человек, но в тех предприятиях, где служащих и рабочих менее 200 человек, выборы производятся от 100 человек. Предприятия же, где служащих и рабочих менее 100 человек, объединяются в общее собрание и производят выборы 1 депутата от 200 служащих и рабочих» [25]. В «Проекте организационного устава Тамбовского Совета р. и с. д.» сказано: «...§2. Делегаты от рабочих избираются таким образом: а) каждое предприятие, имеющее от одного до 100 чел., дает одного представителя, от 100 до 200 — двух представителей и т. д. ...» [26]. Такие нормы представительства ставили в выгодные условия мелкие коллективы избирателей. В Тамбове, например, от 18 мелких предприятий, организаций и учреждений с общим числом избирателей не более 1,3 тыс. человек был избран 21 депутат, а от почти двухтысячного коллектива вагоноремонтных мастерских — только 18 депутатов [27].

Нередко эти нормы нарушались, и рабочие и служащие мелких предприятий и учреждений, не объединяясь, посылали своих депутатов в Совет. Так, в Орле при норме представительства 1 депутат от 100 рабочих около 5 тыс. рабочих, как сообщали местные «Известия Совета рабочих депутатов», избрали 92 члена Совета, т. е. фактически 1 депутат избирался от 50—60 человек [28]. Учи-

тывая, что в городе было всего 4 крупных промышленных предприятия с общей численностью рабочих максимум 1200 человек [29], несложно понять, что подавляющее большинство депутатов Орловского Совета было избрано на мелких предприятиях, а также, вероятно, в коллективах непролетарских слоев трудящихся, поскольку на всех заводах и фабриках Орла работали в 1917 г. не более 2 тыс. человек и цифра 5 тыс. избирателей-рабочих, указанная в газете, видимо, относится ко всем избирателям. Рабочие мелких предприятий и тем более непролетарские слои трудящихся традиционно были социальной базой мелкобуржуазных партий в городах. Естественно, что те преимущества, которые эти слои населения получили на выборах в Советы, в значительной мере способствовали победе на выборах эсеров и меньшевиков.

Существенную роль в том, что к руководству Советами в марте—апреле 1917 г. пришли мелкобуржуазные партии, сыграл недостаток организованных большевистских сил в городах Черноземного Центра. Накануне Февральской революции большевистские организации были лишь в Воронеже и Острогожске. В марте—апреле 1917 г. социал-демократические организации возникли еще в 7 городах. Однако практически все они поначалу были объединенными, большевики зачастую не имели четко отличающейся от меньшевиков политической линии. Советов же в городах рассматриваемого региона возникло как минимум 18. Большевистские организации не только во многих случаях не участвовали в создании Советов, но и сравнительно долго не могли оказать мощного противодействия их эсеро-меньшевистскому руководству.

Определенное значение для успеха эсеров на выборах в Советы имело и то обстоятельство, что эта партия умело использовала свой авторитет «борца за народ», приобретенный в глазах определенной, в основном непролетарской, части трудящихся действиями в период революции 1905—1907 гг. Особое впечатление на «обывателя» тогда производили дерзкие террористические акты социалистов-революционеров (убийство тамбовскими эсерами Катиным и Кузнецовым вице-губернатора Богдановича, покушение в Борисоглебске М. Спиридоновой на начальника карательного отряда Луженовского и др.). В Воронеже, как вспоминал Н. Н. Рабичев, в 1917 г. по старой памяти пользовались авторитетом среди рабочих и служащих ЮВЖД эсеры — участники железнодорожной забастовки 1905 г., которых называли «иконами» [30].

Таким образом, преобладание эсеров в городских Советах Центрального Черноземья весной 1917 г. было обусловлено прежде всего причинами общероссийского характера. Но эти причины проявились в рассматриваемом непромышленном регионе значительно сильнее, чем в индустриальных районах страны, проявились здесь, если так можно выразиться, в классическом виде. Специфические региональные обстоятельства также благоприятствовали мелкобуржуазным партиям. Все это способствовало не только приходу эсеров к руководству местными Советами весной 1917 г., но и обеспечило сравнительную долговременность и прочность этого руко-

водства, что в значительной мере притормозило и усложнило установление подлинно Советской власти в большинстве городов Черноземного Центра.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 115.
[2] См.: Там же. С. 147, 156—157, 242 и др.
[3] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1977. Т. 1; *Андреев А. М.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967; *Он же.* Местные Советы и органы буржуазной власти, 1917 г. М., 1983; *Морозов Б. М.* Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1977; и др.
[4] *Астрахан Х. М.* Рабочий класс и политические партии России в 1917 г. // Непролетарские партии России в 1917 г. и в годы гражданской войны. М., 1980. С. 60.
[5] *Соболев П. Н.* Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 14.
[6] *Морозов В. Ф.* Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России (октябрь 1917 г.—март 1918 г.). Саратов; Пенза, 1967. С. 155.
[7] Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 114—142.
[8] *Соболев П. Н.* Указ. соч. С. 57.
[9] *Морозов В. Ф.* Указ. соч. С. 189.
[10] Второй Всероссийский съезд Советов... С. 114—142.
[11] Там же.
[12] *Морозов В. Ф.* Указ соч. С. 154.
[13] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 31. С. 156.
[14] Гос. архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. р-6. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—31.
[15] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти (1917—1918 годы): Сб. документов. Тамбов, 1957. С. 29.
[16] *Смирнов А. Е.* Советы рабочих и солдатских депутатов Тамбовской губернии в марте—июне 1917 г. // Под знаменем Октября. Воронеж, 1966. Вып. 1. С. 11.
[17] *Морозов В. Ф.* Указ. соч. С. 82.
[18] Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии, 1917—1918 гг.: Сб. документов и материалов. Воронеж, 1957. С. 24.
[19] Там же. С. 162.
[20] *Астрахан Х. М.* Блок соглашательских партий в марте—октябре 1917 г.: (Особенности, соотношение сил, эволюция) // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917—1922 гг. М., 1977. Ч. 1. С. 37.
[21] Октябрь на Брянщине: Сб. документов и воспоминаний. Брянск, 1957. С. 234.
[22] За власть Советов: Сб. воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917—1918 гг. Воронеж, 1957. С. 15, 33.
[23] ГАТО. Ф. р-6. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
[24] Воронежский телеграф. 1917. 5 марта.
[25] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии: Сб. документов. Курск, 1957. С. 11.
[26] Цит. по: *Смирнов А. Е.* Указ. соч. С. 10.
[27] ГАТО. Ф. р-6. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—31.
[28] Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг. Орел, 1957. С. 20, 25.
[29] *Морозов В. Ф.* Указ. соч. С. 78, 93.
[30] За власть Советов... С. 33.

Г. Н. КАВЕРИНА

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНИХ ГОРОДСКИХ СЛОЕВ И МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ПАРТИИ В ПЕРИОД МИРНОГО РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ

(НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В борьбе с царским режимом в феврале 1917 г. слились, по выражению В. И. Ленина, «*совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления» [1]. Началось активное включение в политическую жизнь практически всего населения России, в том числе и средних слоев города (полупролетарских групп наемного труда, служащих, интеллигенции, студенчества, мелкой буржуазии), которые составляли более 14 млн человек [2]. Одной из форм участия этих социальных групп в общественной жизни были профсоюзные организации. Бурный рост профессионального движения был характерной чертой периода между Февралем и Октябрем: в марте—апреле 1917 г. по всей стране образовалось свыше двух тысяч профессиональных союзов[3], почти половину которых составляли объединения средних городских слоев [4].

Мелкобуржуазные партии стремились подчинить профсоюзное движение средних слоев своим политическим целям, прикрываясь лозунгом «внепартийности профсоюзов». Типичный характер для непромышленных районов России имело профсоюзное движение в Тамбовской и Воронежской губерниях. Пролетариат здесь был малочислен и слабо организован, основную массу населения городов составляли промежуточные слои. Профессиональное движение средних городских слоев было стихийным и чрезвычайно пестрым. В основу построения союзов брались цеховые, служебные принципы, в редких случаях — производственные. Многие из союзов были карликовыми (союзы гувернеров, парикмахеров, бонн, кучеров и т.д.), существовали недолго, быстро распадались или вливались в более крупные объединения.

Например, наряду с тамбовским педагогическим союзом был создан отдельный от него педагогический союз духовных школ; в Воронеже некоторое время существовали самостоятельные организации домашней мужской и женской прислуги, сестер милосердия, фельдшеров, акушерок. В Тамбове из 35 союзов, образованных в 1917 г., около тридцати приходилось на долю средних слоев, в Воронеже из 30 различных союзов более 20 составляли союзы служащих и полупролетарских элементов [5]. Весна—лето 1917 г. были временем особой активности непролетарских городских масс в профессиональном движении. Эта активность объясняется тягой

промежуточных слоев к объединению. Консолидация открывала для них возможность отстаивания своих интересов, улучшения экономического и правового положения. Они наивно полагали, что узкоцеховые организации позволят им лучше отстоять свои интересы.

Характерным для организационного строения профессиональных союзов средних слоев было отсутствие общего руководства и единства действий. Поэтому важную роль играло создание единых центров профдвижения — центральных бюро (ЦБ), построенных по территориальному признаку. В ряде городов ЦБ были созданы летом 1917 г., причем в непромышленных губерниях большинство из них оказалось в руках соглашателей. Эти бюро ставили своей задачей «согласование деятельности всех местных профессиональных союзов, правильное их размежевание, содействие созданию новых союзов... посредничество по найму, юридическую, медицинскую помощь, культурно-просветительскую деятельность, идейное направление всей союзной работы» [6]. Как правило, в ЦБ городов непромышленных губерний преобладали представители союзов средних городских слоев во главе с эсерами и меньшевиками. Так, в ЦБ Воронежа, образованном в марте 1917 г., вошло 3 представителя от пролетарских союзов и 6 — от союзов служащих и полупролетарских [7], а в мае временное правление ЦБ состояло уже целиком из представителей торговых служащих, портных, фармацевтов. Все они являлись членами мелкобуржуазных партий, председателем ЦБ был эсер [8].

В период двоевластия для непролетарских профсоюзов характерны разнородность партийной ориентации, подчас зависящая от партийной принадлежности руководства союза, распространение среди них иллюзий «внепартийности», «надклассовости», стремление ограничить себя рамками экономической борьбы. Руководство профсоюзным движением в Тамбовской и Воронежской губерниях оказалось в руках эсеров и меньшевиков, что было вполне закономерно, поскольку эти партии имели общую социальную природу с промежуточными слоями населения, отражали двойственность психологии мелкого буржуа, его колебания, нерешительность, непоследовательность. Эсеры, как правило, были местными жителями или тесно связаны своим прошлым с местным населением. Городскому «обывателю» было известно, как эсеры «страдали за свободу при царском режиме», их влияние среди городских средних слоев являлось определяющим в отличие от большевиков, которых в этих губерниях было мало, они были недостаточно организованы и для «обывателя» являлись «заезжими», «чужими» людьми.

Ряды мелкобуржуазных партий значительно выросли после Февраля. Это произошло прежде всего за счет интеллигенции, мелких производителей, торговцев и других категорий средних слоев города. На 3-м съезде партии эсеров, в конце мая 1917 г., среди делегатов — по 245 анкетным листам — оказалось почти 200 представителей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции [9]. Сог-

лашатели старались ввести массовое движение этих слоев в рамки узкопрофессиональных принципов. Эсеры и примыкавшие к ним группы (союз социалистов-революционеров максималистов и др.) выводили необходимость в основном экономической борьбы из неподготовленности «трудового народа» к взятию власти. Меньшевики проповедовали теорию «нейтральности» профсоюзов, считая, что их роль сводится к борьбе за лучшие условия продажи рабочей силы при сохранении капитализма. Разоблачая буржуазную сущность подобных взглядов, В. И. Ленин отмечал: «Классовые интересы буржуазии неизбежно порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений» [10].

В уставах и резолюциях многих профессиональных союзов вопросы улучшения труда и быта играли главенствующую роль и никоим образом не были связаны с вопросом о власти. В уставе профсоюза служащих в торгово-промышленных предприятиях Тамбова так определялись цели союза: «Защита правовых и экономических интересов своих членов, содействие умственному, профессиональному и моральному развитию, материальная помощь своим членам» [11]. Профсоюзы, руководимые эсерами и меньшевиками, занимались организацией труда безработных, устройством бирж труда, созданием примирительных камер для разрешения противоречий с предпринимателями, устраивали кассы взаимопомощи, кооперативы, пытались регламентировать заработную плату, с помощью Советов вводили 8-часовой рабочий день. Все это способствовало росту популярности мелкобуржуазных партий. Однако объективно установка мелкобуржуазных партий на преобладание экономической борьбы подчиняла профсоюзы буржуазии, лозунг «беспартийности» профсоюзов оказывался политической демагогией.

Борясь за экономические интересы, профсоюзы использовали разные формы, и жизнь учила их, что наиболее действенными являлись пролетарские: митинги, стачки, забастовки. Нередко союз начинал свою деятельность с выработки требований и объявления стачки. Так, союз официантов и поваров Воронежа возник в середине июня, а 8 июля он уже объявил стачку, которая закончилась 23 июля победой. Весной 1917 г. в Воронеже крупными были стачки союза портных и портних, служащих в ресторанах, гостиницах и трактирах и др. [12] В течение одной недели мая в Тамбове бастовали члены союзов приказчиков, фармацевтов, также добившиеся уступок от своих хозяев [13]. В целом забастовочное движение служащих и полупролетарских элементов города за период от Февраля к Октябрю было ограничено рамками экономических требований. Удельный вес политических требований у служащих был заметно ниже, чем у рабочих. Разъяснения большевиков о необходимости включения в стачечную борьбу политических требований среди профсоюзов обывательских слоев города успеха почти не имели.

Характер стачек средних слоев во многом определялся мелкобуржуазным индивидуализмом, и все же пролетарские формы борьбы способствовали пробуждению классового самосознания непролетарских слоев города. И не случайно соглашатели пытались ограничить стачечное движение, предлагая шире использовать примирительные камеры в конфликтах между профсоюзами и хозяевами, призывая даже отказываться от борьбы за повышение заработной платы, ибо эта борьба якобы усиливает развал в стране [14].

Жизнь заставляла профсоюзы отказываться от «внепартийности», «нейтральности», втягивала их в решение политических вопросов. Кардинальным вопросом всей общественной жизни России того времени был вопрос о мире. После Февральской революции средние слои в массе своей были заражены «революционным оборончеством». В Тамбове, например, учительский союз на своем первом съезде в мае 1917 г. принял типично мелкобуржуазную резолюцию в отношении войны: «Считая необходимым скорейшее заключение мира, съезд высказывается за энергичное продолжение войны в единении с союзниками до победного конца в интересах демократии» [15]. Сильными были позиции оборончества и в ряде профсоюзов Воронежа. В апреле съезд союза железнодорожных рабочих и служащих Юго-Восточной железной дороги в Воронеже высказался за прекращение войны, «причем мир должны заключать не правительства, а народы», а пока «армия должна стоять на фронте нерушимой стеной и защищать завоеванную свободу»[16]. Но неоднородность социального состава средних слоев приводила к тому, что низшие категории этих слоев были недовольны внешнеполитическим курсом Временного правительства.

Политическая ориентация профсоюзов летом 1917 г. отчетливо проявилась на 3-й Всероссийской конференции профессиональных союзов, собравшейся в конце июня. На ней было представлено 90 городов России, присутствовало 220 делегатов от 976 союзов и 51 ЦБПС. Большинство на конференции составили представители мелких профсоюзов, профсоюзов служащих и профобъединений провинций, где эсеры и меньшевики имели значительное влияние. Соглашатели имели 105 голосов, большевики — 73 [17]. Характерно, что Тамбов был представлен на конференции председателем ЦБ эсером Анохиным, а Воронеж — председателем ЦБ меньшевиком Татарчуковым. Свое стремление увести профсоюзы от политики соглашатели на конференции объясняли бережным отношением к профсоюзам, которым грозили будто бы раскол и гибель от развития революционной борьбы. «Если бы конференция стала на этот путь,— писала меньшевистская «Рабочая газета»,— и приступила к разрешению вопросов о войне и мире, о наступлении и обороне, о коалиционном министерстве или захвате власти — дело профессионального сплочения было бы ликвидировано одним ударом. Мы сразу вогнали бы нож в самое сердце нашего общерусского профессионального коллектива и бросили бы горящую головню в недостроенные еще хаты местных профсоюзов»[18].

Выставленная соглашателями программа под лозунгами «единства и независимости» профсоюзов фактически защищала оборончество и соглашательство с буржуазией.

Проповедуя «нейтрализм» профсоюзов, соглашательские партии стремились подчинить профсоюзное движение своим идейным воззрениям, что выявилось и в ходе муниципальных выборов весной—летом 1917 г. На выборах в городские думы очень часто профсоюзы средних слоев выставляли самостоятельные списки. В Воронеже, например, список № 2 представлял собой блок «беспартийных демократических организаций, состоящий из союзов инженеров и техников, квартиронанимателей, женщин, лиц конторского и канцелярского труда и служащих на фабриках и заводах» [19]. Центральное бюро профсоюзов Воронежа сыграло роль подсобного органа местной организации партии эсеров. В список № 3 кандидатов социалистического блока был включен и ряд деятелей профсоюзов определенной политической окраски (Бенсман, Гейнрих — эсеры, союз торговых служащих; Головкина — эсерка, союз портных и др.). Они были избраны в гласные думы [20]. С самостоятельными списками в Тамбове, Козлове, Липецке и других городах Тамбовской губернии выступили союзы служащих государственных учреждений, городских служащих, интеллигенции, ремесленников, мещан [21], в которых были сильны позиции эсеров.

Итоги муниципальных выборов были благоприятными для эсеров и меньшевиков, получивших наибольшее количество мест в думах. В Тамбове 43,3% всех голосовавших горожан отдали предпочтение эсерам, 17,4% — объединенным социал-демократам, список которых включал меньшевиков и большевиков [22]. Это преобладание было достигнуто за счет голосов средних слоев города.

За период мирного развития революции страна пережила три политических кризиса — апрельский, июньский и июльский, которые В. И. Ленин определил как «взрыв революции и контрреволюции *вместе*» [23]. В ходе этих кризисов основная мелкобуржуазная масса города колебалась. Некоторые профсоюзы искали соглашения с правыми.

В июне 1917 г. на общем собрании торгово-промышленного союза Тамбова, объединявшего торговцев, ремесленников и промышленников (около 200 человек), было решено вступить в соглашение с партией народной свободы и объединиться с союзом земельных собственников и домовладельцев [24]. Проявлением этих колебаний в сторону буржуазии было решение вождей «социалистических» партий войти в состав коалиционного правительства. Замалчивание эсеро-меньшевистским руководством профсоюзов истинной сущности событий апреля—июля, искажение ими позиции большевиков, обвинения в измене революции, рост шовинизма в связи с наступлением на фронте, восторженные дифирамбы Временному правительству на страницах местных мелкобуржуазных газет — «Тамбовского земского вестника», «Воронежских губернских ведомостей» и др. — все это привело к тому, что профсоюзы верхушки средних городских слоев в июле качнулись вправо,

а основная масса предпочитала выжидать. Июньские и июльские собрания ЦБ Воронежа проходили при 10—11 присутствующих (из двадцати пяти членов бюро), что, по сути, являлось свидетельством пассивности руководящего органа профсоюзов города[25].

После июльских событий мирный период революции кончился. Буржуазия стала готовиться к установлению открытой диктатуры. Эсеры и меньшевики окончательно перешли в лагерь контрреволюции. Соотношение классовых сил в стране менялось, и революционная практика должна была убедить средние слои городского населения в коренном расхождении их интересов с политикой мелкобуржуазных партий в профессиональных и других общественных организациях.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.
[2] *Востриков Н. И.* Борьба за массы: Городские средние слои накануне Октября. М., 1970. С. 15.
[3] Профессиональный вестн. 1918. Окт.—нояб. С. 10.
[4] *Розенфельд О.* История профессионального движения в России: Синхронистические таблицы. 3-е изд. М., 1924. С. 139.
[5] Подсчитано по: Тамбовский земский вестн. 1917. 17 марта — 13 июля; ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Д. 15. Л. 11, 57; *Лавыгин Б. М.* 1917 год в Воронежской губернии: Хроника. Воронеж, 1928. С. 42, 70, 93, 115.
[6] *Гарни Н. (Ю. Чацкий).* Профессиональные союзы, их организация и деятельность. Пг., 1917. С. 23—24.
[7] *Татарчуков А. Н.* Исторический очерк профессионального движения в Воронежской губернии. Воронеж, 1921. Ч. 1. С. 73, 75, 80.
[8] *Лавыгин Б. М.* Указ. соч. С. 38.
[9] *Минц И. И.* История Великого Октября. М., 1968. Т. 2. С. 135.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 434.
[11] Устав профессионального союза служащих в торгово-промышленных предприятиях г. Тамбова и Тамбовской губернии. Тамбов, 1917. С. 1.
[12] ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 15. Л. 52 об.
[13] Тамбовский земский вестн. 1917. 18, 21 мая.
[14] ЦГАОР СССР. Ф. 5451. Оп. 1. Д. 14. Л. 29, 30.
[15] Протокол общего собрания тамбовского учительского съезда 12 мая 1917 года. Тамбов, 1917. С. 60.
[16] *Татарчуков А. Н.* Указ. соч. С. 73.
[17] III Всероссийская конференция профсоюзов, 20—28 июня 1917 года: Стеногр. отчет. М., 1927. С. 76—86.
[18] *Панкратова А.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. М.; Л., 1927. С. 55.
[19] *Лавыгин Б. М.* Указ. соч. С. 74.
[20] *Татарчуков А. Н.* Указ. соч. С. 66.
[21] Тамбовский земский вестн. 1917. 21 июня, 21 июля; Тамбовские губернские ведомости. 1917. 26 авг.
[22] Тамбовский земский вестн. 1917. 26 июля.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 430.
[24] Тамбовский земский вестн. 1917. 27—28 июня.
[25] *Татарчуков А. Н.* Указ. соч. С. 73.

Н. П. МАРЧЕНКОВА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛЕВОЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ РАЙОНЕ

(ЛЕТО—ОСЕНЬ 1917 г.)

За последние годы советская историография обогатилась интересными работами по истории непролетарских партий, в том числе левоэсеровской [1]. Однако остаются еще малоизученными такие конкретные вопросы, как численность, состав левоэсеровских организаций, их влияние накануне и после победы Октября, процесс складывания партии левых эсеров. Успешному решению этих вопросов способствует обстоятельное изучение истории региональных организаций, учет местных, специфических условий их деятельности, выявление общих закономерностей.

В частности, изучение процесса возникновения левоэсеровских организаций в таком крупном регионе страны, как Центральный промышленный, учитывая богатый местный материал, позволяет полнее и глубже представить историю образования партии левых эсеров, ее влияние на массы, причины блока большевиков с левыми эсерами и источники победы Октябрьской революции.

В Центральном промышленном районе (ЦПР), являвшемся важнейшим форпостом большевиков в борьбе за установление диктатуры пролетариата, накануне Октября была самая крупная областная организация партии, возглавляемая Мособлбюро РСДРП (б) и объединявшая 20% всех членов партии [2].

В период подготовки социалистической революции важнейшим направлением работы большевиков Центральной области (в то время понятие «Центральная область» было синонимично понятию «Центральный промышленный район»; Центральная область включала и губернии Черноземного Центра), как и всей партии, была борьба за массы. Преобладание мелкобуржуазных слоев среди городского населения и малочисленность пролетарской прослойки в аграрных районах Центральной области создавали основу для сильного влияния эсеровской партии. К апрелю 1917 г. здесь оформилась крупнейшая областная организация эсеров, руководимая областным бюро партии. В июле 1917 г. она объединяла 109 организаций из 410, т.е. 26,5% всех организаций партии эсеров [3].

По имеющимся данным, московская областная организация эсеров весной 1917 г. почти в два раза превосходила областную организацию большевиков как по своей численности, так и по количеству организаций. Значительным влиянием пользовались эсеры среди рабочих Центрального промышленного района, поскольку рабочий класс здесь был более близок «к деревенским

настроениям» и теснее связан с сельским хозяйством, чем петроградские рабочие [4]. Сравнительно высок был удельный вес рабочих, участвующих в обработке земли. Среди московского пролетариата, например, 40% имело землю и 22,8% вело свое хозяйство [5]. Эта часть рабочих связывала свои интересы с судьбой крестьянства, а не пролетариата. Однако в Центральной области имелось довольно крупное ядро кадровых рабочих с давними революционными традициями, которое оказывало огромное воздействие на мелкобуржуазные слои города и деревни и способствовало втягиванию их в революционный процесс под большевистскими лозунгами.

В период от Февраля к Октябрю, особенно летом и осенью 1917 г., здесь, как и по всей стране, под влиянием целого ряда факторов происходил постепенный, неуклонный поворот влево большинства мелкобуржуазных масс, переход от соглашательства с буржуазией к поддержке пролетариата. От политического кризиса к кризису изживалось «бессознательно-доверчивое» отношение масс к Временному правительству, усиливалось их недоверие к политике эсеро-меньшевистских вождей, которые изменили своим программам, «уступили» кадетам и в вопросе о власти, и в вопросе о земле, и в вопросе о мире [6]. Все это явилось важнейшей предпосылкой усиления левых групп и течений в эсеровской партии.

Крах политики эсеровских вождей проявлялся, с одной стороны, в выделении левого течения в партии, с другой — в выходе рядовых членов из партии. В Центральном промышленном районе этот процесс особенно усилился летом 1917 г. Во многих местных эсеровских организациях началось разложение на почве недовольства партийных масс социал-реформистской политикой своих лидеров. По сравнению с весной 1917 г. резко сократилась численность областной эсеровской организации. В докладе Мособлбюро РСДРП(б) VI съезду партии отмечалось, что в то время, как на 2-й Московской областной конференции большевиков, проходившей 21—24 июля 1917 г., были представлены 42 тыс. членов партии, областная конференция эсеров представляла лишь 14 тыс. членов партии эсеров [7].

Выход из партии эсеров мотивировался «уклоном вправо» эсеровских «верхов», неудовлетворенностью программой, а «главным образом, тактикой партии» [8]. Так разваливалась, например, многочисленная сормовская организация эсеров в Нижнем Новгороде. После июльских событий, а затем корниловщины в настроении сормовских рабочих-эсеров наступил резкий перелом. Нижегородская губконференция большевиков в октябре 1917 г. констатировала, что на ряде сормовских заводов «к большевикам переходят социалисты-революционеры». Сормовская организация большевиков стала расти, тогда как организация эсеров сократилась с 7 тыс. до 921 члена [9]. Подобные факты происходили и в других эсеровских организациях Центральной области.

Внутренний кризис партии эсеров выразился в постепенном выделении левого крыла в местных эсеровских организациях. При двоевластии, когда соглашательские иллюзии еще гос-

подствовали в сознании масс, левое течение в эсеровских организациях Центральной области только намечалось. В ряде мест оно возникло в апреле—мае 1917 г. (например, в Ярославле, Туле, Сормово, Воронеже, Смоленске). После июньского наступления на фронте определеннее стало выявляться левое течение в московской и владимирской организациях эсеров [10]. Однако весной 1917 г. левоэсеровское течение в Центральном промышленном районе было еще слабым и неорганизованным.

Трудно согласиться с теми авторами, которые считают, что в ряде мест (Смоленске, Нижнем Новгороде и др.) уже в марте—апреле 1917 г. возникли левоэсеровские организации [11]. Факты свидетельствуют, что в это время лишь начался процесс оформления левого крыла в рамках единых эсеровских организаций. Рост левой оппозиции в эсеровской партии находился в прямой связи с левением масс и ростом их недовольства политикой Временного правительства [12]. Весной 1917г. еще не до конца созрели объективные предпосылки этого процесса.

Только летом и осенью 1917 г., когда недовольство масс соглашательской политикой эсеровских вождей приняло широкий размах, происходит повсеместное выделение левого крыла в эсеровских организациях Центральной области. У левых эсеров намечается тенденция к проведению самостоятельной политики, независимой от официального руководства партии. Левые эсеры начинают активно подавать свой голос в партийных организациях, в Советах, в органах местного самоуправления. Например, московские левые эсеры весной 1917 г. представляли довольно робкое течение в городской эсеровской организации, но уже летом начинают смело и открыто выражать свою позицию. 23 июля в Московской городской думе группа левых эсеров (12 человек) воздержалась при голосовании резолюции о власти, выражающей полное доверие «вождю русской революции» Керенскому, что вызвало недовольство эсеровского руководства [13]. В Московском Совете солдатских депутатов в конце июля произошел раскол эсеровской фракции и выделение группы левых эсеров, которая резко осудила политику эсеро-меньшевистского блока [14].

Внутрипартийный раскол отчетливо обозначился на Московской губернской конференции эсеров 11—12 июля 1917 г. Группа левых эсеров заявила МК партии о своем несогласии с соглашательской политикой руководства [15]. После конференции состоялось организационное собрание московской группы левых эсеров, на котором была принята резолюция о создании «особого информационного бюро» группы для координации действий «внутри общепартийной организации». Многие районные эсеровские организации Москвы поддержали резолюцию, осудив «путь политического оппортунизма и примиренчества» своего руководства. В частности, Замоскворецкая организация эсеров (900 человек) одной из первых полностью встала на позиции левых эсеров, поддержав идею создания «информационного бюро левой группы» [16].

Дальнейший рост левой оппозиции внутри московской организации эсеров ускорило Государственное совещание в Москве, на котором готовился заговор буржуазии против революции. Левение особенно характерно было для районных эсеровских организаций. На заседании МК партии эсеров совместно с районными организациями почти половина представителей от районов (17 человек из 37) выступили с критикой Государственного совещания и коалиции эсеров с буржуазией [17].

Рабочие-эсеры Замоскворецкого, Хамовнического, Пресненского и других районов Москвы вопреки постановлению эсеровских «верхов» 12 августа поддержали стачку протеста против Государственного совещания, к которой призывала партия большевиков [18]. А на заседании Моссовета 10 августа левое крыло фракции эсеров голосовало за резолюцию большевиков по вопросу о Московском совещании [19]. Это было крупным поражением эсеро-меньшевистских соглашателей, совершенно оторвавшихся от своих «низов». Решительная позиция большевиков, разоблачавших истинный смысл Московского совещания, усиливала антикоалиционные настроения в левом течении московских эсеров.

Активное противодействие политике Временного правительства и эсеровских вождей летом 1917 г. стали оказывать левоэсеровские группы Тулы, Иваново-Вознесенска, Ярославля и других городов. Рост левоэсеровских групп в Центральной области заметно усилился после 7-го Совета партии эсеров в августе 1917 г., на котором левые эсеры выступили с острой критикой внешней и внутренней политики своего ЦК и выдвинули демократические требования углубления Февральской революции. Раскол на Совете партии получил широкий отклик в эсеровских организациях Центрального промышленного района, ускорив размежевание левых эсеров с правыми в костромской, тверской, нижегородской организациях [20].

Массовое крестьянское движение осенью 1917 г., углубление пропасти между эсеровскими вождями и партийными массами, рост большевистского влияния на массы толкали левых эсеров на путь решительного разрыва с реформистским крылом партии. В сентябре происходит повсеместный раскол на правых и левых эсеров в губернских и уездных комитетах. В целом ряде местных организаций (Москве, Твери, Владимире, Курске, Брянске и др.) левые эсеры прямо поставили вопрос об организационном размежевании с правоэсеровским крылом партии.

Одними из первых заявили о своем разрыве с соглашателями левые эсеры в Костроме. В середине сентября они провели свою общегородскую конференцию, на которой оформили организационный разрыв с правыми эсерами и заявили, что отныне открыто выступают против коалиции с буржуазией и поддержки Временного правительства [21]. В сентябре — начале октября 1917 г. выделились самостоятельные организации левых эсеров в Иваново-Вознесенске, Воронеже, Рязани, Твери [22].

В условиях повсеместного раскола эсеровских организаций московские левые эсеры взяли на себя инициативу областного объединения всех левоэсеровских групп и организаций Центрального промышленного района. 17 октября 1917 г. в Москве состоялось совещание левых эсеров Центральной области, на котором было образовано областное информационное бюро левых эсеров и принято решение об издании печатного органа «Социалист-революционер» под редакцией А. А. Биценко. Совещание приняло декларацию, в которой говорилось о необходимости заключения мира без аннексий и контрибуций, переходе власти к Советам, демократизации армии и командного состава, социализации земли, введении контроля над производством и расределением продуктов и т. д. [23] Этот документ свидетельствовал о том, что левые эсеры Центральной области, освобождаясь от соглашательского плена, накануне Октября выражали насущные интересы мелкобуржуазных масс, в то время как правоэсеровские вожди их предали. Московское совещание левых эсеров наглядно показало, что политические разногласия в эсеровской партии повлекли за собой организационный раскол на местах и постепенный развал некогда крупной областной организации эсеров.

Начавшийся накануне Октября процесс образования областной организации левых эсеров Центрального промышленного района являлся отражением кризиса, переживаемого всей эсеровской партией, и свидетельствовал о том, что задолго до оформления партии левых эсеров в ноябре 1917 г. внутри эсеровской партии фактически складывались уже совершенно автономные организации левых эсеров, имеющие свои руководящие органы, определенную политическую линию, отличную от линии ЦК партии эсеров. Эсеровский орган «Дело народа» с горечью сообщал: «Отдельные группы членов партии отказываются подчиняться партийной дисциплине, выступают в политической жизни с самостоятельными заявлениями, образовывают самостоятельные организации. Левые так далеко ушли влево, что фактически уже стали вне партии» [24].

Образование левоэсеровских групп и организаций на местах, по мнению В. И. Ленина, свидетельствовало о том, что «внизу», в пролетариате и крестьянстве, особенно беднейшем, большинство эсеров и меньшевиков «левые», и являлось одним из «вернейших объективных признаков» отсутствия изоляции пролетариата и его партии «от большинства мелкой буржуазии», «от большинства народа»[25]. Московские большевики оценивали появление левых эсеров как отход «пролетарских элементов от буржуазных», «освобождение эсеровских рабочих и крестьян из-под идейного влияния буржуазии»[26]. В условиях быстрого углубления революционного кризиса в стране левые эсеры выдвинули ряд требований, которые объективно совпадали с общедемократическими лозунгами большевиков. Антибуржуазность левых эсеров, несмотря на мелкобуржуазную ограниченность и непоследовательность, расшатывала и ослабляла соглашательский блок, что в условиях революционной ситуации означало поддержку большевиков.

В. И. Ленин видел эту поддержку прежде всего в практической борьбе за немедленное решение вопросов о мире, о земле, о власти. Все это создавало предпосылки для блока большевиков с левыми эсерами в Октябрьской социалистической революции.

Интересным является вопрос о влиянии большевиков на процесс образования левоэсеровских организаций на местах. Например, большевики Московской областной организации приветствовали объективный процесс левения эсеровских «низов» и выражали свою заинтересованность в том, чтобы иметь «мелкобуржуазных, демократических попутчиков в борьбе против буржуазной контрреволюции»[27]. Они поддерживали любую оппозицию эсеровских «низов» своим вождям. Положительно оценивая появление левого крыла в партии эсеров, большевики считали необходимым ускорять этот процесс путем активного воздействия на колеблющиеся эсеровские «низы». Мособлбюро РСДРП(б), предвидя, что рядовые члены мелкобуржуазных партий «в условиях надвигающейся диктатуры помещиков и крупного капитала могут сильно двинуться влево», ставило задачу критики «половинчатости мелкобуржуазных социалистов» и «систематического подталкивания их в сторону решительных мер борьбы с буржуазией»[28]. В. И. Ленин рекомендовал большевикам на местах особенно толкать в эту сторону левых эсеров [29].

Осуществляя эти указания, большевики на местах пропагандой и агитацией «толкали» левых эсеров на путь отказа от соглашательской политики. Летом и осенью 1917 г. в местной большевистской печати все чаще появляются материалы о положении дел в эсеровской партии, о росте в ней левой оппозиции и прямые обращения к партийным «низам». В частности, московские, а позднее воронежские большевики писали: «... к вам, рядовым членам партий эсеров и меньшевиков, мы обращаемся с призывом оказать самое энергичное давление на своих вождей... Если же они неисправимы, то расстаньтесь с ними...»[30]. Газета «Социал-демократ» решительно требовала: «1) Долой политику соглашательства; 2) требуем вооружения народа; 3) требуем освобождения арестованных революционеров; 4) требуем перевыборов Советов»[31]. Четкие и ясные большевистские лозунги ускоряли процесс левения эсеровских «низов».

Подталкивание левых эсеров в сторону окончательного разрыва с политикой соглашательства осенью 1917 г. способствовало, с одной стороны, укреплению позиции большевистских фракций в местных Советах, а с другой — расколу эсеровских фракций и образованию в целом ряде Советов самостоятельных фракций левых эсеров, являвшихся, по существу, теми организационными центрами на местах, вокруг которых сплачивались левоэсеровские группы, выделяющиеся из старых партийных организаций. Благодаря этому левые эсеры могли уже послать своих представителей на II Всероссийский съезд Советов. В эсеровской делегации от Центрального промышленного района на съезде было 69% левых эсеров (18 человек из 26). Вместе с большевиками

они голосовали за передачу власти Советам, за ленинские Декреты о мире и о земле [32].

Необходимо отметить, что большевики на местах оказывали не только активное идейно-политическое воздействие на процесс выделения левого крыла в эсеровских организациях, но и материальную поддержку в целом ряде случаев тем левоэсеровским группам, которые испытывали временные финансовые затруднения при создании своих самостоятельных организаций. Например, смоленские большевики по просьбе левых эсеров дали им взаимообразно 2 тыс. руб. на организацию городской левоэсеровской ячейки [33]. Фракция большевиков Коломенского Совета Московской губернии, учитывая искреннее желание левых эсеров сотрудничать с большевиками в Совете, ассигновала 500 руб. на укрепление их фракции и создание руководящего ядра коломенской организации левых эсеров [34]. Финансовую помощь в создании левоэсеровских организаций и их печатных органов оказывали также большевики Ярославля, Тулы, Орла [35].

Привлечение левых эсеров к сотрудничеству в губернских и уездных ВРК в октябрьские дни, соглашение с ними об укреплении власти Советов на местах в борьбе с контрреволюцией в ноябре 1917 г. еще более ускорили процесс образования самостоятельных левоэсеровских организаций и групп.

Под влиянием октябрьских событий и политики большевиков Мособлбюро левых эсеров во главе с А. А. Биценко встало на путь решительного разрыва с областным правоэсеровским руководством. Сплачивая вокруг себя выделяющиеся левоэсеровские оргазации и группы Центрального промышленного района, оно обратилось к низовым эсеровским организациям, которые еще не определили своей позиции, с призывом объединяться вокруг областного бюро левых эсеров [36]. Ответом на это обращение в ноябре 1917 г. было дальнейшее организационное размежевание левых эсеров с правой частью в целом ряде эсеровских организаций Тверской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Нижегородской губерний [37].

Таким образом, летом и осенью 1917 г. в Центральном промышленном районе происходило постепенное образование левоэсеровских организаций во главе с областным руководящим центром. Благодаря инициативе снизу встал вопрос об оформлении партии левых эсеров. «В большинстве мест организационное размежевание закончено, особенно в рабочих центрах... Окончательный разрыв с соглашательскими, реформистскими элементами диктуется жизненной необходимостью» — таков был вывод Центрального бюро левых эсеров [38]. После 1-го Учредительного съезда партии левых эсеров (19—27 ноября 1917 г.), который постановил «немедленно приступить к повсеместному созданию самостоятельных организаций левых с.-р.», процесс образования левоэсеровских организаций ЦПР, начавшийся накануне Октября, вступил в свою завершающую стадию.

[1] *Гусев К. В.* Состояние разработки и задачи дальнейшего изучения истории непролетарских партий России // Непролетарские партии России в 1917 г. и в годы гражданской войны. М., 1980. С. 14—24.
[2] История КПСС. М., 1967. Т. 3, кн. 1. С. 274.
[3] Партийная жизнь. 1917. № 3. С. 22—23.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.
[5] *Трукан Г. А.* Рабочий класс в борьбе за победу и упрочение Советской власти. М., 1975. С. 38.
[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 310, 371.
[7] Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 80.
[8] ЦПА. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 35—38.
[9] Интернационал. Нижний Новгород, 1917. 23 окт.
[10] ЦПА ИМЛ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 61, 113; Ед. хр. 4. Л. 110; Ф. 72. Оп. 3. Ед. хр. 497. Л. 18; Партийный архив Тульской области. Ф. 1. Оп. 21. Д. 5. Л. 81; Протоколы I съезда партии левых с.-р. (интернационалистов). М., 1918. С. 8.
[11] Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 301.
[12] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 408.
[13] Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. С. 55, 56.
[14] Гос. архив Московской области (ГАМО). Ф. 684. Оп. 4. Д. 6. Л. 1—285.
[15] Земля и воля. М., 1917. 29 июля.
[16] Труд. М., 1917. 29 июля, 17 авг.
[17] Труд. 1917. 16 авг.
[18] ГАМО. Ф. 66. Оп. 2. Д. 36. Л. 29—33; Оп. 12. Д. 160. Л. 16—19.
[19] Московский партийный архив. Ф. 691. Оп. 1. Д. 19. Л. 58.
[20] ЦПА ИМЛ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 107; Труд. 1917. 20 авг.; Народ. Нижний Новгород, 1917. 20 авг.
[21] Протоколы I съезда партии левых с.-р. С. 7.
[22] Там же. С. 5, 8; ЦПА ИМЛ. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 82, 94; Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 111; Труд. 1917. 10 окт.
[23] Социалист-революционер. М., 1917. 10 нояб.
[24] Дело народа. Пг., 1917. 26 сент.
[25] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. с. 230, 300—302.
[26] Деревенская правда. М., 1917. 30 сент.
[27] Социал-демократ. М., 1917. 30 авг.
[28] Социал-демократ. 1917. 1 сент.
[29] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 120.
[30] Социал-демократ. 1917. 30 авг.; Путь жизни. Воронеж, 1917. 20 сент.
[31] Социал-демократ. 1917. 6 сент.
[32] ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 9—12; Второй Всероссийский съезд Советов. М.; Л., 1928. С. 55, 75, 108—153, 171.
[33] ЦПА ИМЛ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 62.
[34] ГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 33. Л. 35; Д. 57. Л. 5.
[35] Гос. архив Ярославской области. Ф. Р-180. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 41; Гос. архив Тульской области. Ф. Р-95. Оп. 4. Д. 2. Л. 129, 130; *Комаров А., Сокут К.* Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: Документы и материлы. Воронеж, 1932. С. 43.
[36] Социалист-революционер. 1916. 10 нояб.
[37] ЦПА ИМЛ. Ф. 274. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 162, 185; Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 107, 113; ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 80. Ед. хр. 21. Л., 74; Красное знамя. Нижний Новгород, 1917. 25 нояб.
[38] Знамя труда. Пг., 1917. 21 нояб.

В. Л. ДЬЯЧКОВ

ПАРТИЯ ЭСЕРОВ В ПЕРИОД ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ В ОСВЕЩЕНИИ НОВЕЙШЕЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 70-е годы буржуазная историография Октября вступила в новый этап развития. Большинство профессиональных историков считают теперь революции 1917 г. народными, демократическими движениями. Изменилась проблематика, существенно расширен круг привлекаемых источников и литературы, повысилось качество методики исследования, появились новые организационные формы изучения истории российских революций.

Буржуазные историки высоко оценивают данный поворот и считают, что он позволит вести с советскими историками совместную разработку проблем Октября.

Анализируя отражение истории ПСР в буржуазной историографии второй половины 70-х — первой половины 80-х годов, попытаемся определить глубину и принципиальность этого поворота.

Прежде всего отметим, что не все буржуазные историки перешли на объективистские позиции; часть их, и довольно значительная, исповедует реакционную, субъективно-идеалистическую трактовку Октября. Таким образом, сегодня в западной историографии революций 1917 г. существуют два направления — реакционное и либеральное, объективистское.

Первое направление характерно предвзятостью реакционной концепции, отсутствием научных методов исследования, в угоду концепции подгоняются, извращаются или замалчиваются факты, преобладает иллюстративный метод. Как правило, к этому направлению тяготеют историки старшего поколения, чей кругозор и взгляды формировались в идеологическом климате 40-х — 50-х годов. Нередко за выполнение социального заказа по истории Октября берутся неспециалисты и просто неисторики по профессии. Источниковая база их работ весьма скудна: эмигрантские фонды и некоторые работы западных историков практически исчерпывают ее. Об объективных закономерностях, предпосылках революционных событий, о социальных и политических причинах возникновения и деятельности политических партий нет и речи. Это сочетается с невежеством в области фактов и крайне субъективным их толкованием.

Так, Дж. Томпсон (США) считает, что большинство новых идей пришло в «непросвещенную» Россию с Запада. Социализм пришел марксистский и крестьянский, что нашло выражение в деятельности РСДРП и ПСР [1].

Причины Октября, по Томпсону,— в стремлении народа к хорошей жизни. Февраль не дал такой жизни, а «снял» лишь вопрос о династии, пишет Дж. Томпсон и далее говорит об ошибках умеренных социалистов, бессилии Временного правительства — жертвы «общей интоксикации свободой», гибкости и «хитрости» большевиков [2].

Вооруженное восстание, по мнению Дж. Томпсона, победило потому, что, во-первых, многие петроградцы предпочитали отворачиваться от реальности; во-вторых, меньшевики и эсеры были в сложном положении между большевиками и реакцией и потому бездействовали; в-третьих, многие, начиная с меньшевиков и эсеров, считали, что власть большевиков — явление кратковременное[3].

Уйдя со II съезда Советов, меньшевики и эсеры, считает Томпсон, совершили тактическую ошибку. И уже само собой разумеется, что Октябрь в отличие от Февраля — переворот, совершенный горсткой большевистских лидеров.

Если книга-анахронизм Томпсона содержит целиком придуманную, субъективистскую «историю» Октября, то работа Т. Ригби (Великобритания) внешне выглядит наукообразной, хотя написана с тех же реакционных позиций. Меняется лишь метод использования источников: полностью игнорируются те из них, которые не подходят под заготовленный вывод. В частности, история Учредительного собрания и блока большевиков с левыми эсерами выглядит следующим образом. «Не замечая» многократных высказываний В. И. Ленина об историческом месте Учредительного собрания после Октября, автор пишет: «Очевидно, что Ленин не имел ни малейшего намерения передать власть собранию, если бы выборы были против него, как это и случилось»[4]. В середине ноября, после выборов, произошло, по Ригби, резкое изменение взаимоотношений большевиков и левых эсеров, ибо вскрывшаяся ненадежность народной поддержки большевиков требовала расширения базы режима. Левые эсеры, в свою очередь, не сумев создать широкую социалистическую коалицию, оказались перед угрозой изоляции. Обе партии, таким образом, были заинтересованы в дискредитации Учредительного собрания с его оппозиционным правоэсеровским большинством. Левоэсеровское большинство II съезда крестьянских Советов предоставило возможность блока. Расширив и укрепив базу поддержки, Ленин пошел в атаку на Учредительное собрание. И далее Ригби торопится по накатанному пути — угрозы, аресты, и к 5 января 1918 г. все было готово для разгона [5]. Ни слова у Ригби о контрреволюционных действиях кадетов, правых эсеров и меньшевиков, ни слова об отношении Учредительного собрания к первым декретам Советской власти. Читатель не узнает, почему левые эсеры действовали именно так, в чем причина их колебаний, каковы были их социальная база, программа, тактика; каковы были социальная база, программа и тактика большевиков. Говорить об этом — значит вскрыть классовую основу борьбы партий и соотношение со-

циальных сил и, следовательно, закономерность победы большевиков, колебаний левых эсеров и обреченность правоэсеровского Учредительного собрания. Вместо этого острейшая классовая борьба, отразившаяся в борьбе партий, в политической истории Октября, рассматривается человеком, воспитанным в атмосфере буржуазного парламентаризма, где борьба различных буржуазных партий представляет собой борьбу лидеров при неизменной классовой сущности власти. Этот привычный современному буржуа взгляд переносится на историю российских революций, и в результате Т. Ригби объясняет исход межпартийной борьбы тем, что большевики были организованнее, неразборчивы в средствах и т. п.[6], доказывая заданный тезис об однопартийной диктатуре.

Подобный прием употребляет И. Гетцлер (Израиль) в работе о Кронштадте в 1917—1921 гг.[7]. Говоря о деятельности партийных групп в Кронштадте в 1917 г, он изолирует эту военно-морскую базу от времени и остальной России. Социальный анализ отсутствует. В лучшем случае И. Гетцлер лишь констатирует факты исхода борьбы партий, в худшем — предлагает психологические объяснения. Так, автор видит причину разрыва кронштадтских эсеров с эсерами в правительстве в непонимании кронштадтцами российских реалий в сочетании с гордостью за собственные политические достижения и растущим подозрением в предательстве революционного дела петроградскими эсерами. Большевики, по Гетцлеру, расширяли влияние благодаря умеренной, минималистской линии [8].

Сетует Гетцлер и на организационные недочеты эсеровской фракции, на отсутствие ярких лидеров и помощи из Петрограда.

В дальнейшем изложении автор вслед за Дж. Кипом и О. Анвайлером стремится доказать, что кронштадтский «идеал» советской демократии был раздавлен большевистской «диктатурой»; Советы оказались удобной структурой, скелетом этой «диктатуры».

В конце 60-х годов в буржуазную историографию Октября входят и занимают в ней все большее место историки либерального направления. Их взгляды формировались во время свертывания маккартизма и начавшейся разрядки, в условиях, когда преднамеренное извращение истории оказалось негодным в идеологической борьбе, когда требовалось искать более разумные и гибкие формы изучения и интерпретации событий.

Историки нового поколения пытаются непредвзято подходить к изучению социальных и политических явлений, идут в работе от фактов, от возможно большей их совокупности. Они умеют работать с разнообразными источниками и получать из них разностороннюю информацию. Как правило, они в научных целях посещают СССР и, что очень важно, хорошо знают и широко используют советскую историческую литературу.

Социальная база, обусловленность деятельности ПСР в 1917 г., классовая борьба и борьба партий, причины краха эсеров оцениваются новым направлением иначе, чем реакционным. Провозглашается взгляд от массы, снизу; действия партий оцениваются

по тому, насколько они соответствовали интересам масс, тех или иных классов.

Вот как реализует альтернативный подход авторитетный американский историк А. Рабинович. Программы главных политических партий (большевиков, эсеров и меньшевиков), считает он, отвечали стремлениям масс, причем программа большевиков — наиболее полно. После Февраля эсеры дискредитировали себя, не решая наиболее острых вопросов, и народная поддержка перетекла к большевикам. Будучи сильнее правительства, Советы не брали власть: меньшевики по ортодоксальным политическим соображениям, а эсеры, идеология которых не запрещала брать власть, сходились с меньшевиками в том, что сотрудничество с крупной буржуазией и военными верхами необходимо для выживания России в войне и в борьбе с монархической контрреволюцией. Цепляясь за недееспособную коалицию, противясь передаче власти Советам, эсеры падают в глазах масс, и соответственно растет кредит большевиков, умело использовавших тактические выгоды положения партии, не запятнанной коалиционной политикой.

В июльских событиях эсеры стояли за репрессии, считая необходимым восстановление порядка, но по-прежнему стремились к реформам и миру. Опасность контрреволюции заставила эсеров теснее сплотиться вокруг правительства, которое разваливалось, а положение страны все ухудшалось. Эта политика верхов ПСР вызывала недовольство рядовых членов партии, стоявших близко к массе. Опыт борьбы с корниловщиной, полевение масс заставили полеветь многих эсеров и других умеренных социалистов. В начале сентября при возможности взять власть руководство ЦИК не сделало этого, не желая предавать идеал сотрудничества классов, не желая брать ответственность за судьбу страны. Через полтора месяца, когда появились признаки новой контрреволюции, большевики взяли власть под прикрытием лозунга защиты Советов[9].

Нетрудно заметить, что А. Рабинович дает оценку лишь субъективным действиям ПСР, не касаясь объективной обусловленности этих действий. При таком разделении исчезает закономерность Октября. Социалистическая революция превращается в логический исход ошибок умеренных социалистов и ловкости большевиков, а факты, верные по отдельности, дают в таком построении искаженную картину.

Двумя годами позже книги А. Рабиновича вышла работа И. Модсли (Великобритания) «Русская революция и Балтийский флот». Широкое знакомство с источниками, с советской литературой вопроса, непредубежденность, подробный анализ социального состава матросов и солдат позволяют автору верно констатировать влияние эсеров и большевиков, вскрыть причины роста популярности эсеров весной 1917 г., роста разногласий местных эсеров с ЦК и резкого усиления левых эсеров[10]. И. Модсли верно отмечает и рост влияния большевиков в течение 1917 г.

и объясняет это соответствием программы и тактики большевиков интересам матросов и солдат. Ряд верных замечаний автор делает, анализируя изменения в социальном составе матросов и экономическом положении страны после Октябрьского переворота, объясняя тем самым относительный рост влияния анархических крыльев мелкобуржуазных партий.

И. Модсли пытается объяснить и падение влияния ПСР во флоте к осени 1917 г. По его мнению, причинами были организационная слабость, обилие «мартовских эсеров» — «революционных одуванчиков», слабость массовой пропаганды, недооценка руководством ПСР значения работы на местах, растущие трения радикальных низовых организаций и консервативного ЦК. Но важнее всего, отмечает И. Модсли, была слабость программы ПСР, забвение лозунга борьбы, коалиционная тактика и изжившее себя оборончество, затягивание решения земельного вопроса [11]. Все это справедливо, но является лишь констатацией фактов и в конечном счете перечнем пресловутых тактических ошибок ПСР. Нет ответа на главный вопрос: почему эти «ошибки» мелкобуржуазных партий были закономерны в конкретно-исторических условиях России? Массы со своими стремлениями и партии со своими планами и тактикой существуют в книге раздельно, что ведет к неверным оценкам (левые эсеры — стерильный гибрид в ПСР и вспомогательная сила большевиков) и общему порочному выводу о диктатуре большевиков [12].

Разрыв класса и партии характерен и для книги Д. Кенкер (США), которой открывается группа работ о российском пролетариате в 1917 г. В ее исследовании есть социально-экономический анализ состава московских рабочих, наблюдения относительно большей популярности эсеров в более мелкобуржуазной по сравнению с Петроградом Москве. Д. Кенкер отметила и поляризацию московских избирателей после корниловщины в сочетании с высоким уровнем абсентизма и вымыванием мелкобуржуазных партий [13].

Но неверная методология, объединяющая в рабочий класс всех трудящихся, от фабричного рабочего до кустаря и прислуги, не позволяющая выяснить специфику положения мелкой буржуазии, заставляет объяснять приглушенность партийной дифференциации в Москве и влияние непролетарских партий психологическими причинами, а этого явно недостаточно. Популярность эсеров Д. Кенкер объясняет простотой и понятностью их лозунгов для рабочих — вчерашних крестьян и тут же сомневается в возможности установления факта большей мелкобуржуазности Москвы. По-меньшевистски и бездоказательно автор считает, что большевики и эсеры имели успех прежде всего среди малограмотных рабочих [14].

Порочная методология обусловила и неверную методику подсчета влияния той или иной партии, при которой партия пролетариата рискует быть всегда в меньшинстве, а мелкобуржуазные партии демонстрируют внушительное большинство.

Игнорирование объективных закономерностей существования мелкобуржуазной партии приводит Д. Кенкер к субъективному толкованию позиции левых эсеров отсутствием у них лидеров и трениями с правоцентристским руководством московских эсеров [15].

Проходя мимо громадных колебаний мелкой буржуазии, средних слоев Москвы и их закономерной поляризации, Д. Кенкер видит причины падения влияния эсеров в эрозии партии, в политической наивности, в недостатках организации, ошибках руководства, возвращении рабочих в деревню и, главное, в ухудшении экономической ситуации. Перечисляя эти факторы, автор вплотную подходит к взгляду на мелкую буржуазию как социальную базу ПСР и колебания ее как причины взлетов и падения ПСР. Но Д. Кенкер не переступает черту. В ее книге массы сами собой радикализуются, мечутся, затаиваются в ожидании, а партии ловят настроение масс. Делавшие ошибки эсеры проиграли, а умелые большевики оседлали массы [16] — такова мысль автора. Плюралистская альтернатива Октябрю — идеал для Д. Кенкер.

Совокупность фактов подводит и С. Смита (Великобритания) к объяснению классовой обусловленности деятельности партий. Анализируя социальный, профессиональный, половой, возрастной состав петроградских рабочих, С. Смит видит, что влияние эсеров было относительно сильнее среди новых, неквалифицированных рабочих, женщин, части молодежи [17].

Подробно рассмотрена С. Смитом и программа ПСР по реорганизации промышленности, рабочему контролю, но вывода об объективно-буржуазном характере этой программы автор не делает. Отмечает он и дихотомию ПСР по вопросу о рабочем контроле, сотрудничество и следование рядовых эсеров на уровне предприятия за большевиками, считая это естественным ответом на складывавшуюся ситуацию. Глубинной же связи между партией и классом С. Смит не вскрывает. Классы и партии действуют в разрыве, то сближаясь, то расходясь.

В двухтомнике Д. Мандела (Канада) [18] также есть положения о ПСР как выразителе интересов крестьянства, части отсталых рабочих, мелкобуржуазной интеллигенции. Д. Мандел показывает антирабочую политику руководства ПСР, провал эсеров в Учредительном собрании, невозможность для эсеров играть после Октября роль «третьей силы» [19]. Но ряд правильных наблюдений обесценивается сквозной мыслью, что радикализовавшийся от «законного» Февраля к «незаконному» Октябрю рабочий класс оказался после июльских событий в изоляции от «революционной демократии» (мелкой буржуазии), страшился контрреволюции и возможной гражданской войны и, в порыве отчаяния, пошел за большевиками на Октябрьскую революцию, а впоследствии, истощенный, попал под диктатуру [20].

Отношения ПСР с крестьянством рассматривают Г. Гилл (Австралия) и Д. Аткинсон (США) [21]. И они отмечают дихотомию ПСР, левение крестьян, вынуждавшее леветь местных эсеров и санкционировать революционные действия крестьян. Г. Гилл фак-

тами доказывает провал антикрестьянской политики эсеровских министров и рост крестьянского восстания. Он отмечает, что на различных выборах крестьяне голосовали не за партию и политику ее руководства, а за своего конкретного эсера или большевика, если тот отвечал требованиям крестьян, при этом эсером избранный часто бывал лишь номинально [22].

Но и в этих работах очевиден разрыв партий и крестьянской массы. К тому же крестьянство мыслится однородным, что не позволяет вскрыть социальные корни партий. Это автоматически ведет к выводу о партиях, пристраивавшихся к движению масс и т. п.

Подводя итог, суммируем продуктивные сдвиги либерального направления в изучении ПСР в 1917 г. Это признание мелкой буржуазии, мелких собственников социальной опорой ПСР, признание сознательности выбора партийной ориентации представителями того или иного класса, заключение об антинародной сущности политики эсеров в качестве правящей партии, наблюдение о дихотомии ПСР, констатация рыхлости, эклектичности программы, организационной слабости и распада ПСР, признание жестких мер по отношению к непролетарским партиям после октября 1917 г. необходимым проявлением острой классовой борьбы.

Все большая совокупность факторов оказывает давление на буржуазного историка, и он вплотную подходит к историко-материалистическому объяснению прошлого. Возможность прийти «к признанию коммунизма... *через данные своей науки*» [23] налицо. Но буржуазное бытие, социальный заказ не позволяют перейти принципиальный рубеж. В результате предопределенные выводы явно противоречат обогатившемуся повествованию и выглядят искусственно.

Не следует переоценивать либеральное направление. В основе методологии реакционного и либерального направлений лежит отрицание закономерности исторического процесса, объективных предпосылок революции. Буржуазные историки не выходят за рамки изучения лишь субъективных факторов.

Казалось бы, оценка ПСР в либеральном и реакционном направлениях совершенно различна, но общая методологическая база сводит эти «крайности». Тезисы реакционного направления: партии манипулируют массами, темными, неразвитыми, отсюда заговоры партий, а кто организованней и т. д., тот и победит. Либеральное направление — массы действуют сами, они могут быть революционными, пассивными, контрреволюционными и т. п. а партии находятся рядом и ловят движения и настроения масс. Отсюда — чья партия организованнее и т. д., та и овладеет массами, направит их в нужное партии русло. И в том, и в другом случае партии выглядят не выразителями интересов класса, авангардом, вождями класса, способными сформулировать его цели и наметить тактику, а соперниками на старте к цели, которой является класс. Цель же работ историков обеих направлений — оправдание капитализма. Средства ее достижения различны лишь по тонкости, и в этом объективная обусловленность работы буржуазных историков.

Одна из причин сдвигов в буржуазной историографии ПСР в 1917 г. — влияние советской историографии 60-х—80-х годов. Сейчас западная историография переносит центр тяжести на новый, выпадавший до сих пор из поля ее зрения участок — непролетарские партии в первой половине 1918 г., их деятельность в Советах и других организациях, что ставит перед советскими историками новые задачи.

[1] *Thompson J.* Revolutionary Russia, 1917. N. Y., 1981. P. 5—7.
[2] Ibid. P. 24—25.
[3] Ibid. P. 139—142.
[4] *Rigby T. H.* Lenin's Government Sovnarkom, 1917—1922. L., 1979. P. 10.
[5] Ibid. P. 27—28.
[6] Ibid. P. 28.
[7] *Getzler I.* Kronstadt 1917—1921: The Fate of a Soviet Democracy. Cambridge, 1983.
[8] Ibid. P. 45, 68.
[9] *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to Power. N. Y., 1976.
[10] *Mawdsley E.* The Russian Revolution and the Baltic Fleet. L., 1978. P. 6—11, 22—35.
[11] Ibid. P. 26.
[12] Ibid. P. 28, 126.
[13] *Koencer D.* Moskow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981. P. 210—217.
[14] Ibid. P. 194—205.
[15] Ibid. P. 220.
[16] Ibid. P. 220, 355.
[17] *Smith S. A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917—1918. Cambridge, 1983. P. 53.
[18] *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Fall of the old Regime. L., 1983; *Idem.* The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. L., 1984.
[19] *Mandel D.* The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. P. 325, 341—342.
[20] Ibid. P. 417—419.
[21] *Gill G.* Peasants and Covernment in the Russian Revolution L., 1979; *Atkinson D.* The End of the Russian Land Commune, 1905—1930. Stanford, 1983.
[22] *Gill G.* Op. cit. P. 149.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 346.

МЕНЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Т. Н. МАСЛИКОВА

КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ ВЗГЛЯДОВ МЕНЬШЕВИКОВ ПО ВОПРОСУ О ВЛАСТИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

В период революции 1905—1907 гг. классовая сущность меньшевизма как мелкобуржуазного течения особенно ярко проявилась во взглядах меньшевиков на проблему власти. Этот аспект воззрений меньшевиков и критика его В. И. Лениным получили освещение в ряде исследований, в том числе последних лет [1]. Однако представляется важным анализ ленинской методологии исследования меньшевистской позиции по коренному вопросу первой российской революции, поскольку именно в ней нашла логическое воплощение проводившаяся лидерами меньшевизма буржуазно-либеральная линия в революции.

Теоретическим фундаментом борьбы большевистской партии против оппортунистических воззрений меньшевиков по вопросу о власти явилась ленинская концепция революции 1905—1907 гг. как буржуазно-демократической революции нового типа.

Новая расстановка движущих сил революции, гегемония рабочего класса в ней открывали возможность принципиально нового решения вопроса о власти — образования режима народовластия, основанного на революционном союзе пролетариата с мелкобуржуазными трудящимися массами. Классовое содержание этой власти В. И. Ленин определил как революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, политическим органом которой должно было стать Временное революционное правительство.

Этот вывод, сделанный В. И. Лениным на основе анализа социально-экономического развития России в начале XX в. с учетом интернациональных перспектив освободительного движения в эпоху империализма, явился важным вкладом в марксистскую теорию. В ленинской концепции революции классовое содержание новой власти логически вытекало из идеи союза рабочего класса и крестьянства, из установки на гегемонию пролетариата в общенародной борьбе с царизмом.

Ленинскому решению вопроса о власти меньшевики противо-

поставили свою точку зрения. Их официальная позиция была выражена в резолюции Женевской конференции «О завоевании власти и участии во временном правительстве», а еще раньше в брошюре Мартынова «Две диктатуры». Современное буржуазное общество, утверждал ее автор, запишет в своей истории только две диктатуры: либо крайних элементов буржуазии на заре его становления, либо революционную диктатуру пролетариата на его закате [2].

Это категоричное суждение лежало и в основе резолюции конференции меньшевиков, в которой фигурировала нелепая с точки зрения условий буржуазной революции формулировка о завоевании власти пролетариатом и отождествлялись два совершенно различных пути установления демократического республиканского строя, когда победа на деле в результате народного восстания приравнивалась к победе на словах, к решению народных представителей организовать Учредительное собрание путем голосования [3]. Более того, в меньшевистской резолюции заявлялось, что Временное революционное правительство, двигая революционное развитие, должно одновременно бороться против тех факторов, которые угрожают основам капиталистического строя, а главным из них был пролетариат [4] с его решимостью после свержения монархии идти дальше, к социализму. Такая позиция меньшевиков была следствием их ориентации на длительный период господства буржуазии, в ходе которого, по их мнению, производительные силы общества созреют для социализма, а пролетариат превратится в большинство нации. В соответствии с этими взглядами, заимствованными у оппортунистов Запада, меньшевики устами М. Маслова заявляли, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства «противоречила бы всему ходу хозяйственного развития»[5]. Сформулированная позже Плехановым идея «восхождения революции»[6], или плавного перемещения власти «справа налево» (от монархии через консервативно-умеренные, затем буржуазно-либеральные элементы к левым партиям), выражала реформистскую альтернативу революционному решению коренного вопроса революции.

Реформистская сущность меньшевизма во взглядах на проблему власти в революции проявилась прежде всего в отрицании самого лозунга революционно-демократической диктатуры. Так, Мартынов заявлял, что, пока пролетариат не сделает социалистической революции, он не может получить ни всей, ни части политической власти, и давал совет социал-демократии вплоть до социалистической революции оставаться партией крайней революционной оппозиции [7]. Участие социал-демократии в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии Плеханов квалифицировал как измену пролетариату [8]. Разногласия между социал-демократией и мелкой буржуазией неизбежно возникнут раньше, заявлял он, чем поднимется вопрос «о конечной цели социализма», и усилия тех, кто одобряет идею участия в правительстве, могли бы привести только к диктатуре мелкой буржуазии над представителями пролетариата [9]. Лидер грузинских меньшевиков

Н. Жордания дошел до утверждения того, что «большинство» якобы готово выступить «как правительственная партия охраны частной собственности и имущества капиталистов»[10]. Наконец, следует отметить принятую в апреле 1905 г. конференцией кавказских меньшевиков резолюцию «О временном революционном правительстве», в которой участие социал-демократии в этом правительстве объявлялось акцией, способной заставить буржуазные классы отшатнуться от революции и тем самым ослабить ее размах [11]. В этом же духе выступал на IV (Объединительном) съезде РСДРП и Г. В. Плеханов. Защищая меньшевистский проект муниципализации земли, он предостерегал от взятия власти революционным народом, ссылаясь на опасность реставрации монархии [12].

Радикальному решению вопроса о власти меньшевики противопоставляли свои прожекты. Одним из них был план создания так называемого «революционного самоуправления», реформистскую сущность и практическую несостоятельность которого В. И. Ленин видел в том, что, не будучи связанными своим происхождением с вооруженным восстанием, эти органы оставались жалкими, ничего не менявшими «кусочками»[13]. В соответствии со своими оппортунистическими взглядами на парламентскую борьбу как на средство, делающее ненужными «насилие», «захваты», «диктатуру», меньшевики в 1906 г. выступили в поддержку кадетской идеи создания «ответственного думского министерства», которую В. И. Ленин назвал буржуазной ложью, приносившей в жертву либеральным лозунгам интересы просвещения масс относительно задач борьбы за реальную власть [14].

В. И. Ленин не только вскрыл классовую направленность меньшевистских взглядов, но и показал их антинаучность. Ленинское исследование позиции меньшевиков по вопросу о власти было основано на целостном подходе к анализу всей системы воззрений меньшевизма. В. И. Ленин выявил прежде всего, что взгляды меньшевиков были обусловлены их оппортунистической концепцией революции, отводившей роль гегемона либеральной буржуазии. В меньшевистской схеме вопрос о власти решался по аналогии с буржуазными революциями на Западе. В основе такого подхода лежали общеметодологические пороки всей системы их воззрений — догматизм, мертвенное резонерство, «феноменальное извращение исторической перспективы». А отрицание меньшевиками самой идеи революционной диктатуры двух классов основывалось на смешении демократического и социалистического переворотов, метафизическом толковании ими понятия «единая воля» и вытекавшем отсюда утверждении, что у пролетариата и крестьянства в борьбе с царизмом не может быть совпадения интересов.

В. И. Ленин раскрыл методологическую несостоятельность подобного утверждения. Последовательно проводя принцип историзма и научной объективности в анализе общественных явлений, он показал исторически ограниченный характер демократической диктатуры, у которой есть как свое прошлое (борьба с монархией,

крепостничеством), так и будущее (борьба с частной собственностью, за социализм)[15]. Такая диктатура, закрепляя гегемонию пролетариата в демократической революции, создавала наиболее благоприятные условия для перерастания ее в социалистическую и установления диктатуры пролетариата.

Раскрывая характер новой власти, В. И. Ленин подверг беспощадному разоблачению заимствованный меньшевиками у буржуазно-либеральных критиков Маркса тезис о тождестве революционной диктатуры с уничтожением демократии, который поднимается на щит и современными ревизионистами[16]. Только с вульгарно-буржуазной точки зрения, подчеркивал В. И. Ленин, «понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга»[17].

Анализируя задачи Национального собрания в Германии в 1848 г., как они были определены Марксом (устранение из жизни страны всего противоречащего самодержавию народа, защита завоеваний революции от реакционных поползновений свергнутых классов и т. д.), В. И. Ленин делает вывод, что «по содержанию своему, те задачи, которые ставил Маркс в 1848 году революционному правительству или диктатуре, сводились прежде всего к *демократическому* перевороту... Это и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура»[18].

Из характера и задач Временного революционного правительства, как определял их В. И. Ленин, вытекало отношение к нему большевиков. Это правительство, вышедшее из народного восстания, в котором наряду с пролетариатом примет участие и мелкая буржуазия, заинтересованная в проведении программы-минимум РСДРП, должно было, по мнению В. И. Ленина, стать широкой коалицией левых сил. Революционное правительство должно осуществить политическое руководство восставшим народом, что «не менее необходимо, чем военное руководство его силами»[19], провести в полном объеме демократические преобразования. Но так как задачи РСДРП *«гораздо выше»* задач буржуазной революции, из этого следует «не отстранение от других классов, *а руководство ими...* »[20]. В такой постановке вопрос об участии социал-демократов в революционном правительстве, оговоренном в решениях III съезда РСДРП такими условиями, которые обеспечивали осуществление гегемонии пролетариата в общенародной борьбе с царизмом, по своему содержанию был вопросом о руководящей роли партии в демократической революции. Отрицательное же отношение меньшевиков к идее такого участия на деле было отказом от руководящей роли рабочего класса и его партии в революции. Своим умалением значения партийного руководства революционной борьбой масс, «игнорированием действенной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»[21], меньшевики принижали материалистическое понимание истории.

Критикуя вождей меньшевизма за то, что мнимой боязнью из-

мены революции они прикрывали свое отступничество от марксизма, В. И. Ленин показал не только наиболее типичные для ревизионистов приемы фальсификации марксистского учения — выхватывание из произведений Маркса и Энгельса отдельных фраз и извращение их смысла, передергивание цитат, подмену и противопоставление понятий, грубые исторические аналогии [22],— но и раскрыл социальную подоплеку этих приемов.

В. И. Ленин обнажил коренной порок методологии меньшевиков — неспособность к научному анализу конкретной исторической ситуации. Так, в 1848 г. Маркс с учетом конкретных условий Германии того времени (поражение революции, слабость пролетарского движения в стране) не ставил перед немецкими рабочими вопроса об участии их представителей во временном революционном правительстве. Плеханов же, исходя из этого факта, без учета условий России 1905 г., пытался приписать Марксу якобы безусловно отрицательное отношение к самой идее участия социал-демократии в революционном правительстве и возвести это в общий принцип политики пролетарской партии [23].

Обращаясь к урокам испанской революции 1873 г., обобщенным в статье Энгельса «Бакунисты за работой», В. И. Ленин показывает, что Энгельс, высоко ценя участие рабочих в борьбе за республику, ставил в упрек их бакунистским вождям не сотрудничество с мелкой буржуазией в революционных правительствах ряда городов страны, а недостаточную самостоятельность этих вождей, их зависимость от буржуазных республиканцев [24]. Данные о деятельности Парижской Коммуны и составе ее правительства, подчеркивает В. И. Ленин, также учат тому, что участие представителей пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве «вполне допустимо», а при известных условиях «прямо обязательно»[25]. В конкретной ситуации российской революции социал-демократы должны не слепо повторять каждый лозунг великих борцов 1871 г., «а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»[26]. Этого не могли понять меньшевики, ибо «усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии»[27]. Добровольной передачей власти в руки буржуазии в июле 1917 г. они доказали на деле свой оппортунизм и предательство классовых интересов пролетариата.

В ленинской методологии исследования взглядов меньшевиков на проблему власти в революции 1905—1907 гг. в неразрывном единстве раскрываются идейно-теоретический и практически-политический аспекты этих взглядов. С позиций воинствующей партийности В. И. Ленин обнажает классовую направленность позиции меньшевиков, раскрывает идейное родство буржуазного либерализма и меньшевистского оппортунизма. С убийственным сарказмом и страстностью В. И. Ленин бичует хвостистскую тактику меньшевиков как проводников буржуазного влияния среди рабоче-

го класса. Всем содержанием своей критики В. И. Ленин утверждает непримиримость к любым проявлениям оппортунизма, нетерпимость к какой бы то ни было узости мысли, косности, доктринерству, опошлению марксизма.

Ход революции подтвердил правильность ленинской постановки вопроса о власти. Идея революционно-демократической диктатуры пролетариата как типа государственной власти получила практическое воплощение в возникших в 1905 г. Советах, в которых пролетарские массы под руководством своего политического авангарда в союзе с революционной мелкой буржуазией впервые выступили творцами подлинной народной демократии. В 1920 г. В. И. Ленин отметит, что такие основные вопросы революции, как Советская власть и диктатура пролетариата, «оказались поставленными практически в конце 1905 года»[28].

Опыт народных революций в ряде стран Европы, Азии и на Кубе подтвердил, что именно в формуле революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства наиболее полно отражается классовая сущность начального этапа любой победоносной социалистической революции эпохи империализма.

[1] Большевизм и реформизм. М., 1979; Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979; Историческое значение опыта борьбы КПСС против правого и «левого» оппортунизма. М., 1980; Ленин и революция: 1905 год. Л., 1980; *Тютюкин С. В.* Первая российская революция и Г. В. Плеханов: Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг. М., 1981; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.
[2] *Мартынов А.* Две диктатуры. 2-е изд. Б.м., 1918. С. 66.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 20.
[4] См.: Там же. С. 26.
[5] Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1. С. 661.
[6] *Плеханов Г. В.* Две линии в революции. Пг., 1917. С. 7.
[7] *Мартынов А.* Указ. соч. С. 73.
[8] *Плеханов Г. В.* Соч. М.; Л., 1926. Т. 13. С. 211.
[9] Там же. С. 300, 301.
[10] *Жордания Н.* «Большинство» или «меньшинство»? Женева, 1905. С. 24.
[11] Пятый съезд РСДРП, май—июнь 1907 г. 2-е изд. [М.], 1935. С. 697.
[12] Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 60—61.
[13] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 371.
[14] См.: Там же. Т. 15. С. 61; Т. 41. С. 386.
[15] См.: Там же. Т. 11. С. 74.
[16] Большевизм и реформизм. С. 138—139.
[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 121.
[18] Там же. С. 124.
[19] Там же. Т. 10. С. 339.
[20] Там же. С. 402.
[21] Там же. Т. 11. С. 31.
[22] Там же. Т. 10. С. 6, 8, 12, 17, 29.
[23] См.: Там же. С. 234.
[24] См.: Там же. С. 245—246.
[25] Там же. Т. 11. С. 132.
[26] Там же.
[27] Там же. Т. 10. С. 25.
[28] Там же. Т. 41. С. 371.

В. В. МИКШИН

РАЗОБЛАЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ОБЫВАТЕЛЬСКОЙ МОРАЛИ ЛИКВИДАТОРОВ

Известно, что меньшевики вообще и ликвидаторы в частности были наиболее опасны тем развращающим влиянием, которое они оказывали на пролетарские массы, отвлекая их «от настоящей борьбы посредством пустых фраз о борьбе»[1]. Причины этого влияния были классовыми, значение — политическим, а механизм и содержание — во многом моральными. В интересах обезвреживания данной «отравы» В. И. Ленин последовательно анализировал и то, и другое, и третье.

Им было показано, что ликвидаторство есть проявление буржуазного влияния на пролетариат, что в словах и поступках ликвидаторов находят полное выражение мировоззрение, психология и мораль мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции. Между тем буржуазная интеллигенция была обучена оперировать с общими словами и понятиями, носилась со всякими «хорошими» заветами [2] и потому широко опиралась на простые нормы нравственности, совершенно игнорируя классовый анализ обстановки и конкретно-исторические условия происходящего. В. И. Ленин подчеркивал, что обывательщина и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента коренятся в том, что он руководствуется «не интересами классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетцем: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать, премудрым правилом: „живи и жить давай другим", и т. д. и т. п.»[3]

В основе мировоззрения и морали мелкого буржуа и буржуазного интеллигента лежало также безысходное лицемерие, порождаемое тесным переплетением объективных и субъективных причин. «Шел в комнату — попал в другую. В истории,— подчеркивал В. И. Ленин,— это бывает постоянно с людьми, группами, направлениями, которые не поняли, не сознали своей настоящей сущности, то есть того, *к каким классам* они *в действительности* (а не в своем воображении) тяготеют» [4]. И мелкая буржуазия и буржуазная интеллигенция непосредственно не участвовали в эксплуатации чужого труда. И потому их идеологам вполне могло казаться, что они выражают интересы всего трудового народа, включая и рабочий класс. С другой стороны, иногда по искреннему тупоумию они возводили «свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики»[5].

И то, и другое заключение были ложными. Причем основой их вполне возможен был и самообман, т. е. иллюзия верности, правильности своих слов и поступков, при которой видимость принимали за реальность. Вместе с тем то же междуклассовое положение мелких буржуа и буржуазных интеллигентов порождало противоречивость и непоследовательность суждений ликвидаторов.

Эта неустойчивость позиции была питательной средой для проявления и закрепления у них многих отрицательных качеств. В частности, как и экономисты на рубеже двух веков, как и меньшевики в годы первой русской революции, ликвидаторы отличались нерешительностью. Они боялись додумывать свои мысли, заучивали слова, постоянно проявляли сбивчивость и шаткость, доходящие до бесхарактерности и легко принимаемые за лицемерие.

Источником рождения и упрочения этих и иных отрицательных качеств ликвидаторов были и конкретно-исторические условия участия мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции в классовой борьбе. В дни побед пролетариата многие их представители испытывали моменты очарования яркими проявлениями героизма масс. Но революция кончилась, и на смену приходили не менее острые разочарование и надломленность. Для В. И. Ленина была очевидной связь ликвидаторства, связь бегства из подполья и обращения к обывательщине и либеральной политике «с всеобщим обывательским настроением „усталости"» [6].

Эти малодушие и неверие проявлялись не только в готовности «махнуть рукой и замкнуться в личную жизнь или в узкие, мелкие кружки, занятые одной „культурной" работой» [7]. Они принимали и крайние формы. «В такое время,— писал В. И. Ленин,— когда обостряется борьба социал-демократов с проводниками буржуазного влияния на пролетариат, все беспринципные элементы всегда направляют усилия к тому, чтобы заслонить великие принципиальные вопросы дешевенькой сенсацией и скандальчиком...» [8].

В полном соответствии с мировоззрением и моралью обывателя они подменяли политическую борьбу партий и течений борьбой личной, видели ее движимой личными амбициями, честолюбивым стремлением к утверждению собственного «Я». Их «прекраснодушие» и «добропорядочность» были ориентированы на достижение своих целей без борьбы, миром и соглашением. Поэтому с их стороны постоянно слышалось «морализирующее хныканье» [9].

Стремясь к отысканию наиболее «тактичных», на их взгляд, способов изложения своих мыслей и ведения полемики, ликвидаторы широко использовали намеки, а также политику «маленькой лжи, мелкой лести, кивков и подмигиваний, т. е. именно того, что в сумме и дает понятие интриганства»[10].

Будучи изначально беспринципными, ликвидаторы вполне логично полагали, что страсти накалены из-за крайнего обострения борьбы и споров с ними в социал-демократической печати, что их отдаляют от большевиков не принципиальные разногласия, а «злостность» большевистского центра [11]. Если в большевистской «Правде» все спорные вопросы рабочего движения разбирались по существу, то ликвидаторская газета «Луч» была набита сплетнями и личными намеками. «Тут сообщается читателю рабочему,— комментировал В. И. Ленин,— о «раздражительности» и «очаровательных остротах» одного марксиста, «сверхчеловеческих» замашках другого, «цинизме» третьего. Все споры объяс-

няются „личными счетами“,„брюзжанием из-за местничества“, „борьбой за власть“ в партии»[12].

Ликвидаторы стали преемниками антипартийной борьбы экономистов и меньшевиков, во многом более колоритными. Весь букет кружково-обывательских деяний меньшинства украшал деятельность ликвидаторов. Здесь и использование, по выражению В. И. Ленина, рецепта «старого тургеневского пройдохи: порицай, как можно громче, то, что сам хочешь скрыть в своих поступках!»[13], и желание спорить с кем-то, объявлять их поступки легкомысленными и в то же время целиком работать вместе с ними [14], и последовательное применение старого лакейского приема кружковых шантажистов: «либо в зубы, либо ручку пожалуйте», и стойкое стремление «клеветать на личности самым бесстыдным образом» [15].

Примерами этого была полна история ликвидаторства.

С большим почтением относились меньшевики к Г. В. Плеханову, когда тот был их сторонником. И совершенно иначе после того, как Г. В. Плеханов осудил превращение большинства меньшевиков в ликвидаторов социал-демократической партии. Проанализировав эту метаморфозу, В. И. Ленин так пояснял ее ликвидаторам-«голосовцам» весной 1908 г.: «Пять лет вы просили „ручку“ (у Г. В. Плеханова.— *В. М.*), теперь даете на 32-х страницах двойного формата „в зубы“, а на 32-ой странице „выражаете готовность“: согласны и опять меньшевиком признать, и „ручку“ попросить» [16].

Менее чем через год тот же ликвидаторский «Голос социал-демократа» выпустил листок, в котором изображал своих противников—большевиков чудовищами из чудовищ, «бандой» и т. п. А уже в следующем номере было заявлено, что «все будет отлично, если нам (т. е. голосовцам) дадут во всех центральных учреждениях партии равенство с этими чудовищами, с людьми, совершившими ряд „преступлений“ и пр., и т. п.» [17].

В таких ситуациях сплетня и клевета в устах ликвидаторов были орудиями открытого шантажа большевиков с целью заставить их поступиться собственной непримиримостью. «Разве это не низость? — оценивали подобное поведение большевики.— Сегодня выдвигать уголовные обвинения, а завтра писать: „Пусти еще одного в редакцию — и мир“. Ведь это *шантаж*!» И тем не менее для меньшевиков стало уже привычным использование «таких же шантажных приемов в массе». Они множество раз «выдвигали „уголовщину“ и *забывали* о ней, когда получали равенство или *большинство*» [18]. Анализируя эти обывательские приемы борьбы ликвидаторов со своими противниками, В. И. Ленин формулировал и методы их разоблачения.

По его мнению, если клевета используется как своеобразный прием в политической борьбе, нельзя надеяться «на „исправление“ дела путем моральных сентенций»[19]. Нужен организованный отпор путем сбора и обнародования документов, позволяющих заклеймить клеветников. «Пока Вы не научитесь бороться

с шантажистами,— писал В. И. Ленин одному их своих корреспондентов,— они всегда будут срывать Вашу работу скандалами, будут плевать Вам в лицо. Ежели Вам это не нравиться, учитесь бороться, а не плакаться»[20]. При этом он призывал бороться постоянно и последовательно, открыто, решительно и достойно, связывая борьбу за каждую злобу дня с коренными целями пролетариата, настойчиво добиваясь *«идейной ясности, определенных взглядов, принципиальной линии»*[21].

В. И. Ленин был глубоко убежден, что от интриганства, от вырождения борьбы направлений в скандальчики «нет и не может быть спасения ни в чем, кроме строгой, выдержанной, опытом долгой истории рабочего движения проверяемой принципиальности»[22], под которой он понимал неколебимую верность принципам, силу идейности, убежденности и умение отстоять свои взгляды, т. е. силу характера. Он неустанно подчеркивал, что не резкости создают расхождения, а, наоборот, глубина идейного расхождения обусловливает соответствующую резкость оценок. И только слабые или запуганные могут колебаться по случаю «крайностей борьбы». Сам же В. И. Ленин являл образец беспощадного полемиста с политическими противниками.

В 1907 г. В. И. Ленин выдвинул обвинение в политической продажности против одного из лидеров меньшевиков — Ф. И. Дана, после того как тот «тайно и подпольно», т. е. без сообщения ЦК и ПК, имел «свидание с кадетами», на котором вел недопустимый торг за думские места. В ответ на истерический визг обиды, на новые угрозы третейского суда В. И. Ленин с готовностью принял вызов и одновременно подтвердил свое обвинение. На V съезде РСДРП, после того как В. И. Ленин был избран в президиум, петербургские делегаты-меньшевики выразили «глубокое сожаление» по этому поводу. Вслед за тем один из делегатов-большевиков спросил: «Оглашается ли это заявление с ведома всего президиума?» В. И. Ленин (из президиума) ответил: «Да»[23].

Рассмотренный эпизод ярко раскрывает глубоко свойственную В. И. Ленину манеру ведения борьбы со своими политическими противниками, при которой он не только и не столько оборонялся от их нападок, а сразу же переходил в ответное наступление.

При этом он часто бил врага его же оружием. В частности, он неустанно срывал с ликвидаторов одежды прекраснодушия, добропорядочности, моральной чуткости и предъявлял им обоснованные обвинения не только в идейной беспринципности, но и в нравственной ущербности.

Ликвидаторы кичились своей принадлежностью к компании «честных» людей и отказывали в этом большевикам. Но именно в бесчестье чаще всего обвинял их В. И. Ленин за стойкое стремление вновь и вновь распространять темные слухи и явное нежелание проверять добросовестность и серьезность этих слухов.

Ликвидаторы постоянно упрекали большевиков в забвении

такта и элементарных приличий. Сами же они неизменно хотели быть тактичными и потому, как уже говорилось, зачастую предпочитали не выдвигать открыто своих обвинений, а обходиться намеками. Однако результат достигался обратный. «Намеки,— писал В. И. Ленин,— пропадают для одних, разжигают кружковое любопытство других, подстрекают к сплетне и наушничанию третьих»[24]. А это не просто бестактно. Это одновременно трусливо и грубо.

Ликвидаторы гордились своей «моральной чуткостью» и в полном соответствии с нею обнаруживали в принципиальной неуступчивости большевиков неуважение к партии. А В. И. Ленин полагал насквозь фальшивую позицию «голосовцев» — стоять якобы и за партию и против нее — несовместимой не только с уважением к партии, но и с простым политическим приличием и уважением к самим себе [25].

В. И. Ленин обвинял ликвидаторов в непонимании серьезной политической ответственности за свои речи и свои действия. Он последовательно предостерегал передовых рабочих от какого-либо, даже малейшего, доверия ликвидаторам, их словам и убеждениям и одновременно утверждал, что партия не нуждается и никогда не будет нуждаться в их доверии.

Вместе с тем он был преисполнен нравственного негодования по поводу попыток ликвидаторов свалить вину за собственное малодушие и беспомощность на ход истории. Именно в это время В. И. Ленин подчеркивал, что «марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»[26].

В этом высказывании содержится обоснование роли нравственных начал в строительстве и деятельности марксистской партии рабочего класса. В борьбе против ликвидаторов мужала большевистская партия, а вместе с нею крепла ее ленинская этика.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 216.
[2] См.: Там же. Т. 16. С. 40.
[3] Там же. Т. 17. С. 421.
[4] Там же. Т. 25. С. 322.
[5] Там же. Т. 16. С. 40.
[6] Там же. Т. 20. С. 123.
[7] Там же. Т. 19. С. 409.
[8] Там же. Т. 20. С. 290.
[9] Там же. Т. 19. С. 125.
[10] Там же. Т. 20. С. 349.
[11] См.: Там же. Т. 19. С. 268.
[12] Там же. Т. 23. С. 115.
[13] Там же. Т. 17. С. 262.
[14] См.: Там же. Т. 20. С. 48.
[15] Там же. Т. 48. С. 217.
[16] Там же. Т. 19. С. 302.
[17] Там же. Т. 20. С. 185.

[18] Там же. Т. 48. С. 23.
[19] Там же. Т. 25. С. 395.
[20] Там же. Т. 48. С. 23—24.
[21] Там же. Т. 17. С. 369.
[22] Там же. Т. 20. С. 349.
[23] Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1958. С. 9—10, 340, 752—753.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 265—266.
[25] См.: Там же. Т. 47. С. 294.
[26] Там же. Т. 16. С. 23.

А. А. ЛИТВИН

МЕНЬШЕВИКИ ПОВОЛЖЬЯ В 1905—1907 гг.

Вопрос о борьбе большевиков против меньшевизма в целом получил в нашей литературе достаточно полное отражение. Менее глубоко он изучен в региональном аспекте, хотя и здесь можно назвать ряд интересных работ. Применительно к Поволжью по итогам проведенных исследований можно сделать несколько важных наблюдений. И в средневолжских социал-демократических организациях имело место такое явление, как «экономизм». В Казани в доискровский период наряду с марксистской литературой распространялись и «рабочедельские» издания, нечто подобное было и в Самаре, а Саратовский комитет даже начал издание «Рабочей газеты», стоявшей на позициях «экономизма». «Излечение» от «экономизма» произошло здесь, как и в других местах, ко II съезду партии [1], но произошло не само собой, а в результате борьбы местных марксистов с оппортунизмом в рабочем движении. Исследования показали также, что примиренчество среди местных работников имело сравнительно небольшое распространение, что местные комитеты выступали в качестве оплота революционной социал-демократии, что местные организации, особенно Казанский комитет, проводили большую работу по интернациональному воспитанию масс, борьбе с буржуазным национализмом.

Накануне первой российской революции большевики и меньшевики выступали, по сути дела, как две самостоятельные партии. Вместе с тем во многих поволжских партийных организациях не произошло организационного размежевания, продолжали существовать объединенные организации РСДРП и это сказывалось на выработке тактики руководства массами, особенно в начале 1905 г. В. И. Седугин, автор диссертационного исследования о борьбе большевиков Среднего Поволжья против меньшевиков накануне и в период первой революции, выделил три стадии развития в этом регионе внутрипартийного кризиса: август—ноябрь

1903 г., когда все средневолжские комитеты одобрили решения II съезда партии и осудили меньшевистскую оппозицию; ноябрь 1903 — август 1904 г., когда в средневолжских комитетах в результате раскольнической деятельности меньшевиков усилились примиренческие настроения; август 1904 — апрель 1905 г., когда обострилась борьба и меньшевикам удалось захватить руководство в отдельных комитетах[2].

Доказательства деятельности меньшевиков, мешавшей работе большевиков, привели в своей статье В. И. Седугин и И. П. Шмыгин. Они писали: «Меньшевики препятствовали нормальным отношениям местных комитетов между собой и заграничным большевистским центром» [3]. Так, руководитель Восточного бюро ЦК РСДРП А. А. Квятковский сообщал осенью 1904 г. в ЦК, что в Самару приезжал Э. Э. Эссен, побывавший до этого в Нижнем Новгороде и Казани, где агитировал за созыв III съезда. Он «собирался поехать в Саратов, Астрахань и на Урал,— писал Квятковский,— но явок ему в эти места не дали и послали туда человека предупредить комитеты не говорить с ним» [4].

В сентябре 1904 г. меньшевики пытались захватить в свои руки подпольную типографию Восточного бюро ЦК РСДРП. Для этого в Самару прибыл агент меньшевистского ЦК. Вот что писала о его деятельности Л. М. Книпович в редакцию «Пролетария»: «Меньшевики стараются все захватить в свои руки. При этом пользуются всеми мерзопакостями, прибегая даже к угрозам, например, здесь (в Самаре) агент-транспортер (его кличка в ЦК — Хохол) грозил Сатане (Арцыбушеву) управлением жандармерии, если он добровольно не уступит имущество типографии» [5].

В. И. Ленин отмечал важность опыта борьбы партии с меньшевизмом, указав, что он оставил партии и рабочему классу «урок исторической диалектики, урок понимания, уменья и искусства вести политическую борьбу» [6]. Однако опыт этой борьбы в Поволжье еще недостаточно изучен. Так, К. Я. Наякшин и Г. Н. Рутберг пишут, что меньшевикам в Поволжье накануне первой революции утвердиться не удалось [7]. Это верно в общем и в целом, но не в ряде конкретных случаев.

После захвата меньшевиками и примиренцами ЦК РСДРП и редакции «Искры» особенно остро стоял вопрос о создании новых партийных центров и созыве съезда партии. В сентябре—декабре 1904 г. состоялись три конференции местных комитетов в России и было создано Бюро комитетов большинства для подготовки съезда. Против его созыва выступили меньшевики. В поволжских комитетах, многие из которых имели в своем составе большевиков, меньшевиков и примиренцев, развернулась острая борьба. Однако дезорганизующая деятельность меньшевиков привела к тому, что комитеты Поволжья были из-за «примиренческого Восточного бюро совершенно отрезаны от сношений и с заграницей, и с другими комитетами» [8]. Распространению примиренчества в Поволжье способствовал и недостаточно высокий теоретический уровень ряда местных партийных работников. «Нам

тогда казалось,— вспоминал впоследствии один из руководителей Симбирской группы РСДРП В. Рябиков,— что вожаки перегнули палку и что соглашение между двумя сторонами партии могло быть достигнуто и без раскола» [9].

Исключительно важную роль в разоблачении оппортунистической тактики меньшевиков сыграли В. И. Ленин, большевистский центр, газета «Вперед». По указанию В. И. Ленина видные деятели партии отправились в поволжские комитеты. После приезда Р. С. Землячки в феврале 1905 г. Самарский комитет принял решение: «Принимая во внимание остроту переживаемого момента, Самарский комитет большинством трех голосов против двух высказался за съезд» [10]. До приезда М. Н. Лядова в Саратов за примиренчество и откладывание съезда выступал Саратовский комитет [11]. Нужна была определенная работа и в Казани для того, чтобы Казанский комитет в марте 1905 г. отказался от своей примиренческой формулы: «Не возражая в принципе против созыва съезда, считаем, что для этого еще не наступил подходящий момент» — и высказался за проведение съезда и участие в его работе.

В. И. Ленин писал 29 января 1905 г., что большевики по сравнению с меньшевиками «*материально слабее во много раз*. Нам нужно еще превратить нашу моральную силу в материальную. У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспорта, больше агентов, больше „имен", больше сотрудников. Было бы непростительным ребячеством не видеть этого» [12]. Эту характеристику, данную В. И Лениным, следует отнести и к тогдашнему положению в средневолжских организациях. К началу 1905 г. в России было 23 большевистских комитета, 6 комитетов с большевистским руководством, 14 большевистских организаций и групп, 35 организаций и групп с преобладающим большевистским влиянием (итого — 78), а также 8 меньшевистских групп, 39 примиренческих групп, 23 меньшевистские организации и группы (итого 70) [13]. Поэтому о полной победе над меньшевиками говорить было еще рано.

После III съезда РСДРП обстановка в партийных организациях оставалась напряженной. Казанский комитет выступил в поддержку решений съезда. Секретарь комитета большевик В. В. Адоратский писал: «Мы проработали усердно эти резолюции и в дальнейшем целиком руководствовались ими в нашей работе» [14]. Меньшевики заявили о выходе из организации и создали свою, так называемую «Казанскую группу РСДРП». В своем большинстве одобрила решения III съезда Симбирская группа. Более сложной была обстановка в Самарском и Саратовском комитетах.

В Самаре понадобился приезд Н. В. Романова, Л. М. Книпович и М. Н. Лядова с разъяснениями от имени ЦК решений III съезда, чтобы комитет в июне 1905 г. принял резолюцию, в которой признавались избранные на съезде центры, но одновременно указывалось на необходимость связи и с меньшевистским цент-

ром. Комитет в Самаре продолжал оставаться объединенным. Подобную резолюцию принял и Саратовский комитет, дополнив ее пунктом о неприемлемости для него аграрной резолюции съезда. Исследователи видят причину этого в деятельности самарских примиренцев, а Г. Ф. Ходаков приходит к выводу, что «примиренчество и колебания Саратовского комитета РСДРП обусловливались в значительной степени его интеллигентским составом» [15]. Однако эти объяснения нельзя признать достаточно убедительными.

В ноябре 1905 г. в РСДРП насчитывались 61 комитет и 105 групп, из них большевистских — 36 комитетов и 87 групп (всего 123); меньшевистских — 19 комитетов и 10 групп (всего 29); примиренческих — 6 комитетов и 30 групп (всего — 36) [16]. Данные убедительно свидетельствуют о том, что после III съезда в РСДРП большевистских комитетов и групп было почти вдвое больше, чем других социал-демократических организаций. Это была убедительная победа большевизма над оппортунистическими тенденциями в рабочем движении. Но с их существованием нельзя было не считаться, нельзя было не учитывать специфику обстановки на местах. Многие рабочие полагали тогда, что меньшевики не являются изменниками дела революции, что они просто непоследовательные сторонники ее, считали возможным сотрудничать с ними и перевоспитывать в ходе борьбы с самодержавием. Кроме того, при анализе ситуации надо иметь в виду не только пропагандистско-агитационную деятельность большевиков после III съезда РСДРП, но и усиление активности меньшевиков после Женевской конференции. Ее участница К. И. Захарова-Цедербаум вспоминала, как после окончания конференции она поехала в качестве эмиссара меньшевиков в Саратов. «Местная организация была едина,— писала Захарова,— хотя в нее входили представители обеих фракций. Доклад мой заслушали, но определенной резолюции не приняли: саратовская организация продолжала оставаться верной себе — „вне фракций“» [17].

Конечно, наличие в Самарском комитете примиренцев сыграло свою роль в принятии решения, только надо указывать, кто они были. Происхождение членов Саратовского комитета вряд ли имело особое значение: в то время почти каждый пятый вступивший в партию был интеллигентом; их было много и в руководстве партии, но от этого не страдало дело рабочего класса. Наверное, при объяснении тогдашней ситуации следует прежде всего анализировать специфику той или иной организации, состав ее членов, а не пытаться искать ошибки в действиях того или иного руководителя местного комитета.

Потребовались большие организационные и разъяснительные мероприятия, перевыборы ряда поволжских комитетов, чтобы положение в них несколько улучшилось, но меньшевики и позже продолжали играть определенную роль. При выборах на IV съезд партии Казанский комитет представляли большевики М. Триллисер и С. Бабаев (в связи с их арестом мандат был передан

Н. К. Крупской), а Самарскую и Саратовскую организации — только меньшевики (трое). На V съезд партии Казанская организация делегировала большевиков А. Г. Венедиктова и Ф. И. Завьялова, Симбирская — большевика Н. П. Брюханова, Самарская — большевика А. А. Богданова, Саратовская — большевика А. П. Скляренко и одного меньшевика. Борьба с меньшевизмом носила в Самарской и Саратовской организациях длительный характер.

Для Поволжья периода первой российской революции было характерно и такое явление, как сотрудничество левых сил, прежде всего в экстремальных условиях, необычных для той поры: подготовка вооруженного восстания, создание и деятельность Советов рабочих депутатов, боевых дружин и т. д. В Казани это явление имело место во время захвата власти в городе народом в октябре 1905 г., когда была создана коммуна, в которую вошли большевики, меньшевики и эсеры. В Самаре и Саратове такое сотрудничество имело место в Советах рабочих депутатов. Во главе учреждений, объединявших силы «левого блока», стояли, как правило, большевики: И. А. Саммер (Казань), Н. Е. Вилонов, Н. Н. Накоряков (Самара).

В годы революции возникло 55 Советов, из них 44 возглавлялись большевиками или находились под их влиянием, 10 — меньшевиками и один эсерами [18]. В Среднем Поволжье преобладали Советы, возглавляемые большевиками, они поддерживали связь с Московским Советом [19], и только Саратовский Совет, где в исполкоме было 4 социал-демократа и 3 эсера, большевикам не удалось подчинить своему влиянию.

Формы и методы борьбы большевиков с меньшевиками, компромиссные соглашения на определенных этапах с частью из них, характерные для всей страны, проявлялись и в деятельности партийных организаций Поволжья.

[1] *Жуйков Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р.* Борьба В. И. Ленина против «экономизма». М., 1980. С. 153, 185, 196.
[2] *Седугин В. И.* Борьба большевиков Среднего Поволжья против меньшевиков накануне и в период первой русской революции (1903—1907 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1973. С. 10, 20.
[3] *Шмыгин И. П., Седугин В. И.* Большевики Поволжья в борьбе за единство партии после II съезда РСДРП // Второй съезд РСДРП и местные партийные организации России. Пермь, 1973. С. 371.
[4] Там же. С. 372.
[5] Ленин в Самаре. Куйбышев, 1966. С. 456.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 10.
[7] *Наякшин К. Я., Рутберг Г. Н.* Большевики Поволжья в первой русской революции 1905—1907 гг. Саратов, 1977. С. 55.
[8] Третий съезд РСДРП: Сб. документов и материалов. М., 1955. С. 273.
[9] 1905 г. в Симбирске. Ульяновск, 1925. С. 27.
[10] *Наякшин К. Я., Рутберг Г. Н.* В. И. Ленин и Самарская большевистская организация. Куйбышев, 1969. С. 113—114.
[11] *Ходаков Г.* Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов, 1957. Ч. 1. С. 83—84.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 246.

[13] *Жуков Т. И.* Партия большевиков в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг.: (На материалах европейской части России): Автореф. дис... д-ра ист. наук. Воронеж, 1971. С. 21.

[14] История КПСС. М., 1967. Т. 2. С. 66.

[15] Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1962. С. 47; *Бутаев М. А.* Большевики Симбирской губернии в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1956. С. 27; *Наякшин К. Я., Рутберг Г. Н.* Большевики Поволжья в первой русской революции 1905—1907 гг. Саратов, 1977. С. 88—89; *Ходаков Г. Ф.* Борьба саратовских рабочих под руководством большевиков в период революции 1905—1907 гг. Саратов, 1977. С. 88—89; *Ходаков Г. Ф.* Борьба саратовских рабочих под руководством большевиков в период революции 1905—1907 гг. Саратов, 1977. С. 88—89.

[16] *Жуков Т. И.* Указ. соч. С. 27.

[17] *Захарова-Цедербаум К. И., Цедербаум С. И.* Из эпохи «Искры» (1900—1905 гг.). М.; Л., 1926. С. 153.

[18] *Угрюмов А. Л., Романовский Н. В.* Ленинская партия в революции 1905—1907 гг. в России. М., 1975. С. 43.

[19] *Костомаров Г.* Московский Совет в 1905 г. М., 1955. С. 83.

П. Е. ЛЮБАРОВ

ДУМСКАЯ ТАКТИКА МЕНЬШЕВИКОВ ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ

Как известно, меньшевики считали, что царский манифест 17 октября 1905 г. означал, говоря словами Ф. Дана, «фактическое введение конституционно-монархического строя», что с учреждением Государственной думы буржуазная революция в России закончилась [1]. Видя в царской Думе центр, вокруг которого должна вестись борьба пролетариата, а в думской социал-демократической фракции — «последний боевой пост пролетариата» [2], меньшевики-ликвидаторы предлагали рабочему классу уничтожить его революционную, ушедшую в подполье партию и вместо борьбы под руководством такой партии призывали рабочий класс оказывать на Думу давление извне петициями с требованием осуществить необходимые реформы. Сочетая «петиционное давление» с «органической» законодательной работой социал-демократической фракции, можно будет в союзе с кадетами создать «общенациональную оппозицию» и мирным путем добиться желаемых реформ, в том числе решить и рабочий вопрос. Больше того, меньшевики призывали поддерживать даже октябристско-кадетские законопроекты, если они будут «лежать» на линии социал-демократической программы, но не смогут быть приняты без голосов социал-демократических депутатов. Вот почему в своих выступлениях в печати, на собраниях, в Думе меньшевики не только избегали разоблачения контрреволюционной сущности кадетов, но и, наоборот, видели в них истинных демократов, у которых, оказывается, еще сохранилось «достаточно следов чистой, розовой юности» [3].

Из приведенных высказываний меньшевиков видно, что, называя себя социалистической партией, они фактически не только стремились вырвать из сознания масс уроки революции 1905—1907 гг., но и отказывались готовить массы к новой революции. Меньшевизм превратился в придаток кадетов, которые как раз и стремились подчинить своему идейному влиянию оппортунистическую часть рабочей партии, превращался в буржуазного агента в рабочем движении, в российскую разновидность международного оппортунизма. Эта роль меньшевиков, отмечал впоследствии В. И. Ленин, «превосходно была понята всей буржуазией после 1905 года», когда она их «на тысячи ладов поддерживала против большевиков»[4]. Подобная роль меньшевиков хорошо прослеживается на их думской политике по рабочему вопросу — одному из самых чувствительных нервов народной жизни и вместе с тем «самому больному месту» правительства, дворянства и буржуазии [5].

Вся пятилетняя деятельность III Думы в области законодательства о наемном труде свелась к рассмотрению шести законопроектов: четырех о страховании рабочих и двух, касавшихся торговых рабочих и служащих. Хотя эти законопроекты и явились определенной уступкой, вырванной революцией у царизма и буржуазии, однако они вносили жалкие, иллюзорные улучшения в положение рабочих и торговых служащих, не решая ни одной коренной проблемы в области рабочего вопроса, и в то же время взваливали на плечи этих категорий лиц наемного труда новые тяготы и лишения. Словом, эти законопроекты принадлежали к числу тех реформ, которые В. И. Ленин характеризовал как «реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса»[6]. Пропитанные теми же пороками, что и все подобные реформы по рабочему вопросу в царской России в прошлом, новые законопроекты вызвали негодование в рабочем классе и у торговых служащих.

Как же оценивали меньшевики данные законопроекты и какова была их думская тактика в этом вопросе? Позиция меньшевиков в вопросах страхования наемного труда была подобна позиции оппортунистов II Интернационала. Отрицая обострение классовых противоречий в эпоху империализма, оппортунисты считали, что само капиталистическое общество стремится к широкому социальному страхованию, с помощью которого рабочий класс постепенно, мирным парламентским путем, освободится от эксплуатации, нужды и нищеты в условиях сохранения капитализма. Тем самым II Интернационал фактически способствовал сохранению господства капитала, обрекая миллионные массы пролетариев на вечное рабство.

Опиравшаяся на такую теорию меньшевистская критика страховых реформ не могла быть революционной и отвечающей коренным интересам рабочего класса, а потому опасной для царизма и буржуазии. Газета «Пролетарий» сообщала, что при обсуждении в 1908 г. Центральным бюро петербургских профсоюзов законо-

проектов о страховании рабочих частновладельческих промышленных предприятий меньшевики заявляли, что хотя эти проекты в целом и не удовлетворяют рабочих, но «они не так уж плохи» и что с помощью внесения поправок при обсуждении в думе этих проектов последние можно улучшить, выдвигая при этом, однако, самые скромные требования [7]. Журнал меньшевиков-ликвидаторов «Дело жизни» оценивал эти реформы как такие, которые открывают перед рабочим классом «большие возможности», и не вскрыл реакционно-полицейского характера реформ [8]. Другой меньшевистский журнал —«Наша заря»— договорился до того, что видел в данных законопроектах «прямое осуществление требований социал-демократии»[9]. Советуя думской социал-демократической фракции и рабочему классу согласиться на царскую реформу и оценивать ее «не с точки зрения лазоревых идеалов», а с точки зрения «печальной современной действительности», меньшевистский журнал «Возрождение» также считал, что реформу можно исправить соответствующими поправками при обсуждении в Думе [10]. С этой целью журнал советовал сосредоточить всю деятельность на легальном обсуждении страховых реформ, предлагал обращаться в Думу с мирными петициями о даровании ею свободы коалиций для обсуждения реформ. В таких петициях меньшевики видели «средство, способное усилить удар рабочих» не только по Думе, если она будет сопротивляться свободе коалиций, но даже и «по органам власти»[11]. Такие заявления обманывали, идейно развращали рабочих: получалось, будто в принципе можно было ожидать от реакционнейшей III Думы изменения царских страховых реформ в пользу рабочего класса. Таков был «реализм» политики меньшевиков в вопросах страхового законодательства, «реализм», сближавший их с позицией кадетов.

Кадетская суть меньшевистской политики в этих вопросах проявлялась и в выступлениях меньшевиков в Думе. Чхеидзе критиковал русское фабрично-заводское законодательство не с классово-пролетарских позиций, а в стиле кадетских, объективистских речей «вообще». Не говоря о коренных требованиях рабочего класса, он свел свое выступление к требованию у Думы свободы коалиций. Он не призывал рабочих к революционной политической борьбе, не разоблачал контрреволюционную роль кадетов. Чхеидзе уверял черносотенно-октябристскую Думу, что не страдает недоверием к ее творчеству, выражая уверенность, что Дума внесет улучшения в правительственные законопроекты.

Превознося западноевропейский капитализм за создание для классовой борьбы возможности «вылиться в более или менее культурную форму», Чхеидзе призывал Думу «в области социального законодательства по рабочему вопросу... пойти тем же путем, как на Западе»[12]. Отсутствие при этом какой бы то ни было критики западноевропейского, в частности германского, буржуазного законодательства по рабочему вопросу лило воду на мельницу помещичье-буржуазных партий, всячески расхваливавших бисмарковское страховое законодательство и призывавших Думу следовать

его примеру. При обсуждении законопроекта о страховании рабочих и служащих промышленных и технических заведений Министерства финансов меньшевики Чхеидзе, Кузнецов, Войлошников и другие требовали, чтобы социал-демократическая фракция голосовала за принятие данного законопроекта на том основании, что он дает хотя бы «какой-либо плюс рабочим»[13]. Насколько подобная думская позиция меньшевиков в отношении правительственных страховых законопроектов отличалась от мнения организованных рабочих, показывает тот факт, что «все профорганизации рабочих», как подчеркивала большевистская газета «Звезда», подвергли эти законопроекты «уничтожающей критике»[14].

Оппортунистическая сущность думской политики меньшевиков по рабочему вопросу проявилась и в ходе рассмотрения Думой законопроекта «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах»[15]. Так, во время предварительных обсуждений проекта на заседаниях социал-демократической фракции Кузнецов, Войлошников, Чхеидзе ожесточенно сопротивлялись предложению большевиков Полетаева, Захарова, Суркова и примыкавшего к ним Предкальна его отвергнуть. Острая борьба внутри фракции по данному вопросу продолжалась на нескольких ее заседаниях. Потерпев поражение, меньшевики предложили путь компромисса, а именно воздержаться от голосования, но в конце концов и это их предложение благодаря настойчивой и принципиальной борьбе большевиков было отвергнуто фракцией [16].

Таким образом, проповедуя путь экономических реформ как якобы важнейшее средство улучшения положения рабочего класса при капитализме, меньшевики в III Думе в своей политике по рабочему законодательству скатывались на позиции буржуазного либерализма. Вот почему такая тактика меньшевиков-ликвидаторов не только вызывала острую критику и недовольство у рабочего класса, но и способствовала распространению среди некоторых его слоев индифферентности к социал-демократической фракции. Борясь против этого опасного для рабочего класса явления, большевики вместе с тем поднимали на принципиальную высоту свою критику оппортунистической думской тактики меньшевиков. «Бросьте смешную игру в „законодательные“ бирюльки... бросьте „сурьезный“ парламентаризм!— восклицал большевистский „Пролетарий“.— Ведь слепые видят, что такой метод работы не находит отклика в массах, предоставьте эту „работу“ гг. кадетам!»[17].

Интересно отметить, что требование меньшевиков уделять больше внимания «практическому улучшению» правительственных законопроектов [18] сочеталось с их решительной борьбой против самостоятельной законодательной инициативы социал-демократической фракции в области рабочего вопроса. Меньшевики считали, что такие шаги фракции «излишни» и потому она этим «не должна заниматься»[19]. Большевики же, наоборот, настаивали на внесении фракцией собственных законопроектов по коренным вопросам по-

ложения рабочего класса в целом или же его отдельных крупных отрядов. В противоположность меньшевикам большевики поддержали просьбу многотысячного коллектива уральских горнорабочих внести в III Думу законопроекты о решении жизненно важной для них проблемы ликвидации остатков крепостничества на уральских горных заводах [20]. Большевики, конечно, понимали, что Дума не утвердит подобные проекты. Целью таких законопроектов было показать рабочему классу, какими должны быть реформы в области рабочего вопроса, если речь идет о действительном, а не лживо-лицемерном стремлении улучшить положение рабочего класса в условиях капитализма. Надо, чтобы рабочий класс имел «возможно более определенное представление о *необходимой связи* фабричных... реформ с *демократическими* политическими преобразованиями»[21], без которых любые «реформы» царизма будут очередным издевательством над рабочими. Именно эти ленинские идеи поддерживал депутат Полетаев, выступая против меньшевиков на заседаниях социал-демократической фракции: «Наша задача в Государственной думе,— говорил он,— агитационная и организационная. Для успешного выполнения этой задачи необходимо иметь свои законопроекты в области рабочего законодательства, ибо внесение поправок к чужим законопроектам не дает достаточного материала для агитации»[22].

Кадетский по своей сути характер меньшевистской думской тактики по рабочему вопросу проявился не только в отношении к рабочему законодательству, но и к различным запросам, вносившимся в Думу, о положении рабочего класса и его организаций. Так, при обсуждении запроса о массовых преследованиях рабочих профсоюзов оппортунистическая позиция меньшевизма очень рельефно выразилась в речи Чхеидзе. Возмущаясь тяжелым положением этих союзов, он дошел до уговаривания царских властей не преследовать профсоюзы, потому что они являются «политически нейтральными» организациями, не занимаются «излишествами» в своей деятельности и т. п. Следуя тактике единения с кадетами, Чхеидзе не только не вскрывал буржуазного характера их надежд на создание «чистеньких», аполитичных профсоюзов — залога «социального мира», но и видел в кадетах «последовательных демократов», способных поддержать рабочий класс [23].

Лицо меньшевизма, его стремление приноравливаться к «обновленному» режиму еще раз выявились при обсуждении запроса о гонениях на петербургские профсоюзы, внесенного в Думу в феврале 1912 г. Депутат меньшевик Гегечкори в своем выступлении обращался к «благоразумию» думских заправил, предлагал им принять этот запрос во имя «сохранения достоинства и значения самой Государственной думы...»[24]. Забота о сохранении Думы как политического орудия «обновленного» строя — вот что вытекало из этих слов. Эта же забота все больше и больше звучала и в кадетских выступлениях в Думе, особенно к концу ее деятельности в 1912 г.

Когда обсуждалось спешное заявление социал-демократичес-

кой фракции «О незакономерных действиях администрации по поводу празднования рабочими 1 Мая», ликвидатор Кузнецов выхолостил политическую остроту вопроса. Он низвел значение дня 1 Мая до простого дня, когда рабочий класс всех стран считает своим долгом один раз в году «отдохнуть от труда и заботы» [25]. А. Чхеидзе в выступлении в думской комиссии по запросам (где предварительно рассматривалось данное заявление социал-демократической фракции) не только не дал отпора атакам классовых врагов российского пролетариата, но и по-оппортунистически подошел к оценке указанных в запросе фактов полицейского преследования рабочих за попытку празднования 1 Мая как революционного дня борьбы за свободу. Видя в столыпинщине «правовой строй», Чхеидзе волновался по поводу того, что такие поступки полиции «в конституционном государстве недопустимы» [26].

Выражая идеологию мелкой буржуазии и тех слоев рабочего класса, которые еще поддавались влиянию буржуазии, меньшевики, однако, не могли слишком откровенно призывать их к союзу с кадетами, не могли поддерживать политику черносотенно-октябристской Думы по рабочему вопросу — политику, вызывавшую возмущение и негодование у рабочего класса и торговых служащих. Поэтому меньшевики не могли не маскировать свою идеологию и политику (в том числе и думскую) социалистической фразеологией. Это они тем более вынуждены были делать, ибо влияние сознательных рабочих на социал-демократическую фракцию непрерывно росло. Кроме того, помощь фракции со стороны большевистской части ЦК РСДРП и лично В. И. Ленина привела к тому, что фракция все больше становилась на путь партийности, происходил процесс самоочищения ее от мелкобуржуазных попутчиков, что, в свою очередь, способствовало идейному и организационному укреплению ее на основе большевизма. Все это, вместе взятое, ослабило позиции меньшевизма в социал-демократической фракции III Думы.

Под влиянием революционной критики большевиками политики царизма и помещичье-буржуазных партий по рабочему вопросу, а также благодаря длительной и настойчивой разъяснительной работе местных партийных организаций широкие слои рабочего класса постепенно все больше убеждались в мелкобуржуазной сущности меньшевизма, в его неспособности решать коренные вопросы положения рабочего класса. Это подтверждается многочисленными фактами осуждения думской тактики меньшевиков рабочими Петербурга, Москвы, Донбасса, Харькова, Самары, Екатеринослава и других промышленных центров. Так, петербургский рабочий И. Орлов вспоминал, что во время одной из встреч депутатов-меньшевиков Кузнецова, Белоусова и Гегечкори с рабочими (в помещении Сампсоняевской школы) «большинство присутствовавших сильно их критиковали» за то, что они «не оправдали доверия рабочих» [27]. В Екатеринославе отношение к меньшевикам-ликвидаторам стало настолько отрицательным, что само слово «ликвидатор» употреблялось рабочими как ругательство [28].

Итак, анализ политики меньшевиков в III Думе по рабочему вопросу показывает полную несостоятельность утверждений современных немарксистских историков, будто бы именно меньшевики выражали интересы российского рабочего класса и что по этой, мол, причине большевизм «насильственно» избавился от них, как от своих «конкурентов». На самом же деле идейная близость меньшевиков к кадетам — вот причина, почему рабочий класс, народные массы России отвернулись от меньшевиков. В связи с этим весьма ценным являлось признание такой близости не кем иным, как департаментом полиции, который еще в 1912 г. в одном из своих донесений отметил, что «по существу... программы меньшевиков мало чем отличаются от ... кадетских программ» [29].

[1] Запросы жизни. 1909. № 6. С. 2.
[2] Голос социал-демократа. 1908. № 1/2.
[3] Возрождение. 1909. № 1/2. С. 42.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 11.
[5] Там же. Т. 16. С. 147—148.
[6] Там же. Т. 20. С. 305.
[7] Пролетарий. 1908. 17 окт.
[8] Страхование рабочих и наши задачи // Дело жизни. 1911. № 6. С. 1.
[9] К вопросу о страховании рабочих // Наша заря. 1911. № 6. С. 5.
[10] С какого конца // Возрождение. 1910. № 8. С. 61, 63.
[11] Страхование рабочих и наши задачи. С. 9, 10.
[12] Государственная дума. Стеногр. отчеты. Третий созыв. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. 3. Стб. 2371, 2376.
[13] ЦПА ИМЛ. Ф. 93. Оп. 8. Д. 42227. Ч. 3. Л. 168.
[14] Звезда. 1911. 23 апр.
[15] Изданный еще 15 ноября 1906 г. законопроект был затем передан на утверждение в Государственную думу. Законопроект лишал торговых служащих ряда завоеваний, которые были вырваны ими у хозяев в 1905 г.
[16] ЦПА ИМЛ. Ф. 93. Оп. 8. Д. 42227. Л. 266. об., 267.
[17] Пролетарий. 1909. 21 февр.
[18] ЦПА ИМЛ. Ф. 93. Оп. 8. Д. 42227. Ч. 1. Л. 183.
[19] Там же. Л. 160 об.
[20] Там же. Л. 106 об.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 158.
[22] ЦПА ИМЛ. Ф. 93. Оп. 8. Д. 42227. Л. 183.
[23] Государственная дума. Стенограф. отчеты. Третий созыв. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. 1. Стб. 1385.
[24] Там же. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. 2. Стб. 3534—3535.
[25] Там же. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 4. Стб. 506.
[26] ЦГИА СССР. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3305. Л. 152.
[27] Архив Ленинградского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 495. Л. 4.
[28] *Лось Ф. Е.* Рабочий класс Украины в 1907—1913 гг. Киев, 1962. С. 149. На укр. яз.
[29] ЦГАОР СССР. Ф. 102. Оп. 113. Д. 307-а. Л. 8.

М. Ф. ЮРИЙ

МЕНЬШЕВИКИ И «РАБОЧИЕ ГРУППЫ» В ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМИТЕТАХ

С началом первой мировой войны русская буржуазия прекрасно понимала, что ответственность за ведение этой войны необходимо разложить возможно шире и что часть ее должна пасть на рабочих, без которых воевать нельзя. Первым шагом на пути привлечения рабочих представлялось введение их делегатов в Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), созданный буржуазией в мае 1915 г. и призванный содействовать царизму в организации военной экономики. Вопрос этот обсуждался на Первом Всероссийском съезде военно-промышленных комитетов 25—27 июля 1915 г. и был решен положительно [1]. Участие рабочих в комитетах и создание при них так называемых «рабочих групп» должны были стать официально узаконенным каналом буржуазного влияния на пролетариат, призванным потушить пламя стачечного движения и направить все силы рабочих на «защиту отечества»[2].

Для большевиков с самого начала было ясно, что всякая причастность рабочих к деятельности военно-промышленных комитетов недопустима, ибо это было бы равносильно оправданию империалистической войны и сговору с буржуазией. В. И. Ленин в статье «Несколько тезисов» писал: «Мы против участия в военно-промышленных комитетах, помогающих вести империалистскую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участие на первой стадии выборов *только* в агитационных и организационных целях»[3].

Совсем иную позицию в отношении военно-промышленных комитетов заняли меньшевики, среди которых было несколько течений, отличавшихся между собой только по вопросу о мотивах вхождения рабочих в эти комитеты, но на вопрос, идти или не идти в комитеты, отвечавших утвердительно — одни более откровенно, другие замаскированно [4].

Самую правую, открыто оборонческую шовинистическую позицию заняла группа «Призыв», организованная Г. В. Плехановым 5 сентября 1915 г. в Женеве. Она считала участие рабочих в военно-промышленных комитетах не только необходимым, но и подчеркивала, что «комитеты — не открытая платформа, которую можно использовать для каких угодно целей». Это — «деловые организации... Организоваться в комитетах можно, лишь исходя из необходимости в обороне»[5]. Но наиболее подробно следует остановиться на взглядах меньшевиков-оборонцев, действовавших в России, членов так называемой группы «Самозащита», куда входили А. Н. Потресов, П. П. Маслов, В. Левицкий, Е. Маевский, В. Ежов, А. Э. Горский (А. Э. Дюбуа), А. Чере-

ванин [6]. Они выступали не только за вовлечение рабочих в военно-промышленные комитеты, но и считали, что сотрудничество рабочих с буржуазией в этих комитетах создаст группе «Самозащита» необходимые условия для претворения в жизнь программы, разработанной еще на Пражской конференции и Августовским блоком 1912 г. Оборонцы из группы «Самозащита» в вопросе вовлечения рабочих в военно-промышленные комитеты проводили самую активную работу по сравнению с другими меньшевистскими течениями и по существу являлись идейными руководителями «гвоздевцев» (К. А. Гвоздев — рабочий завода «Эриксон», председатель «рабочей группы» ЦВПК). Их активно поддерживала правоцентристская газета «Рабочее утро», издававшаяся в Петрограде, и самарская газета «Наш голос» того же направления, в которой участвовали меньшевики-ликвидаторы А. Кабцан, В. С. Васильев, Ф. Булкин.

Если «Призыв» ставил вопрос о защите отечества и о работе в военно-промышленных комитетах для снабжения фронта, откровенно подчеркивая, что нужно идти туда для органической работы, как в «деловые организации», то группа А. Н. Потресова в лице «гвоздевцев» стремилась завоевать на свою сторону рабочих, обманывая их и заявляя, что военно-промышленные комитеты необходимо использовать в интересах самих рабочих. Наибольший интерес для характеристики этих взглядов представляет опубликованная 19 августа 1915 г. в «Рабочем утре» статья «Военно-промышленные комитеты и рабочие». С одной стороны, в статье отмечалось, что перед рабочими в комитетах открывается необъятное поле деятельности: они будут протестовать против всех видов эксплуатации труда, охранять беженцев, пленных, женщин, детей, защищать профессиональные организации, стоять на страже рабочего законодательства. С другой стороны, в ней подчеркивалось, что комитеты могут «принять участие в мобилизационном вопросе, чтобы призвать к организации и сплотить свои собственные силы, чтобы развернуть свои собственные лозунги, чтобы оказать свое влияние на движение и организацию других слоев. Вот вопрос, который является основным при установлении отношения к промышленным комитетам». В заключение статьи говорилось: «Надо сказать определенно и твердо, что рабочие пойдут в военно-промышленные комитеты не только тогда, когда предупредительно распахнут перед ними двери, но и в том случае, если эти двери будут закрыты и мозолистым рукам самим придется отодвигать их тяжелые затворы».

При вхождении рабочих в комитеты буржуазия достигала своего: она могла использовать рабочих, обманутых оборонцами, при полной невозможности для рабочих использовать пребывание в военно-промышленных комитетах в своих целях. В этом смысле группа «Самозащита», выражавшая свои взгляды через «Рабочее утро», была намного опаснее, чем группа «Призыв». В «Призыве» все было слишком ясно, в «Рабочем утре», которое старалось привлечь на свою сторону рабочих тем, что непрерывно

указывало на свою близость с ними, все было замаскировано.

Истинное лицо «Рабочего утра» В. И. Ленин раскрыл в статье «Прикрытие социал-шовинистской политики интернационалистскими фразами». «Чтобы влиять на рабочих,— подчеркивал он,— буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т. д., иначе влиять невозможно. И „Рабочее Утро“ наряжается, подкрашивается, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаясь!.. лишь бы ... не мешали звать рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, т. е. к *фактическому* участию в грабительской, реакционной („оборонительной“) войне»[7]. Говоря о «Рабочем утре» и военно-промышленных комитетах, В. И. Ленин указывал: «Здесь сидят главари ликвидаторства и социал-шовинизма вкупе с доносчиком г. Гвоздевым»[8].

Лицо сторонников идей, высказывавшихся в «Рабочем утре», достаточно ясно обрисовал начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде. В обзоре о настроении населения столицы в 1915 г. он указывал: «Сторонниками народной самозащиты являются: „Левицкий“ — Цедербаум В. О., „Маевский“ — Гутовский, Потресов, Хаустов — член Государственной Думы, „Горский“ — Дюбуа, секретарь О. К.— Богданов В. Ю. Органами их являются газета „Рабочее утро“ и журнал „Наше дело“. Эта группа считала, что социал-демократы должны сейчас же создавать совместно с оппозиционными слоями буржуазии органы национальной обороны, постепенно захватывая в свои руки функции правительства по делам обороны. Отсюда вытекает необходимость участия рабочих в деятельности военно-промышленных комитетов. Прогрессивный блок они считают явлением прогрессивным и допускают поддержку некоторых, не идущих вразрез с социал-демократической программой-минимум требований и действий этого блока рабочим классом»[9].

Если говорить о программе группы «Самозащита», то она была ненова и появилась не в период первой мировой, а значительно раньше, еще во время Пражской конференции и в резолюциях Августовского блока 1912 г. Об этом говорит следующий факт. Когда в 1915 г. Ю. О. Мартов напечатал за границей в своей брошюре ту часть декларации гвоздевской группы, в которой излагались циммервальдские лозунги, выпустив все остальное, то левая голландская социалистка Генриета Роланд-Гольст, возмущаясь, писала: «Именно для того, чтобы скрыть от заграничных товарищей то, что есть, Заграничный Секретариат произвел усекновение гвоздевского националистического лика. Для чего же он в таком случае переводил этот злосчастный документ? Для того, чтобы предъявить Интернационалу циммервальдское лицо. А между тем этот метод непреодолимо вытекает из всей официально-официозной политики Августовского блока, у которого есть два лица: одно — показное — интернационально-циммервальдское, другое — натурально-гвоздевское»[10].

Связь прослеживается и в том, что в работе Августовского

блока принимал участие в качестве «рабочего» провокатор П. М. Абросимов [11], входивший позже в «рабочую группу» при ЦВПК. С другой стороны, само образование «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах — это, по существу, было не что иное, как претворение в жизнь того требования, которое высказывал на Пражской конференции меньшевик Н. А. Рожков, т. е. создание легального «Общества защитников рабочих интересов», официально утвержденного правительством в виде «рабочих групп». То, что «Общество защитников рабочих интересов» явилось прототипом «рабочих групп», видно из того, что, как и общество, эти группы в первую очередь должны были заниматься не реализацией политических требований пролетариата, а организацией труда и быта рабочих, а именно вопросами продовольствия, организации бирж труда, примирительных камер, мобилизации промышленности, социального законодательства, организации общественных столовых, рабочей кооперации и т. д.[12]

Стараясь во что бы то ни стало «сработаться» с буржуазией, группа «Самозащита» в лице «гвоздевцев» шла по пути дальнейшей разработки своей программы, которую надеялась совместно с ней отстоять в Думе. В этой программе вместо лозунга демократической республики «гвоздевцы» выставили требование «свободы коалиций, демократизации государства», вместо 8-часового рабочего дня — «законодательного ограничения рабочего времени». Не было здесь и призыва к активным выступлениям рабочих, к свержению самодержавия. Вся борьба рабочего класса должна была быть направлена на поддержку требований буржуазии в Думе, сводившихся к борьбе за «правительство спасения страны», за «министерство доверия». Это была ставка на реформы, которых можно было добиться в Думе совместно с буржуазией.

«Гвоздевцы» возлагали большие надежды на Государственную думу, которую рассматривали как «один из этапов или опорных пунктов будущей революции». Даже будущее временное правительство представлялось им состоящим «из думского правительства и из представителей возникших в процессе революции демократических организаций».

Если сравнить программу «рабочих групп» с программой кадетской партии, то можно увидеть много общего. Это и «ответственное перед народным представительством министерство»[13], и свобода рабочих союзов и собраний, и охрана интересов трудящихся, и учреждение примирительных камер, и государственное страхование, и т. д.[14]

Все сказанное говорит о том, что «рабочие группы» нужны были оборонцам для претворения в жизнь своих идей. Об этом откровенно высказался член «рабочей группы» Московского областного военно-промышленного комитета В. А. Черегородцев: «В военно-промышленных комитетах назрела настоятельная необходимость в рабочем представительстве, через которое можно было бы организовать рабочий класс для обороны страны, установления социального мира и для того, чтобы до некоторой степени

опираться на рабочий класс в своей работе»[15], «надо только помнить, что без координации действий с буржуазией не обойтись»[16]. В этой связи можно привести и невольное признание, вырвавшееся в 1915 г. у лидера меньшевиков Ю. О. Мартова. «В тех шатаниях и колебаниях, которые проявились в начале нынешней войны среди части „ликвидаторов“ в России,— писал он,— несомненно сказалась и отрыжка тенденций 1909—1911 гг. строить заранее будущее российского пролетариата на исторической победе российской буржуазии в ее попытке через империализм — помимо национальной революции — идти к европеизации России и решению ее внутренних проблем раскрепощения национальных производительных сил»[17].

Присоединившись к требованиям «прогрессивного блока» об «ответственном министерстве», «образовании правительства спасения страны», возлагая также большие надежды на Думу, меньшевики-оборонцы толкали буржуазию на более радикальные выступления и выражали недовольство ее бездеятельностью. Ближе всех они сошлись, несомненно, с прогрессистами, до конца выставлявшими лозунг «ответственного министерства» в отличие от кадетов, которые выдвинутый ими же ранее лозунг сменили на «министерство общественного доверия». Следует помнить также и тот факт, что именно прогрессисты А. И. Коновалов в Петрограде и П. П. Рябушинский в Москве были непосредственными организаторами «рабочих групп» и постоянно покровительствовали им. Можно предположить, что это был двусторонний опыт создания единой радикально-либеральной партии. Ведь недаром В. И. Ленин говорил о создании с помощью оборонцев и буржуазии «хвостовской рабочей партии». После ареста «рабочей группы» в Петрограде именно газета П. П. Рябушинского «Утро России» высказывает сожаление по этому поводу и отмечает, что «они („рабочие группы“) были тем цементом, который связывал рабочую массу с остальной нацией в деле спасения и устроения страны. Элементарный политический расчет подсказывал поддержку „рабочих групп“ и не только во время войны... И вот теперь все пошло насмарку...»[18]. Еще раньше газета «Биржевые ведомости», приветствуя группу А. Н. Потресова в связи с изданием ею сборника «Самозащита», отмечала: «Авторы сборника хорошо понимают, что „пораженчество“ есть рабья психология, неверие в возможность завоевать свободу своими собственными силами, энергией самого народа, желание получить свободу из рук врага. Они хотят признавать национальность, как признают западные люди. ...Нужно приветствовать тот процесс, который совершается в среде марксистов и который отразился на авторах сборника»[19].

Подводя итог деятельности потресовской группы и «гвоздевцев», можно сказать, что своими практическими действиями они доказали принадлежность к социал-шовинизму и приняли «европейский» тип развития[20]. Это о них говорил В. И. Ленин: «Реальная программа ликвидаторов и реальное значение их направления состоит теперь не только в оппортунизме вообще, но и в том,

что они защищают великодержавные привилегии и преимущества великорусских помещиков и буржуазии. Это — направление *национал-либеральной* рабочей политики. Это — союз части радикальных мелких буржуа и ничтожной доли привилегированных рабочих со „своей“ национальной буржуазией против массы пролетариата»[21].

[1] *Кареев К.* Рабочая печать и военно-промышленные комитеты // Красная летопись. 1926. № 5. (20). С. 131.
[2] *Тютюкин С. В.* Война, мир, революция: Идейная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг., М., 1972. С. 205.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 48.
[4] *Тютюкин С. В.* Указ. соч. С. 206—208.
[5] Призыв. 1915. 30 окт.
[6] Группа «Самозащита» издавала ежемесячный журнал «Наше дело» с января 1915 г. и сборник «Самозащита» с 1916 г. в Петрограде.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 87.
[8] Там же. С. 85.
[9] ЦГАОР СССР. Ф. 102. 1915. Оп. 16. Д. 167. Ч. 57. Л. 29.
[10] Социал-демократ. 1916. № 2.
[11] *Ярославский Е.* Партия большевиков в годы подъема рабочего движения перед первой империалистической войной (1912—1914 гг.). М., 1940. С. 14.
[12] ЦГВИА. Ф. 13251. Оп. 19. Д. 226. Л. 14; Оп. 2. Д. 28. Л. 3.
[13] Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917. С. 26.
[14] Там же. С. 28.
[15] *Корбут М. С.* Гвоздевщина в документах // Архив «рабочей группы» Московского областного военно-промышленного комитета. Казань, 1929. С. 25.
[16] Там же. С. 27.
[17] Интернационал и война. Цюрих, 1915. № 1. С. 107.
[18] Утро России. 1917. 31 янв.
[19] Биржевые ведомости. 1916. 12 февр.
[20] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 265.
[21] Там же. С. 347.

И. И. ТАГИРОВ

МЕНЬШЕВИКИ В МЕСТНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ ПОВОЛЖЬЯ. МАРТ—ОКТЯБРЬ 1917 г.

Система местных органов власти Временного правительства привлекла внимание историков относительно недавно. Наряду с неизученностью темы не исследованы и такие вопросы, как партийный состав и межпартийная борьба в местных органах буржуазной власти. В данной статье основной упор сделан на анализ политики меньшевиков, проводимой ими в поволжских местных органах буржуазного управления и самоуправления.

С образованием системы двоевластия меньшевики внедрились и в Советы, и в систему буржуазных учреждений. 1 марта 1917 г.

в Самаре на частном совещании гласных городской думы образовался Особый временный городской комитет безопасности. На следующий день состоялось заседание Особого городского комитета с представителями 28 общественных организаций. Было решено доизбрать в комитет 14 депутатов от организаций по числу вошедших в него гласных городской думы. В их числе были доизбраны меньшевики Ф. В. Косариков, Г. П. Борисов (от общества книгопечатников), И. И. Перельман (от общества «Самопомощь»), В. Л. Преображенский (от железнодорожной организации). 3 марта комитет постановил именовать себя Комитетом народной власти [1]. В тот же день около 2 часов ночи только что сформированный Совет рабочих депутатов избрал 10 представителей в этот комитет, в том числе меньшевиков И. И. Рамишвили, Н. М. Левинтова, Е. А. Успенскую, П. У. Шаманина, Н. П. Богданова, А. И. Логинова. 4 марта на общем собрании Комитет народной власти (КНВ) избрал исполнительный комитет из 30 человек, в который от Совета вошли меньшевики И. И. Рамишвили, Н. М. Левинтов, П. У. Шаманин, Н. П. Богданов, Л. И. Гинзбург (в дальнейшем бундовец). В президиум исполкома в качестве секретарей вошли меньшевики А. И. Логинов и В. Л. Преображенский [2].

22 марта организовался Самарский уездный КНВ из представителей волостных комитетов. В этот же день он избрал уездным комиссаром бывшего секретаря уездной земской управы меньшевика Н. Н. Бушена [3].

Саратовский общественный городской исполнительный комитет (ОГИК) образовался 2 марта. Он состоял первоначально из 16 человек: 6— от городской думы, 5— от Совета рабочих и солдатских депутатов, 1 — от кооперации, 1 — от земства и 3— от адвокатов; по партийной принадлежности: кадетов — 9, эсеров — 2, меньшевиков — 2, большевиков — 2, народных социалистов — 4. Во главе Саратовского ОГИК находился А. А. Токарский [4].

Комитет общественной безопасности, образовавшийся в Казани 5 марта в составе 15 человек, включал 4 меньшевиков и 2 большевиков [5].

В губернском и уездном звеньях образовавшейся системы общественных комитетов в Поволжье, как и в целом по стране, меньшевики не имели господствующих позиций. Губернские, а во многих местах и уездные, общественные комитеты находились в руках кадетов. Так, в числе 25 председателей губернских и крупных городских комитетов было кадетов и октябристов 14, эсеров —7, меньшевиков — 4 [6]. Меньшевики не смогли образовать здесь сильных фракций, что явилось одной из причин проведения ими совместной линии с эсерами. Подобным образом оформились позиции меньшевиков и в губернско-уездных звеньях других институтов буржуазной власти.

Если взять институт комиссаров Временного правительства, то из 43 губернских комиссаров, заявивших в июле—августе

1917 г. в МВД о своей партийной принадлежности, было 13 эсеров, 11 кадетов, 6 прогрессистов, 5 меньшевиков, 4 народных социалиста, 1 октябрист, 1 трудовик и 2 беспартийных [7]. Из них в Поволжском регионе должность губкомиссара была занята меньшевиком лишь в Саратовской губернии (Д. Топуридзе).

Довольно значительное количество мест, обеспечивавших участие в руководстве наряду с буржуазно-помещичьими партиями и эсерами, заняли меньшевики в губернских и уездных комитетах. Так, в Самаре 14 марта из 10 делегатов, избранных на заседании Совета рабочих депутатов в губпродком, четверо были меньшевиками (В. С. Кайрович, Е. А. Успенская, Святский, П. У. Шаманин)[8]. Исключение составлял лишь Спасский уезд Казанской губернии, в котором продовольственным комитетом руководил большевик Г. С. Гордеев.

Общая линия меньшевиков в местных органах управления и самоуправления в Поволжье не выходила за рамки соглашательства. Меньшевики стояли за признание приоритетной роли органов буржуазной власти и пытались сузить сферу деятельности Советов. Характерным было заявление самарской эсеро-меньшевистской «Солдатской газеты» о том, что отныне оплотом революции являются городские думы, а влияние «всякого рода Советов должно ограничиться»[9].

18 мая Самарский губернский исполком народной власти обсуждал вопрос о взаимоотношениях с губернским комиссаром Иньковым, причем выяснилось, что у комитета нет доверия к нему. На следующий день в исполкоме состоялись прения об отношении к Инькову. Некоторые члены исполкома высказались вообще против какого бы то ни было комиссара, меньшевики — за сохранение комиссариата. Было постановлено: представителем власти на местах является губернский Комитет народной власти, при нем организуется особый исполнительный орган, который является его представителем по всей губернии, представителем же КНВ перед правительством и правительства перед местной властью является особо выбранный комиссариат [10].

Ход обсуждения вопроса о взаимоотношениях Комитета народной власти и губернского комиссариата показал, что меньшевики видели в этих учреждениях главенствующие организации, в руках которых сосредоточится государственная власть в губернии. Правда, полного единодушия по этому вопросу не было. Так, самарский меньшевистский «Наш голос» писал 2 сентября: «Перед революционной демократией стоит теперь одна задача — организовать новую власть. Эта власть должна, безусловно, опираться на Советы — они основа всей революции и единственная надежда на спасение страны»[11]. Поскольку признание приоритета органов буржуазной власти перед Советами означало и идейный союз с буржуазно-помещичьими партиями, то видный царицынский меньшевик председатель Царицынского горкома Д. Полуян заявил на одном из митингов в первой половине сентября 1917 г.: «Социал-демократия должна пересмотреть вопрос о вла-

сти, решительным образом высказаться против коалиции с буржуазными элементами»[12]. Значение подобного рода высказываний не следует преувеличивать. Они делались в послекорниловский период.

Следует учитывать и то, что в целом воззрения меньшевиков на организацию государственной власти претерпевали эволюцию по мере движения от Февраля к Октябрю в сторону контрреволюционности. Под влиянием меньшевиков и эсеров губернско-уездные ступени государственной власти по ряду вопросов, в частности по аграрному, занимали все более правые позиции. Широкую известность получила деятельность Саратовского губернского комиссара Д. Топуридзе. На совещаниях по вопросу о неуклонном росте крестьянского движения в губернии он неоднократно говорил о мерах «по его предотвращению», направлял в уезды и волости вооруженные команды [13].

В марте 1917 г. в составе Самарского исполкома народной власти из 30 членов было 9 меньшевиков — В. Л. Преображенский, Н. М. Левинтов (интернационалист), В. В. Старков, П. У. Шаманин, В. С. Кайрович, капитан П. П. Митрофанов (интернационалист), солдат И. П. Герасимов (впоследствии большевик), врач В. Ю. Масловский, солдат А. К. Никифоров. И не случайно образованный Самарским губернским исполкомом народной власти в связи с июльскими событиями в Петрограде Комитет общественной безопасности возглавил меньшевик А. И. Кабцан, развернувший открытое наступление против большевиков. Председательствуя на объединенном заседании Советов и исполкома народной власти, созванном Комитетом безопасности, А. И. Кабцан в сообщении о петроградских событиях возложил вину за них на РСДРП(б). Большевики были подвергнуты оскорблениям и вынуждены покинуть заседание. К ним присоединились максималисты. В их отсутствие заседание приняло предложенную меньшевиками резолюцию, в которой ответственность за июльские события возлагалась на большевиков [14].

Не случаен также и тот факт, что в июне 1917 г. должность заместителя Самарского губернского комиссара занял меньшевик П. У. Шаманин (в сентябре 1917 г. убит милиционерами при невыясненных обстоятельствах, вместо него избран меньшевик В. Л. Преображенский)[15].

По мере того как рассеивался соглашательский дурман в народных массах, падал и авторитет местных органов государственной власти. Все более четко проявлялась неспособность их осуществлять хозяйственно-политическое управление в губерниях [16].

Параллельно развивался процесс демократизации местных органов управления. Конечно, более всего этот процесс затронул институты государственной власти на низшем уровне, но не миновал он и губернско-уездные звенья. Некоторые исследователи пишут даже о большевизации этих учреждений [17]. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся факт перехода продоволь-

ственного дела в Спасском уезде Казанской губернии в руки большевиков.

Если говорить о земельных органах, то уездные и губернские комитеты вплоть до Октябрьской революции продолжали возглавлять буржуазно-помещичьи партии и верхушка меньшевиков и эсеров. Руководство этих организаций в большинстве своем придерживалось точки зрения министра внутренних дел меньшевика И. Г. Церетели, который рассылал на места циркуляры с категорическим требованием сохранить в неприкосновенности земельный фонд и немедленно прекратить «самоуправные действия» земельных комитетов [18].

Процесс освобождения народных масс от соглашательских иллюзий нашел яркое выражение в результатах выборов в местные органы самоуправления, в частности в городские думы. В процессе выборов меньшевики блокировались с эсерами, бундовцами и другими социалистическими партиями.

Согласно имеющимся сведениям по 50 губерниям России, эсеры и меньшевики получили на осенних выборах в городские думы 57,2% голосов, кадеты — 12,9, большевики — 7,5, беспартийные и национальные группы — 21,4%. По 418 уездным городам: эсеры и меньшевики — 34,5%, кадеты — 5,4, большевики — 2,2, беспартийные и национальные группы — 57,9% [19].

Показательно сравнение результатов двух выборов в Царицынскую городскую думу, прошедших в июле и августе 1917 г. В результате первых выборов за кандидатов так называемого социалистического блока (меньшевики, эсеры, бундовцы) было подано 11902 голоса, что соответствовало 41 месту в думе, а за большевиков — 11181 (39 мест в думе). Однако на вторых выборах большевики привлекли на свою сторону гораздо большее количество избирателей, завоевав 45 из 102 мест в думе. Явное поражение потерпели меньшевики и эсеры, получив соответственно 10 и 15 мест [20].

1 октября состоялись выборы в думу города Самары. Большевики получили 34 места, эсеры — 32, кадеты — 13, меньшевики — только 2. На выборах в городскую думу в начале октября 1917 г. потерпели фиаско и казанские меньшевики [21].

В небольших городах Поволжья выборы в думу зачастую давали преимущество мелкобуржуазным партиям. Так, 16 июля состоялись выборы в городскую думу Балакова (Самарская губерния). Блок эсеров и крестьян на них получил 27 мест, меньшевики — 3, большевики — 1. Состоявшиеся 30 июля выборы в городскую думу Бузулука (той же губернии) принесли эсерам и меньшевикам 3701 голос и 24 места в думе, а кадетам — 751 голос и 5 мест. Эти партии и разделили основные голоса [22].

После победы Октябрьской революции городские думы или же эсеро-меньшевистские фракции в думах стали организационными центрами контрреволюционных сил на местах.

Так, на заседании Астраханской думы 25 октября 1917 г. была принята резолюция, в которой буржуазия и представители мень-

шевиков и правых эсеров резко осуждали вооруженное восстание рабочих, солдат, матросов в Петрограде. Для оказания помощи Временному правительству городская дума признала необходимым создать особый орган из представителей организаций и учреждений, поддерживающих буржуазное правительство [23].

Против Советской власти выступили и другие учреждения буржуазной власти, в которых руководство осуществляли буржуазные партии, меньшевики и эсеры. Например, 26 октября 1917 г. в Царицыне по инициативе меньшевиков и эсеров был создан так называемый Комитет спасения революции. В его состав вошли в числе прочих представители земельных комитетов, городской думы и земской управы, а также других организаций. Этот комитет своей целью имел ведение борьбы против Советской власти [24].

Для объединения контрреволюционных сил при Казанской городской думе 11 ноября 1917 г. был организован Комитет спасения родины и революции, главой которого стал лидер казанских меньшевиков Рясенцев. В качестве своих непосредственных задач комитет ставил: 1) борьбу с большевиками против захвата ими политической власти; 2) объединение для этой цели всех революционно-демократических организаций; 3) идейное руководство этими организациями в борьбе против Советской власти; 4) развитие устной и печатной пропаганды для популяризации своих идей [25].

Пытаясь задержать переход власти в руки Советов в Симбирской губернии, меньшевики и эсеры образовали Бюро единения служащих правительственных учреждений, которое представляло собой что-то вроде профсоюза, объединявшего представителей буржуазии, чиновничества, служащих в государственных учреждениях Симбирска. Контрреволюционная природа этого бюро проявилась при установлении Советом контроля за деятельностью губернских учреждений. Бюро всячески саботировало мероприятия Совета и пыталось дестабилизировать нормальную работу государственных учреждений [26].

В Самаре после прихода к власти Советов меньшевики и эсеры через Комитет народной власти и городскую думу рассылали во все учреждения своих эмиссаров, призывая служащих не выполнять распоряжений ревкома. Они требовали передать «охрану порядка» городской думе, рассчитывая через нее обезоружить и ликвидировать Красную гвардию. Однако рабочие не поддержали их, и они оказались в изоляции [27].

В эти же дни меньшевики и правые эсеры вместе с другими контрреволюционными силами образовали в Самаре так называемый Комитет общественной безопасности. Этот штаб контрреволюции провел среди буржуазии сбор средств в фонд борьбы с ревкомом, отпечатал листовки с призывом не подчиняться распоряжениям Советского правительства, организовал саботаж служащих. Первыми начали бастовать чиновники канцелярии губернского комиссара. К ним присоединились чиновники учреждений, казначейств.

1 ноября 1917 г. состоялось собрание служащих правительственных учреждений. После того как по требованию меньшевиков и эсеров был удален представитель ревкома, было принято решение немедленно удалить большевистских комиссаров из всех учреждений [28].

Хотя усилиями народных масс во главе с большевиками саботаж был подавлен, контрреволюционные силы не смирились. 4 февраля 1918 г. меньшевики и эсеры созвали съезд представителей распущенных земств, городской думы и комитетов народной власти. Часть делегатов сразу покинула это контрреволюционное сборище, разобравшись в его характере. Оставшиеся меньшевики и эсеры, назвав себя «всесословным» съездом, вынесли решение о восстановлении земства, роспуске Красной гвардии и отказались признать Советскую власть. По заданию губисполкома собрание было разогнано, а руководители арестованы [29].

Характерна деятельность губернского комиссара Саратовской губернии Д. Топуридзе, направленная против Советской власти. 25 октября 1917 г. он получил телеграмму, в которой сообщалось о начале вооруженного восстания в Петрограде. После этого он немедленно дал распоряжение начальнику гарнизона усилить охрану города, и в первую очередь почтовых и телеграфных станций.

В тот же день при губкомиссариате открылось экстренное совещание руководителей губернской и городской администрации, представителей других организаций, поддерживавших Временное правительство. Тактика контрреволюционных сил нашла свое четкое отражение в выступлении меньшевика Черткова: «Нужно выяснить... положение дел в Совете. Когда рассматриваемый вопрос встанет в Совете и Совет выскажется за захват власти, тогда Совет расколется, из него выйдут меньшевики и эсеры и тогда мы пойдем с этой частью Совета. Сейчас арестовывать большевиков нельзя». Делая резюме состоявшихся прений, Топуридзе подчеркнул необходимость борьбы против той части Совета, которая окажется в руках большевиков после раскола [30].

В этот же день, 25 октября, открылось заседание Саратовской городской думы. По предложению меньшевиков и эсеров был избран так называемый Комитет защиты революции. В его состав вошли В. И. Алмазов, М. И. Белавинский, Н. И. Максимович, Л. Е. Майзель, В. П. Прозоров, В. М. Телегин и М. Т. Диденко (все — эсеры, меньшевики и народные социалисты). В дальнейшем комитет занял резко антисоветскую позицию, что явилось решающим фактором роспуска породившей его городской думы [31].

Таким образом, меньшевики, работавшие в местных органах власти Временного правительства, прошли путь к открытой контрреволюции. Они неизменно выступали в коалиции с эсерами и часто блокировались с представителями буржуазно-помещичьих партий в решении тех или иных вопросов. В своем окончательном виде этот контрреволюционный блок оформился после перехода власти к Советам.

[1] *Блюменталь И. И.* Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии: Хроника событий. Самара, 1927. Т. 1. С. 13—19.
[2] *Попов Ф. Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии 1902—1917 гг. Куйбышев, 1969. С. 431.
[3] Там же. С. 446; *Блюменталь И. И.* Указ. соч. С. 46—47.
[4] *Петров З.* Саратовский пролетариат в борьбе за власть // 1917 год в Саратове: Сб. воспоминаний. Саратов, 1927. С. 6—7.
[5] *Тимофеев В. П.* Казанская большевистская организация в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Сборник статей преподавателей и научных сотрудников. Казань, 1958. Вып. 1. С. 84.
[6] *Андреев А. М.* Большевики и местные органы буржуазной власти в период мирного развития революции // Вопр. истории КПСС. 1979. № 8. С. 73.
[7] *Баранов Е. П.* Губернские комиссары Временного правительства // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 1979. № 5. С. 61—68.
[8] *Попов Ф. Г.* Указ. соч. С. 439.
[9] *Герасименко Г. А., Точеный Д. С.* Советы Поволжья в 1917 г. Саратов, 1977. С. 142.
[10] *Блюменталь И. И.* Указ. соч. С. 112—114.
[11] *Герасименко Г. А., Точеный Д. С.* Указ. соч. С. 167—168.
[12] Там же.
[13] Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье, 1917—1918. Саратов, 1968. С. 98, 127, 129 и др.
[14] *Попов Ф. Г.* Указ. соч. С. 448.
[15] Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 2 июля; *Блюменталь И. И.* Указ. соч. С. 132.
[16] *Валеев Р. К.* Назревание общенационального кризиса и его проявление в Поволжье и на Урале в 1917 г. Казань, 1979. С. 102—106, 116—137.
[17] *Матвеева Е. Г.* Из истории национально-освободительной борьбы крестьянства Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Сборник статей преподавателей и научных сотрудников. Вып. 1. С. 350—354.
[18] *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974. С. 134 и др.
[19] *Андреев А. М.* Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983. С. 202.
[20] 1917 год в Царицыне: Сб. документов и материалов. Сталинград, 1957. С. 129—131.
[21] *Попов Ф. Г.* Указ. соч. С. 533.
[22] Там же. С. 493, 498.
[23] *Герасименко Г. А., Точеный Д. С.* Указ. соч. С. 250.
[24] 1917 год в Царицыне. С. 121.
[25] *Булатов М. Р.* Из истории борьбы за установление и упрочение Советской власти в Казанской губернии (ноябрь 1917— май 1918 гг.) // Труды Казанского сельскохозяйственного ин-та. Казань, 1958. Т. 38, ч. 1. С. 34.
[26] Борьба за установление Советской власти в Симбирской губернии (март 1917—июнь 1918 гг.). Ульяновск, 1957. С. 303—305.
[27] Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. [Куйбышев], 1957. С. 91.
[28] Там же.
[29] Там же. С. 110.
[30] Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. С. 133—135.
[31] Там же. С. 136, 146, 167 и др.

Г. И. ИЛЬЯЩУК

КРАХ МЕНЬШЕВИЗМА В 1917—1918 гг. В ОЦЕНКАХ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Советскими историками дан глубокий критический анализ меньшевистской историографии, раскрыта связь ее концепций с современными антисоветскими доктринами, обоснованы принципы и методы изучения литературы, исходящей от идейно-политических противников большевизма, в том числе от контрреволюционной эмиграции. В работах Г. Д. Барихновского, Г. З. Иоффе, В. В. Комина, Ю. В. Мухачева, П. А. Подболотова, Л. М. Спирина, И. Я. Трифонова, Л. К. Шкаренкова и др. [1] показан провал попыток белой эмиграции подорвать Советскую власть, определены основные группировки мелкобуржуазной контрреволюции за границей, этапы их разложения и организационного распада. Однако целый ряд проблем нуждается в дальнейшей разработке. Среди них следует назвать и анализ меньшевистской историографии, включая тему, рассматриваемую в настоящей статье. В ее рамках не представляется возможным дать исчерпывающий обзор меньшевистских источников и концепций. Согласно библиографическому указателю А. Бургиной, с 1921 по 1965 г. на Западе было опубликовано 536 книг, брошюр и статей меньшевиков [2]. Только за 10 первых послевоенных лет, по подсчетам А. А. Корникова, вышли из печати свыше 170 работ меньшевистских авторов [3]. Поэтому нами предпринята попытка лишь обозначить основные тенденции, направления, теоретические и социально-классовые истоки объяснения меньшевистской эмигрантской историографией причин краха меньшевизма в 1917—1918 гг.

Сокрушительный удар по реформизму меньшевиков нанесла Великая Октябрьская социалистическая революция. Последствия этого поражения меньшевизм испытывал вплоть до окончательной политической гибели. Вот почему основное внимание сосредоточено в статье на меньшевистских трактовках краха своей партии в битвах Великого Октября.

Освещение этих проблем эмигрантами-меньшевиками во многом определяется особенностями источников и литературы, созданной мелкобуржуазными идеологами и политиками [4]. Поэтому их критический анализ предполагает выявление не только социально-классовых и общепартийных позиций меньшевиков, но и платформы группировки, к которой принадлежал тот или другой автор, всей суммы его взглядов по рассматриваемому вопросу и их возможной эволюции, процессов, протекавших в меньшевистской эмиграции, учет присущих мелкобуржуазным деятелям идейно-политических колебаний и т. д.

Исходными тезисами для всех течений меньшевистской исто-

риографии являлись утверждения о невозможности социалистического преобразования российского общества, «незаконности большевистского переворота», о неизбежном поражении или «перерождении» революции в России. «Наши разногласия с правыми не вызваны различной оценкой социалистических возможностей русской революции»,— признал Ф. Дан в 1926 г. [5]. Единодушными были стремление отлучить В. И. Ленина и партию большевиков от марксизма, отрицание социалистического характера Октябрьской революции. Эти «постулаты», несмотря на периодически вносимые частные коррективы, были свойственны меньшевистской эмигрантской историографии на всех этапах ее развития. Однако особую активность меньшевики проявляли в начале 20-х годов, когда они пытались представить введение новой экономической политики свидетельством отказа РКП(б) от «преждевременного введения социализма», доказательством правильности своей стратегии и тактики.

Правое крыло меньшевистской эмиграции (группа «Заря» во главе со Ст. Ивановичем, А. Н. Потресовым, П. Я. Гарви и др.) расценило победу Великой Октябрьской социалистической революции как торжество кучки заговорщиков-большевиков, воспользовавшихся «случайным стечением обстоятельств» и темнотой народных масс. Ст. Иванович, например, называл Октябрь «революцией усталости», которая оказалась возможной только благодаря первой мировой войне [6]. В его работах откровенно фальсифицировались движущие силы и народный характер Октябрьской революции, отрицались не только руководящая роль, но и активное участие в ней пролетариата. Писания «деникинского социалиста» полны нескрываемым презрением к трудящимся, клеветническими обвинениями большевиков в ставке на силы хаоса, дезертиров, деклассированные элементы города и деревни [7]. В более завуалированной форме подобные идеи отстаивал в те годы и П. Я. Гарви [8], считавший крах меньшевизма «исторической мистификацией». «Победа большевиков,— утверждал он,— оказалась возможной лишь в силу обстоятельств, в результате мировой войны» [9], олицетворяла триумф «мелкобуржуазного революционаризма над слабыми ростками рабочего движения» [10].

Концепции «меньшевистского большинства», группировавшегося вокруг «Социалистического вестника», формировались под влиянием взглядов Ю. О. Мартова. В отличие от правых он признавал историческую обусловленность победы большевизма, но главную причину видел в социальных последствиях первой мировой войны [11]. Аналогичные трактовки затем повторялись в публикациях Ф. И. Дана [12], передовой статье «Социалистического вестника» к 10-летию первой мировой войны (1924. № 15) и др. Считая установление диктатуры пролетариата «утопическим экспериментом» большевиков, Мартов называл Октябрьскую революцию «крестьянски-мещанской», «якобинской» и т. п. [13]. С этих позиций он объяснял причины большевизации масс в 1917 г., вызванные войной: кризис и «одичание» русского общества;

изменение состава рабочего класса за счет притока выходцев из мелкобуржуазных слоев; деклассирование пролетариата, подчинение его влиянию солдатской «траншейной психологии» и др. [14]. Эту точку зрения разделяли Р. Абрамович, Ф. И. Дан [15] и другие члены Заграничной делегации РСДРП. Она не раз повторялась в редакционных статьях «Социалистического вестника» [16].

В работах Мартова порой содержались и откровенные признания банкротства реформистской политики соглашателей. Не отрицал он и поддержки курса большевиков основной массой рабочего класса. Однако установление диктатуры пролетариата Мартов и его сторонники связывали с активизацией «отсталых слоев общества, политически неопытных масс», солдат, «деревенских и плебейско-мещанских элементов» в рядах пролетариата [17]. Воздерживаясь от наиболее одиозных формулировок, использовавшихся группой «Заря» (например, Ст. Иванович назвал опорой большевизма «взбаламученное море социальных отбросов» [18]), «мартовцы» смыкались с правыми меньшевиками в подходе к причинам большевизации масс, в методах фальсификации российского революционного процесса. Так, в статье «По поводу письма тов. П. Б. Аксельрода» (Социалистический вестн. 1921. № 8) Мартов, осуждая «коалиционно-оборонческую канитель Керенского—Церетели», отметил, что в октябре 1917 г. «большевики явились выразителями вполне законного возмущения широких слоев пролетариата политикой, которая по объективному смыслу своему направлялась в конечном счете не политическими интересами русской революции, но военными интересами Антанты». Вместе с тем, оставаясь на меньшевистских позициях, Мартов не вскрыл теоретических и социально-классовых основ соглашательской политики, по-реформистски искажал роль большевистской партии как вдохновителя и организатора победы Великого Октября. Он был глубоко убежден, что «утрата массами веры в старых вождей и старые организации облегчила в чрезвычайной степени пропитывание нового революционного движения... анархической идеологией...» [19].

Меньшевистский лидер объвинял большевиков в недопустимом использовании народного доверия, бакунизме и бонапартизме, в обращении на пользу своим корыстным целям настроений отсталых слоев пролетариата, в противоречащем социалистической идеологии приспособлении к интересам мелкобуржуазных масс [20]. При этом подразумевалось, что меньшевики, отказавшись последовать большевистскому примеру, потерпели поражение вследствие «исторической почвы», на которой совершилась революция в России. Такими приемами пользовались и другие меньшевистские публицисты, «обыгрывая» так называемую «экономическую отсталость» страны, специфику ее социально-классовой структуры и т. д. Признавая отдельные «ошибки» меньшевиков в 1917—1918 гг., Заграничная делегация РСДРП пыталась реабилитировать генеральный курс своей партии. Наиболее откровенно об этом заявил Д. Далин, высказавшийся за оправдание меньше-

визма и его союзников как противников «немедленного социализма», введения которого якобы требовали В. И. Ленин и большевики [21]. «Социалистический вестник» провозглашал меньшевиков выразителями интересов «тонкого слоя классово-культурных рабочих», «классово-сознательных элементов» в революционном движении. «... Борьба меньшевизма с большевизмом...— вещал он,— есть историческая борьба пролетариата за свое классовое самоопределение, против стихии отсталости, борьба марксизма с наседавшими на него и слишком часто одолевавшими его традициями бакунизма и якобинства» [22].

Признавая неспособность «революционной демократии» решить в феврале—октябре 1917 г. основные проблемы жизни страны, сторонники Мартова умалчивали об ее подлинных причинах, коренившихся в реформистском курсе эсеров и меньшевиков. Основной причиной они называли продолжение Временным правительством войны, якобы вынуждавшее «социалистов» «воздержаться от всяких решительных мероприятий, которые неизбежно временно усилили бы дезорганизацию тыла» [23]. Одновременно, повторяя старые меньшевистские аргументы, они пытались обосновать (особенно Ф. Дан [24])невозможность достижения демократического мира при отсутствии поддержки пролетариата других воюющих стран [25].

Однако важно подчеркнуть, что расхождения в оценках причин краха меньшевизма в 1917—1918 гг. между течениями меньшевистской эмигрантской историографии не носили принципиального характера. «Оттенков среди этой публики много,— замечал В. И. Ленин,— но они никакого серьезного значения, с политической точки зрения, не имеют...» [26]

Сближение правой и «левой» группировок меньшевистской эмиграции отразила партийная платформа 1924 г. В дискуссионном сборнике «Проблемы революции» (Берлин, 1926) доминировала точка зрения правых. Тактические разногласия, по воспоминаниям С. Волина, «определялись не столько принципами..., сколько политической интуицией» [27]. Однако они не исчезли, а еще более усилились к началу 30-х годов, что наложило определенный отпечаток на меньшевистские публикации, посвященные 10-летию Февральской и Октябрьской революций. Так, в статье Т. Вернера «Мартов и путь русской социал-демократии» (Социалистический вестн. 1928. № 7. С. 5) обращалось внимание на серьезные «последствия внутреннего кризиса меньшевизма, который в 1917—1918 гг. привел к расколу и ослабил силы партии». Причины краха меньшевиков подробно рассматривались Ф. И. Даном. В его статьях «Десять лет революции» и «Юбилей диктатуры» [28] не отрицалась поддержка большевиков основной массой пролетариата. На всех этапах развития революции, кроме первых месяцев после свержения самодержавия, считал Дан, партия большевиков была ее руководящей политической силой. Как и Мартов, он признавал наличие исторических предпосылок «для возглавления революции большевизмом», подготовленных «всем ходом развития сословно-монархической России» [29].

Такая оценка не свидетельствовала, однако, ни об отходе Дана от реформизма, ни об изменении его отношения к Советской власти и большевистской партии. Будучи вынужденным признать разочарование широких масс политикой мелкобуржуазного блока в феврале—октябре 1917 г., Дан повторил меньшевистские тезисы об объективной обусловленности такого «умеренного курса», объясняемого спецификой общественного развития России. Большевики, голословно утверждал он, смогли возглавить революционный процесс только потому, что накопленные в народе «усилиями» господствующих классов «нищета, невежество, злоба и отчаяние» облекли развитие революции в «грубо-утопические и варварски-жестокие формы» [30]. Фальсифицируя движущие силы Октябрьской революции, Дан провозгласил ее гегемоном «вооруженных крестьян», солдат и матросов, заинтересованных только в разделе помещичьих земель, увлеченных большевистскими «демагогическими» обещаниями [31]. Как справедливо отметила Т. А. Игнатенко, взгляды меньшевистского теоретика не вышли за рамки традиционных реформистских схем, но отразили новые реальности эпохи, когда оппортунисты, с одной стороны, не смогли игнорировать исторические успехи Советского государства, а с другой — не желали признать Великую Октябрьскую социалистическую революцию источником этих достижений [32].

В 30-е годы на меньшевистские трактовки причин краха своей партии наложили отпечаток проходившие в их эмигрантских кругах дебаты о союзниках в борьбе против Советской власти. Перенося полемику с правыми на страницы «Социалистического вестника», Ф. Дан отверг версию о возможном привлечении «классово-чуждых сил» для насильственного подавления большевизма в 1917 г., считая его последствием одновременное уничтожение демократии [33]. Одной из основных ошибок меньшевиков было названо их согласие на продолжение войны. Одновременно Дан признал иллюзорными декларативные обращения с соглашательской «программой мира» к трудящимся других воюющих стран. Верный идеям реформизма, он не связывал позицию своей партии по проблемам войны и мира с ее оппортунистическим отношением к вопросу о власти. Напротив, он неуклюже пытался оправдать бездействие коалиционного правительства в решении социально-экономических проблем ссылками на вызванную войной хозяйственную разруху. Фальсифицируя факты, Дан заявил о подготовке меньшевиками в так называемом «предпарламенте» разрыва коалиции с буржуазией, которому якобы помешал «победоносный большевизм» [34]. В статье Дана содержались и традиционные меньшевистские версии об опоре большевиков на отсталость рабочего класса.

Отметим непоследовательность взглядов Ф. И. Дана. Через два года из его статей («Тридцать лет» и «Еще об истории русской революции») [35] исчезли более или менее откровенные признания меньшевистских ошибок, но усилилось повторение рефор-

мистских схем о «насаждении» большевиками социализма в отсталой стране, о так называемом прогрессирующем расхождении их курса с интересами трудящихся, о роли войны в создании социальной опоры большевизма и др. С помощью откровенно фальсификаторских приемов Дан провозглашал меньшевизм «инициативной силой» рабочего движения в России, говорил о «предопределенности» его судьбы российским революционным процессом. «...Самые успехи его (меньшевизма.— *Г. И.*),— писал Дан,— становились началом его поражения. Чем более создаваемые им формы движения и организаций становились массовыми... тем более эта волна смывала сравнительно тонкий слой воспитанного меньшевизмом классово-сознательного пролетарского авангарда» [36].

В 1936 г. в связи с обсуждением и принятием в СССР новой Конституции меньшевистская эмиграция вновь обратилась к оценкам причин победы большевиков. Сначала «Социалистический вестник», руководствуясь установками Заграничной делегации РСДРП на использование в антисоветских целях легальных рамок новой Конституции, избегал резких антибольшевистских оценок [37]. Ф. Дан, например, без комментариев писал о «жесточайшем поражении» социал-демократии, отдалившем ее от трудящихся масс, делавших свою революцию «под большевистским знаменем» [38].

Но по мере крушения надежд на изменение политического строя в СССР в меньшевистских публикациях вновь усиливаются антисоветские ноты. Так, А. Югов, повторяя оппортунистические догматы об отсутствии в России предпосылок для социализма, заявил: «В вопросе об участии в Октябрьском вооруженном восстании нам нечего пересматривать» [39]. Ф. Дан отказался от прежних суждений об исторической обусловленности победы большевизма. Теперь он, солидаризуясь с правыми меньшевиками, квалифицировал «большевистскую диктатуру» как «потустороннюю силу», родившуюся в эпоху кризиса мирового капитализма и военной разрухи в экономически отсталой стране, утверждал, что трудящиеся «передоверили» ей (в силу своей социально-политической незрелости) решение общегосударственных и международных задач, предрекал неизбежное усиление «противоречий» между большевиками и классами, совершившими революцию [40].

В послевоенных изданиях меньшевиков участились критические оценки деятельности вождей «революционной демократии». Однако они не были связаны с осуждением соглашательства, относились главным образом к обвинениям эсеро-меньшевистских лидеров в недооценке «левой опасности», нерешительности в борьбе против большевизма. Этим обстоятельствам многие меньшевистские мемуаристы (Г. Я. Аронсон, И. Г. Церетели [41] и др.) и приписывали свое поражение. Одновременно реформистская эмигрантская историография предприняла новые попытки оправдать оппортунистический курс меньшевизма. Так, Р. Абрамович посвятил апологетике соглашательской политики специальную

главу своей книги [42]. Аналогичная тема заполнила многие страницы воспоминаний И. Г. Церетели и Г. Я. Аронсона.

Одной из последних публикаций с участием меньшевиков-эмигрантов (Д. Далина, Г. Денике, Л. Ланде, Б. Сапира, Б. Николаевского, С. Волина) стала книга «Меньшевики. От революции 1917 года до второй мировой войны», изданная под эгидой известного советолога Л. А. Хеймсона [43]. Как справедливо отметил Л. М. Спирин, меньшевики были вынуждены пересмотреть ряд позиций, занимаемых в 1917 г., но «главным образом по второстепенным вопросам и не до конца» [44]. Правда, в статье Г. Денике было сделано робкое признание несостоятельности меньшевистской концепции революции, которая названа «самой большой иллюзией» [45]. Однако груз реформистского прошлого не позволил меньшевистским авторам оценить главную причину своего банкротства. Л. Ланде открыто попытался задним числом оправдать генеральную линию меньшевиков. «...Вопрос о том, были ли их надежды целиком иллюзорными, а стратегия совершенно нереалистической,— заявил он,— остается открытым» [46]. Одной из основных причин поражения партии в 1917—1918 гг. в книге провозглашались внутренние противоречия в меньшевизме, отсутствие у него общей политической платформы и единого плана действия.

Освещение меньшевистской эмигрантской историографией причин краха меньшевиков в 1917—1918 гг. является ярким свидетельством несостоятельности ее идейно-политических концепций, приверженности к догматизму, субъективистским и фальсификаторским приемам «исследования». Несмотря на определенную дифференциацию суждений и трактовок, она всегда сохраняла основополагающие оценки и выводы, общие для всех течений меньшевизма, сочетала маскировку под объективность с апологетикой реформизма, все более откровенно сближалась с реакционной буржуазной историографией.

[1] *Барихновский Г. Д.* История краха белой эмиграции в советской исторической литературе // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982. С. 166—169.

[2] *Bouryina A.* Social Democracy: The Menshevik Movement: A Bibliography. Stanford, 1968.

[3] Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М., 1980. С. 208.

[4] *Спирин Л. М.* Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий России, 1917—1922 гг. М., 1967. Ч. 1. С. 3—17.

[5] *Дан Ф.* Наши критики // Проблемы революции: Дискус. сб. Берлин, 1926. С. 53.

[6] *Иванович Ст.* Пять лет большевизма: Начала и концы. Берлин, 1922. С. 71, 35.

[7] Там же. С. 13—15, 18, 35, 79 и др.

[8] *Гарви П. Я.* Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига, 1928. С. 6—8.

[9] Там же. С. 9.

[10] *Гарви П. Я.* П. Б. Аксельрод и меньшевизм // Социалистический вестн. 1925. № 15/16. С. 13.

[11] *Игнатенко Т. А.* Критика меньшевистской эмигрантской историографии Октября в советской литературе 20—30-х годов // Великий Октябрь и непролетарские партии. С. 135.

[12] Социалистический вестн. 1927. № 5, 21/22; 1928. № 21; 1931. № 10. С. 7.

[13] Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С. 56, 158; Социалистический вестн. 1921. № 8. С. 4; *Мартов Ю. О.* Ответ критикам // Там же. 1923. № 2.
[14] *Мартов Ю. О.* Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 13, 20—21, 25.
[15] *Абрамович Р.* Мартов и проблемы русского большевизма // Социалистический вестн. 1923. № 8/9; *Дан Ф.* Пролетариат и демократия в России // Там же. 1925. № 14. С. 3—8; *Он же.* Наши критики // Проблемы революции. С. 55; и др.
[16] Четверть века // Социалистический вестн. 1923. № 1; Пятая годовщина революции // Там же. 1922. № 5; и др.
[17] Социалистический вестн. 1923. № 1. С. 2—3.
[18] *Иванович Ст.* Пять лет большевизма. С. 19.
[19] *Мартов Ю. О.* Мировой большевизм. С. 20.
[20] Мартов и его близкие. С. 53, 57; Социалистический вестн. 1921. № 8. С. 4.
[21] *Далин Д.* После войн и революции. Берлин, 1922. С. 10.
[22] Четверть века // Социалистический вестн. 1923. № 1. С. 2.
[23] Социалистический вестн. 1922. № 5. С. 1.
[24] Там же. 1927. № 5, 21/22; 1928. № 21.
[25] Там же, 1922. № 5. С. 2.
[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 139.
[27] The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War / Ed. by L. Haimson. Chicago; L., 1974. P. 319.
[28] Социалистический вестн. 1927. № 5, 21/22.
[29] Там же. № 5. С. 8.
[30] Там же.
[31] Там же. № 21/22. С. 7.
[32] *Игнатенко Т. А.* Указ. соч. С. 139.
[33] *Дан Ф.* К истории русской революции // Социалистический вестн. 1931. № 10.
[34] Там же. С. 8.
[35] Там же. 1933. № 10/11.
[36] Там же. 1931. № 10. С. 11.
[37] Там же. 1937. № 1/2. С. 3; № 5. С. 1 и др.
[38] *Дан Ф.* Пути возрождения // Там же. 1936. № 14/15. С. 10.
[39] *Югов А.* Предпосылки построения социализма в России // Там же. 1937. № 21. С. 5.
[40] *Дан Ф.* Двадцатилетие диктатуры // Там же. № 20. С. 3.
[41] *Аронсон Г. Я.* Россия в эпоху революции: Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1966. С. 30, 62; *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. 402—403, 416—417.
[42] *Abramovitch R. R.* The Soviet Revolution, 1917—1939. N. Y., 1962. P. 1—100.
[43] Подробнее см.: Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. С. 36—39.
[44] Там же. С. 39.
[45] Там же. С. 38.
[46] The Mensheviks. P. 5.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НЕПРОЛЕТАРСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬИ ПАРТИИ РОССИИ

НЕОНАРОДНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ

МЕНЬШЕВИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Научное издание

НЕПРОЛЕТАРСКИЕ ПАРТИИ РОССИИ В ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЯХ

Утверждено к печати Научным советом
«История Великой Октябрьской социалистической революции»

Редактор издательства М. А. Васильев
Художник М. Л. Храмцов
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы А. С. Бархина, Л. В. Прохорцева
Корректоры Л. А. Иванова, Т. И. Чернышова

ИБ № 38880

Сдано в набор 01.12.88
Подписано к печати 14.06.89
А-03901. Формат $60 \times 90^1/_{16}$
Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная
Печать офсетная. Фотонабор
Усл. печ. л. 15,5. Усл. кр. отт 15,5. Уч.-изд. л. 19,1
Тираж 4350 экз. Тип. зак. 2434.
Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В издательстве
«НАУКА»
готовятся к печати книги:

Пушкарева И. М.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД РЕАКЦИИ 1907—1910 гг.

Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1989 (III).—20 л.

В монографии рассматривается проблема сохранения революционных традиций рабочим классом России в период реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 гг. Статистические методы исследования в работе сочетаются с введением в научный оборот большого конкретно-исторического материала, позволившего представить картину рабочего движения в стране в целом и по отдельным ее регионам.

Для историков.

Бовыкин В. И.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ин-т истории СССР.— М.: Наука, 1990 (II).— 19 л.

Что представляла собой Россия к 1914 г., когда она достигла высшей точки капиталистического развития? По этому вопросу высказываются разные мнения. Автор данной книги попытался дать свой ответ. Его книга основана на документах, в поисках которых он работал во многих архивах в нашей стране и за рубежом. Исследователю удалось, в частности, получить доступ к материалам о финансовых операциях в России, сохранившихся в архивах крупнейших французских банков. Все это позволило автору создать картину предвоенного подъема российской экономики во всей ее сложности и противоречивости. Книга вносит существенный вклад в изучение исторических предпосылок Великого Октября.

Для историков и всех интересующихся историей нашей Родины.